

ВАСИЛИЙ **СТАЛИН**

ПИСЬМА ИЗ ЗОНЫ

**СТАНИСЛАВ
ГРИБАНОВ**

Annotation

Судьба младшего сына Иосифа Сталина после смерти отца 5 марта 1953 года сложилась трагически. Василий Сталин был арестован 28 апреля 1953 года и приговорен к 8 годам заключения за антисоветскую пропаганду. В тюрьме он заболел и фактически стал инвалидом. После отбытия срока наказания местом жительства ему был определен город Казань. Ему запретили жить в Москве и Грузии, а также носить фамилию «Сталин», в паспорте он именовался «Джугашвили». Умер 19 марта 1962 года. Правду последних лет жизни сына Сталина автор этой книги восстановил по архивным документам, воспоминаниям его однополчан и близких. Книга о прошлом, но она заставляет задуматься и о дне нынешнем. Впервые публикуются письма Василия Сталина из тюрьмы.

- Станислав Грибанов

- Заложники времени (пролог)
- «Лично дисциплинирован, летать любит»
- «Васька хотел выдвинуться...»
- От тюрьмы да от сумы...
- Антисоветская настроенность В. Сталина
- Капа и еще две невестки Сталина
- Свекор Капитолины Васильевой
- «Кем держалась наша любимая Россия?»
- Русское направление
- «Если плохо русским...»
- Дело «Флигера» и других
- «Поклонимся и мертвым и живым»
- Зрелая карма
- «Кроме тебя никто мне не нужен»
- «Казнить нельзя миловать»...
- Литература

Станислав Грибанов

Василий Сталин. Письма из зоны

*Без вины виноватым русских
тюрем*

Заложники времени (пролог)

Моя первая книга о Василии Сталине готовилась к выходу в свет, когда советская власть доживала последние дни. Формально она еще владела, казалось бы, несокрушимой державой, еще работали все ее институты: партия — ведущая и направляющая сила, Лубянка — ее надежный оплот, армия, застрявшая в боях с афганскими моджахедами. Ни одна заметка, ни одна статья в газете не могла тогда появиться без разрешения цензора, так что увидеть книгу о сыне Сталина — то, что удалось собрать в документах и воспоминаниях его современников, — я никак не рассчитывал, писал, как говорится, в стол. Дело в том, что имя генералиссимуса Сталина в исторической и мемуарной литературе проходило лишь в черных тонах или с оговорками «кузькиной мамы» времен Хрущева. Эта установка автоматически переносилась и на его сына. А мое «сочинение на свободную тему, где главным героем был летчик Василий по фамилии Сталин», в прокрустово ложе исторических пленумов да съездов партии не укладывалось. Так что писал — отводил душу! — вдруг «красные» придут и напечатают. А может, «белые»...

О жизни Василия Сталина более подробный рассказ я услышал однажды во время дружеского застолья в военном городке штаба южного авиационного корпуса, который дислоцировался некогда в Виттенберге — это на территории, уже ушедшей в историю Германии, ее рабоче-крестьянской республики. В уютном домике по улице Рябиновой хозяин его, генерал Микоян — милейший Алексей Анастасович, щедро угощал меня, Бог весть каким ветром занесенной в Европу, кавказской бастурмой, которая под немецкий «Weinbrand» (попросту «Ванькин брат») шла тоже неплохо.

Помню, выпили мы по одной — за встречу. Солдатская судьба сводила нас сначала в белорусских краях — на аэродроме Рось, потом уже у немцев, в городке Кётен и Цербсте, где генерал Микоян командовал истребительной авиадивизией, а я заканчивал свою боевую вахту с дневными и ночными бдениями в дежурном звене да перехватами рыскающих вдоль границы наглых американских пилотяг. Когда выпили по второй — за тех, кто не вернулся из полета, — Алексей Анастасович достал семейный альбом и принялся подробно представлять каждого из своих родных и близких. Возможно, случайно мое внимание остановилось на снимке одного из братьев Микоянов. «Это Володя, — ответил на вопрос Алексей Анастасович. — Ему было девятнадцать лет, когда он погиб под Сталинградом. Их полк

собрал там Василий Сталин».

Упоминание имени сына Сталина, откровенно говоря, пролетело тогда мимо ушей. О нем по аэродромам ходили легенды, разобраться в которых, где там была правда, а где вранье — вряд ли кто смог бы. Круто поработала на эту тему и хрущевская пропаганда. Никита уже разоблачил культ личности Сталина. кремлевская камарилья до высот небожителей уже подняла его самого — Хрущев стал четырежды Героем! А на горизонте уже занималась заря очередной перестройки святой Руси. Это, когда вместо обещанного коммунизма начальники Кремля развернули оглоблю и повели законопослушные массы назад, к капитализму...

Помню, среди пилотской братвы поговаривали, что сын Сталина о делишках кремлевских царедворцев знал много такого, что населению — по-нынешнему электорату — знать не полагалось. Вот за это его сначала упрятали на 8 лет в тюрьму, а потом сослали в Казань, где и убили...

В тридцатых-то годах, когда по всей стране гремели имена героев-летчиков, спасавших «челюскинцев», бесстрашных экипажей Чкалова и Громова, маханувших через Северный полюс в Америку, молодежь рвалась в небо! Естественно, что и дети Кремля не готовились в олигархи. Естественно ли? Но, прямо скажем, им-то было куда как проще, чем деревенскому парню, шагать по служебной лестнице — до тех же голубых лампас на форме военного летчика — или схлопотать орден с таким лакейским уточненьцем в представлении к награде: «...сын Никиты Сергеевича». Это о Леониде Хрущеве.

Словом, ни Василий Сталин, ни Степа Микоян (тоже генерал), ни его дружок Леня Хрущев, ни Щербаков, ни Булганин, ни Ярославский — золотая молодежь Кремля — меня совершенно не интересовали ни как летчика, ни как военного корреспондента. А вот судьба 19-летнего Володи Микояна, павшего в бою в небе Сталинграда, не могла не взволновать, и с воспоминаний на улице Рябиновой его брата Алексея до встреч в Кремле с их батюшкой, затем с бывшим в плену у немцев нашим солдатом — свидетелем последних минут жизни летчика — получился поистине захватывающий, не отпускающий тебя ни на один день журналистский поиск...

И вот тут деталь. Слушая рассказы о Володе его одноклассников, друзей по конноспортивному клубу, его однополчан, с кем, хоть и недолго, но довелось ему делить радость побед и горечь поражений, я невольно отмечал участие во всем — будь то школа, конный манеж или полевой аэродром — Василия Сталина. В памяти и сейчас живы встречи, лица, голоса

людей — свидетелей событий давних лет. Великолепные конники — чемпионы страны Валентин Мишин, Сергей Маслов, Римма Леута, Валерия Минина... Потом пилоты — дерзкие воздушные бойцы — Герои Советского Союза Александр Котов, Андрей Баклан, Сергей Долгушин, Федор Прокопенко, Василий Бабков, Владимир Луцкий. Это было скрещение судеб дивного, неповторимого поколения — тоже уходящего в историю...

В полетах, честной мужской работе, полной романтики, риска и преодоления себя в небе, в боях за свободу Родины — тот кусочек земли, где ты родился, в которую когда-то уйдешь, как твои деды, которую не продашь и не променяешь за сытость в каком-то ином, историко-виртуальном пространстве — в этом поколение 30-х годов видело поистине Радость жизни! А радости-то жизни, известное дело, преходящи. Вот почему, мнится мне, в воспоминаниях да рассказах о 19-летнем летчике Володе Микояне все больше вырисовывался и другой портрет — Василия Сталина. Бескорыстный, беспредельно добрый, надежный в своей солдатской верности боевым друзьям — таким он остался в их памяти, несмотря на все наветы, несправедность учиненного над ним суда и, ставшую уже генетической, ненависть российских фарисеев к одному даже слову — Сталин!

В ту пору еще благоденствовала так называемая «райская группа» — этакое творческое собрание отставных маршалов и генералов армии. Впрочем, формально в отставку они не уходили. Многим из них было что вспомнить об огнях-пожарищах и друзьях-товарищах. А вот право на издание военных мемуаров высочайшим постановлением закреплялось только за одним — нашим Военным издательством. Так что, являясь редактором военно-мемуарной литературы, отвечая за ее историческую и научно-техническую точность, идеологическую выдержанность, а еще и за литературную красоту изложения воспоминаний, с авторами их — большими шишками в военном-то кругу — приходилось быть тактичным, вежливым, но предельно откровенным. Замечу, и они, люди умудренные жизненным опытом, в солидном возрасте — некоторые-то еще в гражданскую войну своих «белых» братьев шашками рубили — вели себя достойно, выслушивали замечания редактора и выполняли все его требования. Проще говоря, работали творчески в проверенном армейском формате: ты начальник — я дурак, я начальник — ты дурак.

Но тешить свое самолюбие подобным «превосходством в высоте» занятие, прямо скажу, пустое. Работая над книгами авторов — героев войны, я, например, находил большее удовольствие слушать — о событиях и эпизодах, приключениях и

просто интересных случаях из их жизни, о которых и сейчас еще подумаешь — да можно ли писать о том? А тогда, при военной-то цензуре и недремлющем оке политрабочих из ГлавПУРа, и говорить нечего было...

Да, собственно, авторы наши и сами понимали, что реально предлагать в книге для массового читателя, а что нельзя. Поэтому те, кто оказывался поосторожней, даже в задушевной беседе оговаривались: «Это не для печати». Ну, а более лихие из той «райской группы», такие, например, как прославленный летчик-истребитель Иван Кожедуб, без страха и сомнений, без оглядок: «Что скажет княгиня Марья Алексевна», несли правду-матку как о жизни былой, так и о настоящей. Я несколько раз уговаривал Ивана Никитовича поработать над новой книгой его воспоминаний, но выдающийся ас, трижды Герой Советского Союза только отмахивался от таких предложений: «Хватит, уже есть одна моя книжка». А вот маршал Савицкий, напротив, войдя во вкус писательства — когда вышли в свет его военные мемуары, книга для юношества в «Молодой гвардии» — понятно, с классовых позиций — вдруг напрягся и неожиданно заявил: «Ну, а теперь я расскажу всю правду!»

Рассказать ту правду Евгений Яковлевич не успел, и я не берусь догадываться, что он имел в виду. В стране тогда во всю уже раскручивалась горбачевская перестройка с гласностью и каким-то «ускорением». В моду входил поиск дворянских корней, благородного происхождения, так что волнительные страницы воспоминаний о судьбоносных хождениях на Красную площадь — за советом к Ильичу! — стали необязательными. Я не сомневаюсь, что Евгений Яковлевич Савицкий рассказал бы что-то новое из своей жизни. Но война, боевые действия армейских соединений, которыми некогда командовали авторы военных мемуаров, их личное участие, скажем, в тех же воздушных боях, — все это, по-прежнему, строго сверялось по архивным документам, энциклопедиям и справочникам.

Как-то, готовя к изданию рукопись одного летчика, до «перестройки» успевшего стать маршалом авиации, я обратил его внимание на заметное расхождение в количестве выполненных им боевых вылетов на штурмовку: в официальных источниках была одна цифра, а в рукописи — в два раза больше. Маршал отмахнулся от такого несоответствия: «А! Мы не все вылеты учитывали!» Сермяжная правда в том была. Скажем, в начале войны, как вспоминал мой однополчанин Герой Советского Союза генерал Б. Н. Еремин, самолеты противника, сбитые группой, никому не записывали. Вообще не до арифметики было. Или вот знаменитый воздушный боец Александр Иванович Покрышкин —

он одерживал победы и щедро относил сбитые им самолеты на счет ведомых. То была своего рода моральная поддержка молодых, еще не обстрелянных как следует летчиков.

И вот тут момент истины! В одну из встреч с однополчанами Володи Микояна, все еще выпрашивая о нем, его боевой работе, я снова услышал не раз повторяемое ветеранами имя их командира Василия Сталина. В 32-м гвардейском истребительном авиаполку, когда он им командовал, было уже десять Героев Советского Союза. Только за один год они сбили 184 самолета противника. Сыну Сталина запрещали совершать боевые вылеты. Позже по этому поводу мне говорил летчик чкаловского экипажа Герой Советского Союза генерал Г. Ф. Байдуков: «Одно время я командовал дивизией, работали с Васей на одном фронте и, признаюсь, нарушали приказ — умудрялись ходить на боевые задания»... Так вот, при том командир полка Сталин был абсолютно не тщеславен и тоже не следил за бухгалтерией войны, подсчетом да учетом сбитых в воздушных боях самолетах. Герой Советского Союза Федор Федорович Прокопенко доподлинно свидетельствует, что Василий Сталин в небе Сталинграда и на Калининском фронте одержал четыре победы. А в полковых документах сохранилась запись только одного сбитого самолета.

В мае 1944 года полковник Сталин вступил в командование 3-й гвардейской истребительной авиадивизией. Это генеральская должность, и в окружении-то подхалимов очередное звание сыну Сталина могли присвоить на следующий же день — с принятием командования дивизией. Но прошел год тяжелейшей войны — 1944-й. Сорок пятый — до Дня Победы, потом до конца его. Еще несколько послевоенных месяцев 1946 года. Василий Сталин командовал уже авиационным корпусом, а ходил все в звании командира полка. Нет, он не роптал, не жаловался по этому поводу батюшке. Потому что знал — именно отец первым воспротивится и, как уже было не раз, скажет: «Рано. Пусть в полковниках походит»...

И вот еще. Один знающий человек рассказал мне о представлении командира авиадивизии полковника В. И. Сталина к званию Героя Советского Союза. Узнав об этом, Василий решительно настоял об отмене того представления.

Дело было так. Только что закончилась война. У всех хорошее настроение. 24 июня в Москве на Красной площади состоялся Парад Победы. Именно тогда июньским Указом многим было присвоено звание Героя Советского Союза. А 24 летчика стали дважды Героями. В том числе оказался и командир авиационного корпуса Е. Я. Савицкий, непосредственный начальник полковника В. И. Сталина.

Как-то к слову, верный друг и жена Василия Иосифовича Капиталина Георгиевна подтвердила представление его к высокой награде: «Вторая-то звезда Героя у Савицкого — Васина...» Какие на то были основания? Ну, вот, к примеру, приказ Верховного Главнокомандующего № 359 от 2 мая 1945 года — уже под занавес войны. В нем, в связи с завершением разгрома берлинской группировки и овладением войсками 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов столицей Германии городом Берлином были отмечены летчики Главного маршала авиации А. А. Новикова, Главного маршала авиации А. Е. Голованова, генералов С. И. Руденко, С. А. Красовского, Е. Я. Савицкого, Е. М. Белецкого, Г. Н. Тупикова, Е. Ф. Логинова, Г. С. Счетчикова, В. Е. Нестерцева, В. Г. Рязанова, А. В. Утина, Б. К. Токарева, И. В. Крупского, А. З. Каравацкого, И. П. Скока, Б. А. Сиднева, И. М. Дзусова, С. В. Слюсарева, В. М. Забалуева, П. П. Архангельского, Г. И. Комарова и полковников В. И. Сталина, Д. Т. Никишина, А. И. Покрышкина и В. И. Александровича. К этому приказу приведу только один эпизод из боевых будней командира дивизии Сталина.

Дело было на многострадальной белорусской земле. Разворачивалась знаменитая стратегическая наступательная операция под кодовым названием «Багратион». Дивизии Сталина тогда предстояло действовать на Оршанском, Борисовском, а затем и Минском направлениях. Боевые задачи полкам были самые разнообразные — завоевание господства в воздухе, прикрытие наших наземных войск, разведка аэродромов и войск противника, штурмовка аэродромов, прикрытие боевых действий авиации.

В конце мая дивизия получила новые боевые машины Ла-5 с форсажным режимом, комдив распорядился получить полетные карты и приступить к изучению района предстоящих боевых действий. Вскоре полки дивизии Сталина перебазировались на аэродромы Изубри и Жваненки.

...23 июня 1944 года. В 9 часов утра после мощной артиллерийской и авиационной подготовки ударные группировки 3-го Белорусского фронта перешли в наступление. А вечером 24 июня Москва уже салютовала двадцатью артиллерийскими залпами войскам фронта, которые прорвали сильно укрепленную оборону противника, южнее Витебска продвинулись в глубину до 30 километров и расширили прорыв до 80 километров.

2 июля 1944 года Верховный Главнокомандующий отмечал в своем приказе успешные действия 3-го Белорусского фронта — войска его перерезали сообщения немцев из Москвы в Вильно и Лиду, 1-го Белорусского — в результате удара их конницы,

танковых соединений и пехоты были отрезаны пути сообщения немцев из Минска на Брест и Лунинец. И вот тут поступила вводная комдиву Сталину. В 20–25 километрах восточнее Минска оказалась 4-я немецкая армия. Ликвидация ее означала бы катастрофу группировки противника на Минском направлении. Так что полки и управление 3-й истребительной авиадивизии не случайно получили приказ перелететь на аэродром Слепянка — это совсем рядом с Минском. Именно тут оставшаяся окруженной группировка немцев общей численностью до пяти дивизий пехоты с артиллерией и танками, стремясь прорваться на запад, к своим войскам, ринулась на Минск. Немцы полагали, что город еще в их руках и к исходу 5 июля, прорвав кольцо, подошли на восточные подступы к Минску. Создалась непосредственная угроза аэродрому Слепянка и частям дивизии полковника Сталина.

Сохранилось донесение комдива командиру корпуса об обстановке и действиях личного состава авиационных частей в бою, который академически именуется как ближний оборонительный. А проще — это, когда на тебя в упор направляют артиллерийские стволы, а ты сидишь в кабине боевой машины и ждешь залпа...

«Я принял решение спасти материальную часть, гвардейские знамена и секретные документы штаба дивизии и штабов частей, — позже напишет в боевом донесении полковник Сталин. — Для этого отдал приказ об эвакуации их на северо-восточную окраину Минска. Начальнику штаба дивизии подполковнику Черепову поручил организовать наземную оборону на подступах к аэродрому для охраны материальной части, так как с наступлением темноты без заранее организованного ночного старта поднять в воздух летный эшелон было невозможно.

Сам на У-2 убыл ночью на аэродром Докуково — для организации там ночного старта. Организовав старт, оставил для приема экипажей капитана Прокопенко и на Ли-2 вернулся в Слепянку. В случае крайней необходимости я уже был готов поднять самолеты в воздух.

К моему возвращению эвакуация штабов была закончена. Она прошла исключительно организованно и быстро. Под минометным обстрелом были спасены необходимое имущество, знамена, документация штабов. Начальником штаба нашей дивизии, командирами 43-й истребительной артиллерийской бригады и 1-й гвардейской Смоленской артбригады была организована надежная оборона на подступах к аэродрому.

Утром на штурмовку противника мы произвели 134 боевых вылета, израсходовали 13115 снарядов. Штурмовка парализовала

группировку противника и раздробила его на мелкие группы.

После штурмовки летный эшелон был выведен из-под удара и перебазирован на аэродром Докуково. Личный состав управления дивизии вместе с техническим составом частей, взаимодействуя с артбригадами, уничтожили в наземном оборонительном бою 200 солдат и офицеров и захватили в плен 222 человека.

В борьбе с немецкими захватчиками стойкость и мужество проявили офицеры, сержанты и рядовые управления и частей дивизии, из числа которых отмечаю... (здесь большой список гвардейцев дивизии).

3-я гвардейская истребительная авиационная Брянская дивизия вверенного вам корпуса готова к выполнению любых боевых задач.

Командир 3 гв. истребительной авиадивизии В. Сталин».

Много это или мало для 23-летнего парня на одну ночь — судите сами. А чтобы еще ясней представить обстановку в полосе наступления наших войск, расскажу о случае, который произошел уже в середине августа на аэродроме Шауляй.

Выход в тот район угрожал вражеским коммуникациям, связывающим Восточную Пруссию с Прибалтикой. Немцы понимали это и делали отчаянные попытки остановить наступление Красной Армии. В полосу наступления 1-го Прибалтийского фронта немецкое командование перебросило крупные резервы и вот силами семи танковых и моторизованной дивизий противник наносил по нашим войскам сильные контрудары.

Вместе с дивизией Сталина на шауляйском аэродроме стоял полк торпедоносцев. Высокие темпы наступления вызвали в те дни ряд трудностей со снабжением частей боеприпасами, горючим, продовольствием. База морской авиации находилась вообще далеко — в Ленинграде, так что комдив Сталин, чем мог, помогал товарищам по оружию.

Но вот 16 августа два полка пехоты и около 80 танков противника из района Кельмы, два полка и до 200 танков из района Куршанай перешли в наступление на Шауляй. К исходу 17 августа они уже начали обстрел аэродрома. Торпедоносцы и истребители вынужденно взлетали: танки, казалось, вот-вот разворотят всю боевую технику. До конца на аэродроме оставались только два командира — 1-го гвардейского минно-торпедного авиаполка КБФ подполковник И. Борзов и комдив В. Сталин.

«Когда танки гитлеровцев вышли уже на окраину летного поля и открыли по нам огонь, на «Бостоне» младшего лейтенанта Муравьева лопнуло колесо и самолет замер на взлете, —

вспоминал тот случай пилот торпедоносца Алексей Скрябин. — Я тогда предложил Муравьеву пробить из пистолета другое колесо и взлетать на ободах. Все лучше, чем оказаться под гусеницами немецких танков. Пилот согласился, сбросил на землю торпеду, и тут, глядим, бежит комдив истребителей. На ходу спрашивает, в чем дело? А сам уже все понял, прикинул ситуацию и командует: «Скорей к Борзову!» Иван Иванович взял экипаж на борт — мы взлетели. А последним аэродром оставил Василий Иосифович. Он взлетел за нами на своем истребителе. Ох, и бесстрашный был!..»

Высокую оценку тогда за помощь в ликвидации прибалтийской группировки противника истребители 3-й гвардейской авиадивизии получили от командования механизированного корпуса, с которым они взаимодействовали. «Нужно особо отметить, — докладывал командир мехкорпуса генерал-лейтенант Обухов, — бомбардировку переправ на реке Западная Двина истребителями дивизии полковника Сталина».

Благодарность летчикам 3-й гвардейской за боевые действия в районе окруженной немецкой группировки восточнее Минска выразил и командир 1-й Смоленской истребительной противотанковой артиллерийской бригады РГК полковник Пилипенко. «Командир 3-й ИАД полковник Сталин, — отмечал он, — находясь на наблюдательном пункте, добился прекрасных результатов взаимодействия с артиллерией по уничтожению немецких войск... Благодарность ему от личного состава бригады за хорошую слаженность и смелость летчиков-гвардейцев и умелое руководство ими в бою!»

1944-й уходил в историю. За год дивизия полковника Сталина провела 19 перебазирований, оставив за собой свыше 2000 километров освобожденной от захватчиков нашей земли. Летчики-истребители 3-й гвардейской совершили за этот период 7536 боевых вылетов, 263 воздушных боя, в которых сбили 364 самолета противника.

Обо всем этом я узнал значительно позже — когда переворотил тонну архивных бумаг. А в начале пути все еще стоял 19-летний летчик Володя, о котором я все-таки написал повесть. Однополчане его помогали мне, как могли, и в тех встречах, разговорах о былом никто даже слова плохого не сказал о Василии Сталине, их командире, осужденным несправедливым судом и оклеветанным лживой хрущевской пропагандой. На аэродромах все хорошо знали сына Сталина, он был равнодушен к чинопочитанию и доступен любому. Не случайно пилоты между собой называли его просто Вася. И то сказать, ни генеральские лампасы, ни ордена, ни высокие должности не меняли строя его души — Василий Сталин, прежде всего, оставался летчиком. За

это его и любили.

Помните, Александр Иванович Куприн писал о первых русских летунах: «Постоянный риск, ежедневная возможность разбиться, искалечиться, умереть, любимый и опасный труд на свежем воздухе, вечная напряженность внимания, недоступные большинству людей ощущения страшной высоты, глубины и упоительной легкости дыхания, собственная невесомость и чудовищная быстрота — все это как бы выжигает, вытравливает из души настоящего летчика обычные низменные чувства — зависть, скупость, трусость, мелочность, сварливость, хвастовство, ложь — и в ней остается чистое золото»...

Чуточку бесшабашный в обычных полетах, дерзкий, отчаянный в воздушных боях, Василий Сталин жил без страха за будущее, без спасительного благоразумия и, когда мастеровые Лубянки, сиясь обвинить его во всех смертных грехах, тянули на расстрельную статью, он соглашался с ними и подписывал всякую чертовщину! Но однажды восстал.

Чекисты хотели, было, обвинить генерала Сталина в измене Родине. И, готовый ко всему, Василий бросил тогда своим палачам вызов: «В отношении чести и Родины я чист! Родина для меня это отец, это мать!..» Слова того допроса сохранились в протоколах. Но тему эту на Лубянке закрыли. Похоже, поняли — тут сына Сталина им не сломить...

Все, о чем я здесь пишу, не сразу, а как-то подспудно, порой, одной запомнившейся фразой входило в душу, понемногу заполняло ее, и в какой-то момент я понял то, о чем боевые друзья Василия Сталина давно знали, во что твердо верили и ждали — имя их командира рано или поздно вернется народу чистым.

Ни «красные», ни «белые» володеть Россией почему-то не шли. И вот, как газ нервно-паралитического действия, под заклинания последнего генсека бескрайние просторы великой державы окутал ядовитый туман «общечеловеческих ценностей». Мы получили разухабистую горбачевскую гласность. Были сняты все запреты при издании книг, не стало военной цензуры. И если раньше историки и специалисты по тем же мировым войнам колебались... вместе с линией партии, то с «перестройкой», по установкам ее главного идеолога А. Н. Яковлева, уже вся русская история безбожно перекраивалась — словно никогда и не было великой Российской империи. Коммунист-перевертыш Яковлев обвинял русский народ в нецивилизованности, «рабском характере», ему подпевали книжники и фарисеи с двойным да тройным гражданством. Открыто лепили: «Россия — сука!» Или вот — поэтический образчик:

Я говорю о нас, сынах Синая;
О нас, чей взгляд иным теплом согрет.
Пусть русский люд ведет тропа иная,
До их славянских дел нам дела нет.
Мы ели хлеб их, но платили кровью.
Счета сохранены, но не сведены,
Мы отомстим — цветами в изголовье.
Их северной страны.
Когда сотрется лыковая проба,
Когда заглохнет красных криков гул,
Мы станем у березового гроба
В почетный караул...

Русский народ унижали, по национальной гордости русского народа наносили удар за ударом. Стоит ли говорить, что с такой гласностью книга о сыне Сталина не могла остаться в рамках биографической хроники да рассказах о бесстрашном командире и его воздушных боях. Так, уже подзаголовок на титульном листе книги приоткрывал более широкий замысел ее:

«Сочинение на свободную тему, где главным героем летчик Василий по фамилии Сталин. А не главные — отец его, Иосиф, интернационалисты Бела Кун, Карл Радек, латышские стрелки, Троцкий, Гитлер, Маркс, Берия, Ульянов. А еще Гельфанд-Парвус — деятель социал-демократического движения, который совдепы, то есть советскую власть, придумал, потом теорию перманентной революции и подарил все это Троцкому. А до этого Израиль Гельфанд-Парвус презервативами торговал и прочая, прочая».

Книга под названием «Заложники времени», строго документальная, без расчета на вкус обывателей, рассказывала о «летчике Василии» в контексте жизни страны, ее революции, к которым батюшка Василия имел прямое отношение. Возможно, поэтому она и вызвала живой интерес читателей. Первым подобному о «Заложниках времени» в еженедельном обзоре литературы на одном из телеканалов отозвался известный артист Л. Куравлев, следом прошла информация по радиоволнам, потом полетели телефонные звонки. Тогда же оперативно сработал лондонский корреспондент Эндрю Хиггинс. Похоже, рассчитывая в интервью для своей газеты «Independet» на «клубничку» из жизни золотой кремлевской молодежи, битых два часа он пытал меня — и не только о сыне Сталина. Последний вопрос, помню, был о Ельцине — что, мол, я думаю о первом российской президенте. Скажу откровенно, меня смущала переводчица англичанина, и мысли по этому поводу я старался

формулировать, по-возможности, интеллигентно. Потом же, прокрутив диктофонную запись, услышал свою речь. Она была подобна выступлениям эстрадника Винокура — с его «е...» да «б...». Хиггинс в какой-то момент отключил свою записывающую аппаратуру, что-то вдруг заторопился и водку со мной, по-русскому обычаю, пить не стал.

А вскоре, испросив разрешение на встречу с автором изданной Военным издательством книги, целой это компанией бодро, можно сказать, весело ко мне завалились американцы. Сверкая зубами, поочередно представились, и тут я понял, что все они — люди военные, что заняты поиском погибших в Корейской войне своих летунов, а возглавляет эту их энергическую деятельность на святой Руси известный генерал-полковник Д. Волкогонов, доктор разных марксистских наук.

С американцами-то было проще. После беглого знакомства мы сразу порулили на кухню, я выставил на стол воз бутылок с крепкой убойной силой и пошли пиры-беседы! Чем на самом-то деле занимались мужики — кто знает... За океаном у них уже побывал отец русской демократии, там полюбовались на Борис Николаича, вычислили его харизму — оказалась вполне подходящей для Иванушки-то дурачка. Потом его катали на вертолете вокруг статуи Свободы, отчего сударь пришел в дикий восторг! А дальше известно. Врагов на всем белом свете у нас не стало. У «всенародноизбранного» все президенты, короли и султаны оказались корешами. «Друг Билл... друг Коля...» Встречи без галстуков...

Джентльмены из совместной американо-российской комиссии по делам военнопленных и пропавших без вести, как выяснилось после третьего стопаря, получили у нас уже свыше 12 000 страниц совершенно секретных документов. Но, по их мнению, следовало еще пошарить архивы этого нашего президента, Министерства обороны, Министерства иностранных дел, Службы внешней разведки и пограничных войск. Дружба «без галстуков» обходилась нам не дешево...

Вскоре демократическую Россию оставлял один из «поисковой команды» американцев Коля Троян. Все его предки — русские. Дед, адмирал русского флота Троян, был известным флотским командиром. Когда Россия оказалась в руках комиссаров Гельфанда-Парвуса и Троцкого, многие русские эмигрировали. Так что Коля, внук адмирала, родился за бугром, но где-то в глубине души и у него отзывалось неизъяснимое чувство принадлежности к некогда великой Российской империи. Видимо, потому на прощальный вечер Коля пригласил много новых знакомых из москвичей и было, как водится у русских,

шумно и весело.

Провожали товарища по работе и американцы. Чуть запоздав, к застолью явилась, прямо скажу, очаровательная женщина — бывший майор разведки, миллионерша, а еще подруга жены министра иностранных дел А. Козырева. С ней она устраивала благотворительные концерты для детишек, а между концертами на российских просторах раскрутила такой бизнес! — куда там нашим теткам. Имя у миллионерши библейское — Ребекка О'Брайен. Я подарил ей на память о России, о нашей встрече свою книгу, и она тут же объявила: «Сделаю тебя миллионером!»...

Верю, порыв Ребекки был от души. В Америке ее знали короли издательского дела и Коля Троян не сомневался, что «Заложники времени» станут бестселлером. Но ряд моментов в книге оказались не под силу ни ей, ни ее влиятельным покровителям, о чем недвусмысленно заметил один из читателей «Заложников» — полковник ВВС США Билл Сакс. Он взволнованно писал о книге: «Это глоток свежего воздуха! Это пристальный взгляд на то, что происходило на самом деле...». И как приговор: «Но у нас, в Штатах, такую книгу не издадут»!.. Добрый читательский отзыв прислал из Белоруссии Павел Боянков, священник православного братства во имя Архистратига Михаила, но тоже с оговоркой: «Многие страницы книги могут вызвать чье-то неудовольствие. Мы хорошо знаем чье...» — и советовал не обращать внимания на тех недовольных.

Я был признателен белорусскому батюшке за добрый совет. Но вот почему полковник Сакс, восторженно отзываясь о книге, был убежден, что в Соединенных Штатах ее не издадут? Америка меня не интересовала — я о ней не писал. Хотя и мог бы катануть бочку на устроителей нового мирового порядка. Помню, в дежурном звене, на границе с Западной Германией, при каждом подъеме на перехват, как тогда говорили, «вероятного противника», мы крыли американцев трехэтажным матом, и я очень жалел, что, после летного училища, оказавшись в «китайском» полку, не успел повоевать с ними в небе Кореи...

Так, по поводу сомнений Билла Сакса. Ясность в это внес его земляк подполковник Лестр Грау. Как он меня отыскал не знаю, но при встрече, прежде всего объявил: «Я не шпион!» А затем поделовому повел такую вот речь о переводе моей книги на английский: «Мой товарищ прочитал «Заложники». Он эксперт, знает русский историй. Интересный книг. Но... малэнки проблэм: евреи, масоны... Это трудно на Запад. Можно поставит, что это обичный теорий в России, так автор думает. Я знаю четыре масонов — нормальни люди. В Америке бил сэкратар компартии Гесс Холл, он говорил, что четыре еврея правят весь мир. Ну разве

так? Я буду писать в ревью, говорит несколько издательств. Хотите полный текст или дайджест?..»

Вот, оказывается, что имел ввиду полковник Сакс, говоря о невозможности появления моей книги в Штатах — стране, где немало русских, рожденных там, в эмиграции. Им-то, думаю, не безразлична история России, крушение империи в начале века, о чем — в связи с именем Сталина — я невольно писал в «Заложниках времени». К слову, в одном месте перечислил «германских путешественников», просквозивших в запломбированном вагоне через всю Германию — это во время ее войны с Россией. Ох, веселенькая компашка катила тогда к нам! Абрамович, Айзенбунд, Арманд, Бриллиант, Гоберман, Гребельская, Константинович, Кон, Линде, Мирингоф, Морточкина, Пейнесон, Погосская, Раввич, Радомысльский, Ривкин, Розенблюм, Сафаров, Сквонно, Слюсарева, Сулишвили, Ульянова, Усиевич, Харитонов, Цхакая. Все — творцы русской революции.

Еще вот упомянул специалистов по революциям, которые торопились из Штатов в Россию во главе — тут уж ничего не поделаешь — с масоном! — Лейбой Троцким, точнее, Бронштейном. Однообразен был список борцов за счастье Иванова, Петрова да Сидорова: Авербух Шмуль Лейб Иосифович, Аксельрод Товия Лейзеров, Альтер Эстера Израилевна, Бронштейн Роза Абрамовна, Вонштейн Израиль Аронович, Гольдштейн Абрам Борисович, Мовшович Моисей Соломонович, Нахимзон Меер Ицкович, Пейнесон Семен Гершович, Райн Рафаил Абрамович, Розенберг Лев Иосифович, Рохлим Мордка Вульфович, Тойбисман Ветя Израилевна, Цедербаум Юлий Осипович, Цукерштейн Соломон Срулев, Шейкман Аарон Лейбович, Шейнис Исер Хаимович, Шмулевич Эстер Исааковна, Эренбург Илья... И так далее.

Все это — дела давно минувших дней. Но вот, оказывается, в Штатах неуютно кому-то даже напоминать о том. Однако в книге страницы истории моей Родины и мне о ней судить, а не заезжим молодцам. Как все это было объяснить милейшему майору О'Брайен?..

Проблема разрешилась сама собой. Ребекка на мои оговорки о запретных темах для воспоминаний и размышлений решительно заключила: «Так ведь это — история!..» Тут и я спорить не стал.

А вскоре ее телефонный звонок расставил все по местам. Спортсменка, миллионерша и просто красавица, Ребекка пронзительно выкрикнула в трубку: «Станислав, что ты наделал!.. — и взволнованно принялась объяснять свое

огорчение: — Я говорила с вице-президентом... Его издательство второе в Америке — «Мак Миллан Камен энд Чюстар». Но начало книги мы не можем давать. Там о евреях! Евреи очень сильные, очень большие люди. Очень сильная группа. Сейчас они не хотят думать о прошлом, хотят забыть о старом. А все хотят узнать, почему евреи сердятся... Честно говоря, я не знаю...»

Мне стало жалко Ребекку, ее пустые хлопоты, напрасно потраченное время и, как мог, стал успокаивать ее, мол, не велика беда, что в Америке не узнают о судьбе сына генералиссимуса Сталина, что страницы нашей истории, правда окаянных дней революций, переворотов, гражданской войны нужны нам, русским, а не американцам. Короче, успокоил подругу мадам Козыревой. А опыт бывшего майора разведки подсказал ей решение — больше не выходить на связь со мной по рабочему телефону. И, похоже, правильно: ЧеКа не дремлет...

Однако об американцах здесь сказано к слову. Бомбардировщики из Штатов продолжали мирно бомбить югославские города, Афганистан, Ирак... На глобусе было немало еще и других стран. Так что летчик Василий по фамилии Сталин штатовских миротворцев в их глобальных заботах не мог интересоваться. Но, чтобы быть объективным, — в годы Великой войны мы все-таки сотрудничали с американцами — приведу здесь еще письмо — от одного калифорнийца. Читать его лучше в первоизданном виде. Почувствуйте теплоту искренних строк простого американца.

«Автор Грибанов в этой работе исполнил великий труд. Эта книга открывает глаза. Она не долбит, а на-абарот, дает четателью что-бы они сами пришли к своей личной точки зрения. Автор дает всем которые достойне похвалы, той же самый равномерность. Его книга заставляет чтобы четател думал! Да эта книга для тех которые емеют думать. Факт всегда остается фактом. Нравется или не нравится.

Я желаю всем прочесть эту прекрасную книгу. Мне только одно жалко, что ее нет на английском языке.

Серж Маше».

Оказалось, что «егают думать» и в Австралии, и в Германии, и в Польше, и в Румынии, и в Китае. «Заложники времени» побывали на книжной ярмарке во Франкфурте, возможно, поэтому так дружно на нее среагировали немцы — известный в Германии историк доктор Эрхард Мориц, предприниматель Гайнц Вильгман, президент одной из фирм Гюнтер Папенбург. Странное совпадение: к 50-летию нашей Победы в Великой Отечественной войне, именно 9 мая, я получил письмо от знаменитого аса

«люфтваффе» генерала А. Галланда. Командующий истребительной авиацией с 1941 по 1945 год, он не мудрствовал в штабах над картами — на Западном фронте Адольф Галланд совершил 425 боевых вылетов и одержал в воздушных боях 104 победы. Так что высокая оценка нашим бывшим противником книги о Василии Сталине — боевое приветствие аса: «Харридо от истребителя к истребителю!» — означало и мою победу.

Не так лихо выразил свой взгляд по тому же поводу регент православного Покровского собора в Мельбурне Николай Коваленко: «Думаю, не просто увидеть свет таким книгам. Тем ценнее они и дороже сердцу русского человека. Храни Господь автора, дай ему сил и впредь писать только правду». Именно русские люди, не разучившиеся думать, первыми и отозвались на книгу, которая незаметно для самого автора вышла за рамки рассказа о судьбе летчика Сталина.

Бывший командующий Дальней авиацией Герой Советского Союза Василий Васильевич Решетников прямо на титульном листе «Заложников времени» размашисто, похоже, от души написал: «Ну что тут скажешь? Станислав I степени!»

Свою признательность автору так же эмоционально выразила и одна из немногих женщин, в годы войны летавших на самолетах-штурмовиках, Герой Советского Союза Анна Александровна Тимофеева-Егорова: «Никто такой книги не писал и не напишет! У меня ее полгоспиталя читали, только что вернули мне... Спасибо за книгу и правду в этом замечательном труде!» А Мария Кузьминична Покрышкина, жена прославленного летчика-истребителя заметила так: «Нужно было иметь храбрость и смелость — взяться за такое дело. Вы взвалили на себя большой труд, подняли огромные пласты. Но они требуют широкого осмысления... Вот так вот никто еще не писал — открыто... Очень смело сказали о Сталине. «Если бы не Сталин, то войну бы мы не выиграли», — так Александр Иванович говорил»...

Позвонил как-то известный русский публицист, знаменитый на весь мир спортсмен, депутат Государственной Думы Юрий Петрович Власов: «Вы прекрасную книгу написали. Прочитал с огромным наслаждением. Оставлял на вечер, как самое лучшее чтение. Язык очень хороший, подход оригинальный. Книга настолько нужна сейчас. Так наклеветали на нас...».

Много читательских отзывов было из Украины: Н. Волков (Краматорск), В. Цуриков (Кривой Рог), В. Фуртатов (Одесса), И. Титаренко (пос. Кленовый), о. Михаил (храм в селе Селище), Н. Моисеенко (село Терноватое), киевляне В. Омельченко, Б. Швайченко, Т. Супрун, Л. Джигуль, К. Дмитриев, В. Кокушко, С. Сокол. Из Белоруссии — В. Дудник, И. Защитин, П. Горбань,

Л. Щукин (Минск), Н. Растегаев (Бобруйск), А. Дубинский (Слуцк); из Казахстана — Ю. Малов (Ленинск); из Грузии — Е. Джугашвили; из Молдавии — Симонов (Бендеры); из Латвии — В. Петерсон (Рига)...

Но особенно много писем было из городов и весей России — писали учителя, историки, инженеры, летчики, ветераны войны, писатели, журналисты. Чтобы не продолжать дальше этот перечень, приведу всего несколько слов из письма врача А. Г. Ловчиковой. «Я смеялась и плакала, когда читала, — делится своим настроением Александра Григорьевна. — Смеялась над Волкогоновым. Плакала над кончиной Василия Сталина...»

Согласитесь, такое признание дорогого стоит. Значит, автор «дал всем которые достойне похвалы, той же самый равномерность», — и масонам и не масонам. «А факт всегда остается фактом. Нравется или не нравится». Это уж так! Мне тогда одно было жалко — факта не встречи с Капиталиной Георгиевной Васильевой, женой Василия Сталина. Конечно, думалось мне, Капиталина Георгиевна могла много рассказать о Василии. Годы, прожитые вместе, счастливые мгновения жизни и мучительная тяжесть тюремных лет — дорога в камеры Владимирского централа, короткие встречи в их стенах, расставания, одиночество и снова ожидание встреч... Однако во время подготовки «Заложников времени» от встречи Капиталина Георгиевна отказалась и, по-своему, была права. Слишком часто недобросовестные люди, «служба неведомым богам», (а то и вполне «ведомым» — зеленой бумажке с портретом бородатого мужика из Штатов) беззастенчиво ввали и об отце, и о сыне его.

Ну, а когда книга вышла в свет, когда Капиталина Георгиевна прочитала ее, препятствий для нашего знакомства не осталось, и мы на долгие годы сохранили самые теплые дружеские отношения.

«Лично дисциплинирован, летать любит»

Король перевернутых бреющих полетов — это когда над самой землей вниз головой летишь, он же мастер бесстрашных атак в небе Мадрида и Гвадалахары, летчик-истребитель Георгий Захаров вдруг растерялся. Киношник Кармен, приятель по встречам на испанских аэродромах пришел к нему какой-то взъерошенный, возбужденный и заявил, что собирается застрелить Васю Сталина. Мол, он с его женой Ниной закрылись в квартире Пашки Федрови, целую неделю не вылезают оттуда и никого видеть не хотят.

Захаров посмеялся, глядя, как Кармен разыгрывает роль ревнивого мужа. Но, встревоженность приятеля, как выяснилось, была не без оснований. В доме неподалеку от бывшего «Яра», где когда-то звучала Соколовская гитара, пели цыгане и кутили московские да петербургские знаменитости, в квартире — по совпадению, цыгана же! — летчика-испытателя Федрови Василий действительно встречался с Ниной.

Поняв, что над старым «Яром» сгущаются суровые тучи, Захаров ринулся в атаку:

— Да ты что! Сына Сталина...

— Нет, застрелю! — не унимался Кармен.

— Выбрось это из головы. Что нынче за мода пошла: чуть что — расстреляю! — рассудительно сдерживал гнев приятеля «испанец» Георгий. — Вот послушай-ка...

И родился план — отписать письмо батюшке Василия... Иосифу Виссарионовичу. Сомнения при этом конечно же были — тревожить вождя народов или как-то обойтись, по домашнему самим разобраться?.. Решили писать. Надежду на успех задуманного поддерживала родственная — в прошлом — связь Кармена с Ярославским. Миней Израйлевич Губельман (Ярославский), важный кремлевский придворный, в просьбе не отказал. Так что боевой маузер Кармену не потребовался.

А Иосиф Виссарионович прочитал то письмо и рассудил, как и следовало было ожидать, мудро — почти как царь Соломон.

«Верните эту дуру Кармену, — написал он на полях «телеги» и добавил: — Полковника Сталина арестовать на 15 суток.

Вождь всех народов многословия не любил, мысли свои излагал просто и лаконично. Так что Василий угодил на гауптвахту в Алешинские казармы, добросовестно отсидел там положенное наказание, а вышел — его ждал еще один сюрприз.

Приказом отца полковника Сталина сняли с должности начальника инспекции ВВС.

Жена Кармена, московская красавица Нина Орлова, то ли по воле вождя, то ли в силу каких-то других причин, но после бегов вернулась домой. Пришлось, конечно, выслушать дидактическое наставление мужа на тему одной из библейских заповедей. Как уж там все дальше обошлось — кто знает. Известно лишь, что Кармен, заметив у жены красивые дамские часики, спросил:

— Это Вашины?

— Да, — ответила Нина.

Кармен сквозь зубы протянул:

— Ца-ре-вич... — Потом взял те часы и грохнул по ним утюгом, чем как бы поставил точку над старой как мир еще одной любовной историей.

Так уж вышло: теми днями, а было это в конце она тысяча девятьсот сорок второго года, разбился летчик Клещев. Именно разбился, а не погиб от рук врага: в яростных воздушных атаках не нашлось равных ему. За полтора года войны 23-летний командир полка Иван Клещев одержал 51 победу!

И вот в канун нового года с одного из полевых аэродромов, где-то под Тамбовом, он взлетел на истребителе, чтобы без лишних проблем да поскорее добраться до Москвы. За бронеспинкой боевой машины Иван пристроил двух гусей, которых достал у крестьян из соседней деревушки — чем не подарок для праздничного стола. Но торопился пилот напрасно. Погода была явно нелетная — хмурая облачность опустилась до самой земли. Едва взлетел — началось обледенение. Так что утром на аэродром пришел крестьянин и сказал: «Там самолет упал. В кабине летчик и два гуся»...

Много лет пройдет с тех пор. Однажды, вспоминая тревожные часы ожидания той давней новогодней ночи, известная актриса кино Зоя Федорова с грустью отзовется о майоре Клещеве: «Хороший был парень Ванечка...» Скажет, и за этими словами навсегда унесет с собой тайну двух любящих сердец.

Может, в самом деле, не столь уж и легкомысленно то замечание наблюдательных французов: «Шерше ля фам»...

Во всяком случае, как-то вот сошлось: 434-й истребительный авиаполк, который так тщательно собирал под Сталинградом Василий Сталин, оказался без командира. Боевой коллектив отметили гвардейским званием — полк был переименован в 32-й гвардейский и, перелетев на Калининский фронт, включился в работу на Великолукском направлении. Сюда-то и прибыл снятый с должности начальника инспекции ВВС полковник Сталин.

Сохранились записи вылетов в эти напряженные дни.

Вот десяткой истребителей группа ушла на прикрытие наших войск в район Хмели. В 13 часов 36 минут взлетели Сталин, Герасимов, Якушин, Коробков, Долгушин, Батов, Шишкин, Гнатенко, Луцкий, Хользунов. Задание выполнили. Но при возвращении летчики попали в такой снегопад, что свой аэродром не нашли, и сели в Старой Торопе.

Странно читать о сыне Сталина обывательские импровизации. Маршал Савицкий поставил как-то под сомнение сбитый Василием самолет. Маршал заявил в газетном интервью, что летал-де Василий с няньками. Эх, добро бы рассуждал так дилетант, человек некомпетентный в летных делах — а то ведь летчик! Неужто неизвестно, что истребитель в боевой машине всегда один. Если летят на задание парой, звеном или эскадрилей — так это принятые боевые порядки. В той же паре ведомый — щит ведущего. А опытный ведущий разве бросит в беде своего напарника?

Так кто же здесь нянька?..

26 февраля Сталин вылетел на задание с Ореховым и был тогда ведущим пары. Орехов, что ли, нянька? Да, Владимир Александрович опытный воздушный боец, на него можно было положиться в любой схватке с противником. Но в тот же день Василий летал со Степаном Микояном — и опять ведущим. А Степан-то совсем молодой пилот...

Были боевые вылеты командира истребительного авиаполка Сталина в паре с Власовым, Луцким, Якимовым. А то уходил на задания вообще один. Например, 8 марта, 9 марта.

...Напряженность боевой работы все нарастала. В начале марта Василий вылетал на задания почти ежедневно, иной раз делал по три-четыре боевых вылета в день. Об этом рассказывают штабные документы, те же политдонесения.

Заместитель командира полка по политической части майор Стельмашук 9 марта сообщал в дивизию следующее:

«С 1 по 7 марта было сделано на сопровождение самолетов Ил-2 в район цели, а так же прикрытие своих войск 227 боевых вылетов, проведено 10 групповых воздушных боев. Сбито 20 самолетов противника, из них ФВ-190 — 8 самолетов, Ме-109 — 12 самолетов. Образцы боевой работы показывали летчики-коммунисты:

гв. старший лейтенант Лепин, сбивший 2 самолета Ме-109 гг;

гв. капитан Почечуев, сбивший 1 ФВ-190 и 1 Ме-109ф;

гв. лейтенант Марков, сбивший 1 ФВ-190 и 1 Ме-109 гг;

гв. младший лейтенант Разуванов, сбивший 2 самолета ФВ-190.

Один самолет ФВ-190 сбит лично гв. полковником Сталиным.

Исключительную отвагу проявил в воздушном бою 5 марта в районе Коломна и западнее коммуны имени Крупской Герой Советского Союза гв. капитан Холодов. Патрулировавшие наши 4 самолета, где старшим был тов. Холодов, встретили до 5 Ме-109 гг и 5 ФВ-190. В завязавшемся неравном бою, видя явное превосходство сил противника, после нескольких атак гв. капитан Холодов таранил Ме-109 гг, сам выбросился на парашюте. Таран подтверждает пленный немецкий летчик, тоже выбросившийся на парашюте.

В этом же бою, беря пример со своего командира, гв. капитан Коваль пошел на таран и таранил самолет противника ФВ-190, отрубив ему винтом хвост, сам произвел посадку на р. Ловать; был доставлен в тяжелом состоянии в госпиталь, поломав при посадке ввиду неуправляемости самолета обе руки и ногу. На тараненном немецком самолете ФВ-190 оказался летчик-майор. Таран подтверждают командиры зенитной батареи и летчики Лепин и Макаров...»

Далее майор Стельмашук доносил в политотдел дивизии о делах на земле:

«Заседанием партийной комиссии принято в ряды ВКП(б) — 5 человек.

Выпущен 1 номер стенгазеты.

Вывод: политико-моральное состояние полка хорошее, полк готов выполнять любую задачу».

Комиссар 32-го гвардейского авиаполка, как всегда, был педантичен в своих политдонесениях: два тарана, одна стенгазета, две поломанные руки и одна нога...

Остается добавить, что тот боевой вылет, когда истребителям 32-го гвардейского пришлось таранить противника — дважды в одном бою — проходил на высоте 200 метров и ниже. Они сошлись с большой группой «мессершмиттов» и «фоккеров». Завязался тяжелый бой. Наши летчики, как видно из политдонесения, стояли насмерть. Два «фоккера» бойцы сбили тараном. Один, горящий от атаки Василия Сталина, упал в районе деревни Семкина Горюшка. Там же свое место нашел и «фоккер», сбитый младшим лейтенантом Вишняковым.

Назову всех участников того боевого вылета: Холодов, Макаров, Баклан, Коваль, Сталин, Лепин, Шульженко, Вишняков.

Интересно, кто у кого в той огненной метели был нянькой?!

На крутых поворотах истории, в годы государственной смуты замечено увлечение публики различными предсказателями, астрологами, экстрасенсами, просто колдунами. Муторно на душе — вот и тянет ко всяческой чертовщине! Впрочем...

Как-то на Белорусском вокзале столицы два с виду вроде бы

интеллигентных мужика установили рядом с сапожной лавкой аппаратишко какой-то. Назови число, месяц, год рождения — пять рэ на банк — и готов весь расклад твоей жизни с января по декабрь, так называемые биоритмы состояния.

Так ли, не так, но вот в судьбе Василия Сталина один месяц — март.

В этом месяце, 19 числа, 1921 года Василий родился. В марте 1940 года он окончил Качинскую школу летчиков и получил первичное воинское звание — лейтенант.

11 марта 1943 года его наградили орденом Александра Невского.

1 марта 1946-го постановлением Совнаркома СССР Василию Сталину присвоено воинское звание генерал-майор авиации.

5 марта 1953 года умер отец Василия.

26 марта 1953 года приказом министра обороны Василия Сталина уволили из кадров Советской Армии.

19 марта 1962 года смерть Василия.

Такой вот получается расклад — без компьютера. Если же еще обратиться к хронике военных лет, к тому весеннему месяцу, когда в Россию возвращаются жаворонки, заметим, что 5 марта в воздушном бою над Семжиной Горушкой Василий Сталин сбил и самолет противника — ФВ-190.

21 марта пятеркой «яков» Василий сопровождал правительственный «дуглас» на участке маршрута Калинин — Москва. Задание с ним выполняли тогда Власов, Бабков, Орехов, Луцкий. Это был последний вылет Василия в компании лихих пилотяг, которых он собрал в полк еще под Сталинградом.

23 марта поступило распоряжение: 32-му истребительному перелететь на подмосковный аэродром Малино. Предстояло укомплектование полка людьми, боевой техникой. 1-й истребительный авиакорпус, в который входил полк Сталина, выводили из боев — начиналась подготовка к Курской битве. Но вместо аэродрома Малино Василий приземлился всем полком на одном из полевых аэродромов.

«Пилотам надо отдохнуть», — принял он командирское решение. И отдохнули...

Выписки из политдонесения чрезвычайном происшествии в 32-мгвардейском истребительном авиаполку

«...Происшествие произошло при следующих обстоятельствах. В 15.30 группа летного состава, состоящая из командира АП полковника Сталина В. И., Героя Советского Союза подполковника Власова Н. И., заместителя командира 3 АЭ, Героя Советского Союза капитана Баклан А. Я., заместителя командира 2 АЭ, Героя Советского Союза капитана Котова А. Г., заместителя

командира 1 АЭ, Героя Советского Союза Гаранина В. И., командира звена старшего лейтенанта Шишкина А. П., инженера по вооружению полка инженер-капитана Разина Е. И., вышла на реку Селижаровка, находящуюся в 1,5 километрах от аэродрома, на рыбную ловлю.

Бросая в воду гранаты и реактивные снаряды, глушили рыбу, собирая ее с берега сачком. Перед бросанием реактивного снаряда инженер-капитан Разин предварительно ставил кольцо капсуля детонатора на максимальное замедление (22 секунды), отворачивал ветрянку, а затем бросал снаряд в воду. Так им лично было брошено 3 реактивных снаряда. Готовясь к броску последнего реактивного снаряда, инженер-капитан Разин вывернул ветрянку — мгновенно произошел взрыв в руке, в результате чего 1 человек был убит, 1 тяжело и 1 легко ранен...»

Такое вот вышло приключение на рыбалке у реки. Тем, легко раненным, выпало быть Василию. Осколком реактивного снаряда ему раздробило пятку правой ноги.

Да, что-то, видно, недосмотрел, что-то недодумал комиссар Стельмашук в плане культурно-массовой работы среди истребителей 32-го авиаполка.

Чтобы не возвращаться больше к мартовским событиям, приведу еще один прелюбопытный документ тех лет — из политических донесений — любимого жанра комиссара Стельмашука.

«2 марта 1943 г. во время осмотра самолета Як-9, принадлежащего командиру 32-го гвардейского истребительного авиаполка гвардии полковнику Сталину В. И. (техник самолета — старший техник-лейтенант Поваренкин), обнаружено в соединении первой тяги от хвоста рулей глубины воткнутое техническое шило, которое заклинивало управление самолета.

Предварительным расследованием выяснилось, что самолет последний полет имел 26.2.43 г., с тех пор на нем производилась работа по проверке шасси и съемка бензобаков...

Считаю: совершен акт с диверсионной целью.

Необходимо немедленно: для личной охраны гвардии полковника Сталина, штаба полка и самолетов Сталина и капитана Микояна прикомандировать к полку 2 отделения по 10 автоматчиков из внутренних войск НКВД.

Заместитель командира 32 ГИАПпо политической части гв. майор Стельмашук».

Это, как указывается в донесении, произошло 2 марта. На следующий же день Василий вылетел на Як-9 патрулировать с Коробковым и Якушиным. Напряжение боевой работы истребителей 32-го гвардейского нарастало. Командиру полка

было не до диверсантов. Оставим и мы это мгновение весны юлиансеменовским штирлицам.

Очевидно, дела более важные, чем заботы о благоустройстве сына своего Василия, преследовали Иосифа Сталина, если о происшествии на рыбалке у реки летунов 32-го гвардейского полка он узнал только спустя два месяца. О «чепэ» на рыбалке — Лаврентий Берия подсуетился, заложил Василия. Сталин проявил внимание к сыну и продиктовал такой вот приказ:

«Командующему ВВС Красной Армии

Маршалу авиации тов. Новикову

Приказываю:

1. Немедленно снять с должности командира авиационного полка полковника Сталина В. И. и не давать ему каких-либо командных постов впредь до моего распоряжения.

2. Полку и бывшему командиру полка полковнику Сталину объявить, что полковник Сталин снимается с должности командира полка за пьянство и разгул и за то, что портит и развращает полк.

3. Исполнение донести.

Народный Комиссар Обороны *И. Сталин*

26 мая 1943 г.»

Но Василий Сталин к началу 1944-го, похоже, искупил свою вину с весенней рыбалкой: 16 января он приступил к исполнению обязанностей инспектора-летчика по технике пилотирования в 1-м гвардейском истребительном авиакорпусе.

О работе инспектора рассказывать особенно нечего. Для Василия Сталина это был своего рода контрольный рубеж, подготовка к командованию дивизией. Участники событий тех давних лет свидетельствуют, что Василий, как инспектор, много помогал в комплектовании соединения летно-техническим составом, самолетами, горюче-смазочными материалами и даже по делам продовольственно-вещевой службы — обмундированием, питанием.

А командир 1-го гвардейского истребительного авиакорпуса генерал Белецкий оценивает полковника В. Сталина в те дни такой вот характеристикой:

«В должности инспектора-летчика авиакорпуса с января 1944 года. За это время он проявил себя весьма энергичным, подвижным и инициативным командиром. Сразу же по прибытию в корпус включился в боевую работу частей корпуса.

Во время проведения операций на Витебском и Полоцком направлениях — в январе-феврале 1944 года — и Идрицком направлении — в марте 1944 года — часто находился непосредственно на ВПУ командира корпуса, руководил

воздушными боями истребителей, анализировал и разбирал бои с летным составом частей.

Провел большую работу по проверке техники пилотирования у летчиков корпуса.

Обладает отличной техникой пилотирования, летное дело любит. По прибытии в корпус на должность инспектора в течение трех дней изучил и самостоятельно вылетел на самолете Ла-5, до этого летал на самолетах типа «як».

Тактически грамотен, боевую работу авиационных полков и дивизии может организовать хорошо.

С людьми работать умеет, но иногда проявляет излишнюю горячность, вспыльчивость.

Принимает активное участие в партийно-политической работе, является членом парткомиссии корпуса. Лично дисциплинирован, исполнитель, обладает хорошими командирскими качествами. Пользуется авторитетом у личного состава корпуса.

Занимаемой должности соответствует, достоин выдвижения на должность командира истребительной авиационной дивизии».

18 мая 1944 года, согласно приказу Главного маршала авиации Новикова, с 12 часов 00 минут полковник В. Сталин вступил в командование 3-й гвардейской истребительной авиадивизией.

Поднаторевшие в свое время на «проблемах» партийной печати спецы нынче ринулись судить да рядить о делах армейских. С какой ноги марш начинать не ведают, а туда же — о стратегии рассуждать, о военных операциях судить — кто прав, кто виноват. Когда же речь о Сталине и его сыне Василии заходит — тут ни логики в рассуждениях, ни простого здравого смысла. Одно талдычат: папаша продвигал, папаша сынишке карьеру делал. Однако вот деталь, о которой почему-то помалкивают, когда речь заходит о полковнике Сталине. Командование дивизией Василий принял, когда у него был налет 3105 часов! Он летал на всех типах истребительной авиации, состоящей на вооружении нашей армии, на многих бомбардировщиках. А еще на штурмовиках, на американских да английских боевых машинах.

Были ли прецеденты столь стремительного служебного роста, как у сына Сталина? Да вот, скажем, Миша Тухачевский, лейб-гвардии поручик, красавец-барин — не он ли в 25 годков принял жезл командарма? Ну, конечно, конечно, тут полководческий талант плюс «марксистские формулы».

А Иероним Уборевич, герой подавления антоновщины, в 22 года командовавший дивизией, а в 23 — армией? А фармацевт

Иона Якир, он же 23-летний начальник дивизии? А Эйдеман — начальник Особой дивизии в 23 года? А юная комиссарша Рейснер, перед которой дрогнули матросы целой флотилии?

Могут сказать, но то было в гражданскую войну. «Красные дьяволята» шли косяками и народ сам выдвигал своих героев. Хорошо, вот не «дьяволята», а действительно, любимые в народе «сталинские соколы».

Например, летчик А. К. Серов. В 1938 году он был старшим лейтенантом, командиром эскадрильи, а через год — уже комбриг, начальник Главной летной инспекции ВВС РККА. В. С. Хользунов в 1936 году капитан, командир эскадрильи, а в 1937 — командующий армией особого назначения. А. А. Губенко в 1936 году был старшим лейтенантом, командиром звена, а в 1938 — полковник, заместитель командующего ВВС округа. Г. Н. Захаров в 1938 году командир звена, старший лейтенант, а в 1939 — командующий ВВС округа. Георгий Нефедович в кабинет наркома обороны вошел старлеем, а вышел — полковником. Г. П. Кравченко в 1937 году был капитаном, а в 1941 — генерал-лейтенантом, тоже командующим ВВС округа. П. П. Рычагов в 1937 — старший лейтенант, командир звена, а в 1940 — генерал-лейтенант, начальник ВВС РККА. Да и у авиационных штурманов таких примеров много. Г. М. Прокофьев в 1937 году был штурманом эскадрильи, а на следующий год он уже — флагштурман ВВС.

А Василий Сталин, кстати, был и младшим летчиком, и рядовым инспектором-летчиком, и летчиком-инструктором. А по поводу его лампасов и суесловить стыдно. На генеральское-то звание, повторяю, он имел право рассчитывать — согласно занимаемой должности — еще весной 1944 года!

В конце февраля 1945-го Василию Сталину пришлось распрощаться с боевыми друзьями — гвардейцами 3-й истребительной. Он получил назначение командовать авиадивизией в воздушной армии С. И. Руденко, действовавшей в составе 1-го Белорусского фронта на берлинском направлении.

«Выпускник Качинского училища, Василий Иосифович, — пишет маршал авиации Руденко в своих воспоминаниях, — начал войну инспектором-летчиком, под Сталинградом командовал 32-м гвардейским полком, потом 3-й гвардейской дивизией.

В ходе боев под Берлином он возглавил 286-ю истребительную дивизию. За успешные действия был награжден двумя орденами Красного Знамени, орденами Александра Невского и Суворова I степени, польским крестом Грюнвальда».

8 мая 1945 года в пригороде Берлина — Карлсхорсте был подписан акт о безоговорочной капитуляции Германии. Именно 8

мая на КП дивизии Василий Сталин дал последнюю команду подзадержавшемуся в берлинском небе бойцу:

— Возвращайся! Посадку разрешаю. Войны больше нет.

После победы комдив Сталин еще в Германии, в Группе советских оккупационных войск. Он готовит свои боевые полки без скидок на мирное время. Летчики тогда хорошо овладели всеми видами стрельб и по воздушным, и по наземным целям.

Не только в корпусе, но и во всей 16-й воздушной армии дивизия Василия Сталина занимает по боевой подготовке ведущее место. Командующий генерал-полковник авиации С. И. Руденко считает, что комдив достоин продвижения на должность командира корпуса. Но рекомендует изжить недостатки, которые у Сталина замечены: допускает грубость в обращении с подчиненными, иногда слишком доверчив. И то и другое в работе не годится.

Но все-таки командование отдает приказ о назначении генерала Сталина командиром 1-го гвардейского истребительного авиакорпуса. Корпусом этим командовал генерал Захаров. Его переводили в Москву. О передаче хозяйства новому комкору Георгий Нефедович рассказал мне сам:

«Василий приехал в Виттшток, и я сразу понял зачем. Но он с первых минут встречи принялся расспрашивать о всяких пустяках, делах явно второстепенных. Он, видно было, не хотел огорчать меня, поэтому о цели своего приезда сообщать не торопился. Тогда я вернул Василия к манере нашего обычного товарищеского общения, которая сложилась еще в довоенные встречи и прямо сказал:

— Ладно, Вася, обо всем этом успеем поговорить потом. Принимай корпус!

Он этого никак не ожидал, похоже, даже растерялся на мгновение, но потом согласился:

— Ну, поехали, раз тебе не терпится!

Мы вышли во двор, где стояла легковая машина. Василий сел за руль, я — рядом. Когда выехали из города, он вдруг затормозил, выключил мотор и, обняв меня за плечи, спросил:

— Скажи-ка, Жора, зачем тогда тебе понадобилось жаловаться на меня отцу?

Вот этого вопроса уже я никак не ожидал. Но, моментально восстановив в зрительной памяти отчаявшегося, совершенно не помнящего себя Романа Кармена, тот тягостный вечер в моем гостиничном номере затем разговор с Ярославским, я сказал:

— Ну, во-первых, я отцу не жаловался. У меня просто не было такой возможности. — Откровенно говоря, все эти годы я был уверен, что Васе о моем участии в том деле ничего не известно.

— А если бы была — пожаловался бы?

— Пожаловался бы.

— Почему?

Ему, пожалуй, это было интересно знать, но в том, что я говорил, была иная логика, чем в действительности в то время.

— Давай, сказал я, — вернемся в осень сорок второго года. Все воюют. А до меня нет-нет да и доходят разговоры, мол, Вася Сталин по подмосковным дачам развлекается. Ну и представь себе: кончается война, и что бы ты потом ни делал, как бы хорошо ни служил, каждый твой подчиненный, каждый человек в стране, слыша твое имя, в первую очередь знал бы одно: в годы войны сын Сталина болтался в Москве. И никуда бы ты от этого не делся. Никто никогда не посмел бы тебе сказать это в лицо, но каждый бы думал об этом, и ты бы это чувствовал. Да ты бы от этого с ума сошел! И как бы ни летал, как бы ни командовал — это твою репутацию все равно бы не спасло. Народ ведь как рассуждает: генерал! Приказы отдает... А ты — боевой летчик. И не просто боевой летчик: ты — сталинградец. У тебя сбитые есть. Ты не просто где-то как-то летал, ты под Сталинградом воевал! Понимаешь? А теперь никто, никогда и ни при каких условиях не сможет бросить тебе упрек, даже мысленно! Ты меня прости, но в сорок втором году ты еще мыслил по-лейтенантски. Ну а теперь убери из своей биографии полк, Сталинград, весь сорок третий год, сорок четвертый — как будто у тебя ничего не было. Убери и прикинь: что бы ты сейчас означал без этого?..

Василий удивленно посмотрел на меня и спросил:

— Ты действительно тогда так думал?

— А как можно было думать по-другому? Сам я тогда маялся оттого, что не мог на фронт попасть — меня комиссар Степанов снял с дивизии...

Он кивнул: это он знал.

— Если бы ты мне в ту пору попался, я бы тебе много чего сказал, — совершенно искренне, все еще видя перед собой лицо Кармена, но ни слова не говоря о нем, заявил я. — Может, и к лучшему, что ты мне тогда не попался...

Василий засмеялся, включил зажигание и развернул машину в обратную сторону.

— Куда? — спросил я. — А в дивизию...

— Какая там дивизия! — ответил Василий. — Едем назад. Ну что мне у тебя принимать? Сделаем проще: до двадцать пятого июля командуешь корпусом ты, после — я. Идет?..

— Идет, — согласился я.

А командовать и летать Василию оставалось уже совсем немного. Судьба сурово распорядится сыном Сталина. Людская

молва и наветы, годы тюремных заключений и преследования тайной полиции, наконец, загадочная смерть — все-то коснется Василия. Все, как в страшных сказках о наследных принцах и царевичах...

«Васька хотел выдвинуться...»

Итак, война закончилась. К своему первому после войны празднику — Дню Воздушного флота — летная братва армии-победительницы готовилась на бывших аэродромах «люфтваффе». В Потсдаме только что завершилась встреча глав союзных государств: политики разработали и приняли программу послевоенного устройства мира. И вот одна из первых дружественных встреч: на праздник к русским прикатили представители американской, английской и французской миссий.

Гостей встречали главнокомандующий Группы советских оккупационных войск в Германии маршал Г. К. Жуков, член Военного Совета генерал К. Ф. Телегин, командующий 16-й воздушной армией генерал С. И. Руденко. А в это время, перед демонстрацией летного мастерства, напутствовал своих пилотов комдив 286-й истребительной авиадивизии Василий Сталин. В берлинском небе предстояло работать девятке, в которую входили майоры Салахов, Трегубов, Литвиненко, Щербаков, Кошель, капитан Кобисский, старшие лейтенанты Зотов, Мороз и Колышкин. Комдиву 286-й не хотелось оплошать перед вчерашними союзниками, и он просил своих соколов показать, на что способен Иван.

Но прежде прямо на летном поле состоялся показ советской авиационной техники. Комментировать по ходу осмотра боевых машин комдив Сталин поручил полковнику Б. А. Морозову. Врезалась тогда в память Борису Арсентьевичу реплика маршала Чуйкова — по поводу нашего штурмовика. «Это что — броня? — спросил маршал, не то с удивлением, не то с недовольством. — А зачем? Сколько бомб можно было бы подвесить вместо нее!» Действительно, парашют бы вот тоже выкинуть из кабины летчика — еще бы одна бомба прибавилась...

После осмотра техники начали работать в воздухе группы истребителей. Они появлялись над гостевыми трибунами, выполняли лихие маневры и уходили. Вдруг по радио передали желание гостей посмотреть индивидуальный пилотаж. Кто из воздушных бойцов откажется от такого! К своему «яку» рванул было и Василий Сталин. Но устроители праздника решили показать союзникам мастерство двух комкоров — Савицкого и Захарова.

Первым взлетел генерал Савицкий. Его проход над трибунами по-цирковому эффектный — в перевернутом полете, то есть вниз головой — был встречен аплодисментами. Затем генерал выполнил каскад фигур высшего пилотажа, что зрители

также оценили по достоинству. Когда он заканчивал работу, с командного пункта передали:

— Первый, вам взлет!..

Эта команда последовала уже командиру 1-го гвардейского истребительного авиакорпуса генералу Захарову.

— Участник боев в небе Испании, летчик-доброволец в боях китайского народа против японских захватчиков, национальный герой Франции Георгий Захаров! — знакомил гостей диктор. Но рев мотора появившегося истребителя заглушил и оборвал его речь. Произошло то, что не требовало никаких слов. Весь пилотаж Георгия Нефедовича Захарова зрители сопровождали не выкриками болельщиков стадиона, минуту назад адресованными Савицкому, а мертвой тишиной.

— Летчик от Бога... — произнес тогда кто-то из военачальников, и это, пожалуй, только и позволительно было сказать во время работы генерала Захарова в берлинском небе.

Когда пилотаж комкора, казалось, закончился — его самолет боевым разворотом удалился от трибун, — диктор торопливо объявил:

— Внимание, внимание! Дамы и господа, товарищи! Генерал Захаров пилотажную зону еще не покинул... — И тут, действительно, все увидели, как превратившаяся было в точку боевая машину ринулась вниз, затем вышла из пикирования и, прижимаясь к земле, стала на глазах расти. Летчик снизился до того, что его машина летела уже на высоте трибун. Потом, резко перевернулась кабиной вниз и так продолжала снижение.

Тревожно было видеть человека, повисшего на ремнях, когда под ним от ревающего мотора никла трава. Но вот в какое-то точно рассчитанное мгновение нос самолета чуть приподнялся, и тогда мощный залп бортового оружия истребителя оглушил все окрест. Трассирующие очереди снарядов ушли под углом вверх — в облака...

После импровизированного воздушного парада командование Группы советских оккупационных войск в Германии пригласило гостей на товарищеский ужин. Были приглашены конечно и Захаров с Савицким. На всю жизнь запомнится Георгию Нефедовичу высокая оценка его летного мастерства, которую дал в тот вечер маршал Жуков.

— Один брал нахрапом, а другой, — культурой, — как бы между прочим заметил он и пожал руку генералу Захарову. А член Военного совета Телегин по-солдатски просто обнял его и предложил гостям тост:

— За русского летчика! За нашего богатыря!..

Однако парады на аэродромах не часто. А будни военного

летчика и без войны — постоянная готовность к бою, преодоление стихии, себя... Помню безмятежное напутствие моего аэроклубовского инструктора перед первым самостоятельным полетом: «Жить захочешь — сядешь!»

Не всегда это получалось. Уж по какому случаю — не столь важно, но, как свидетельствовал нарком иностранных дел В. М. Молотов, в дни Потсдамской конференции к Иосифу Виссарионовичу Сталину пришли летчики. «Два-три человека, — рассказывал Вячеслав Михайлович. — Сталин поинтересовался: «Ну как у вас дела?» — «Да вот, — они без особой хитрости говорят, — начались катастрофы.» — «Как катастрофы? Расследовать!» И расследовали. Оказывается, Шахурин договорился с Новиковым. И того, и другого посадили — и наркома, и героя этого, Новикова».

Итак, спустя два месяца после войны, в Потсдаме произошла та беседа Сталина с пилотами. А за два месяца до ее начала в Москве, на одном из военных советов тоже шла речь о катастрофах и высокой аварийности в авиации. Адмирал флота Советского Союза И. С. Исаков вспоминал по этому поводу: «Аварийность была большая... Давались то те, то другие объяснения аварийности, пока не дошла очередь до командовавшего тогда военно-воздушными силами Рычагова. Он был, кажется, генерал-лейтенантом, вообще был молод, а уж выглядел совершенным мальчишкой по внешности. И вот когда до него дошла очередь, он вдруг сказал: «Аварийность и будет большая, потому что вы заставляете нас летать на гробах...»

Это Павел Рычагов сказал Сталину. Сталин, как обычно, ходил вдоль стола, курил трубку и слушал, что говорят выступавшие. Но тут он остановился. Наступила гробовая тишина.

«Скажу свое мнение. Говорить это в такой форме на Военном совете не следовало, — делился воспоминаниями с поэтом Симоновым адмирал флота. — Сталин много усилий отдавал авиации, много ею занимался и разбирался в связанных с нею вопросах довольно основательно, во всяком случае, куда более основательно, чем большинство людей, возглавлявших в то время Наркомат обороны. Он гораздо лучше знал авиацию. Несомненно, эта реплика Рычагова в такой форме прозвучала для него личным оскорблением, и это все понимали.

Сталин остановился и молчал. Все ждали, что будет.

Он постоял, потом пошел мимо стола, в том же направлении, в каком и шел. Дошел до конца, повернулся, прошел всю комнату назад в полной тишине, снова повернулся и, вынув трубку изо рта, сказал медленно и тихо, не повышая голоса:

— Вы не должны были так сказать!

И пошел опять. Опять дошел до конца, повернулся снова, прошел всю комнату, опять повернулся и остановился почти на том же самом месте, что и в первый раз, снова сказал тем же низким спокойным голосом:

— Вы не должны были так сказать, — и, сделав крошечную паузу, добавил: — Заседание закрывается.

И первым вышел из комнаты.

30-летний командующий явно погорячился. То, что Сталин много усилий отдавал авиации и разбирался в ней основательно — да только ли в ней! — подтверждали и заместитель наркома авиационной промышленности авиаконструктор А. С. Яковлев, и нарком вооружения Б. Л. Ванников.

«Я помню, как в период испытаний новых самолетов ежедневно в 12 часов ночи готовилась сводка для Сталина о результатах испытательных полетов», — писал Александр Сергеевич. Об отношении Сталина к авиационной промышленности нарком Ванников также свидетельствовал, что занимался ею Сталин повседневно, что руководивший тогда этой отраслью Шахурин «бывал у него чаще всех других наркомов, можно сказать, почти каждый день».

Нет, не прав был Павел Рычагов, так, в запальчивости, бросив горькие для Сталина слова обвинения: «Вы заставляете нас летать на гробах!» Напротив, за те «гробы» Сталин снял с должности наркома авиационной промышленности Михаила Кагановича, родного брата Лазаря, и поставил на его место Шахурина. А с августа 1940-го — в интересах дела! — именно Рычагова назначил командовать Военно-Воздушными Силами.

«Сталин изучал ежедневные сводки выпуска самолетов и авиационных двигателей, требуя объяснений и принятия мер в каждом случае отклонения от графика, подробно разбирал вопросы, связанные с созданием новых самолетов и развитием авиационной промышленности», — вспоминал нарком вооружения.

А «гробов», если верить цифрам, именно при Рычагове заметно прибавилось. Так, в 1939 году — с 1 января по 15 мая — в авиационных катастрофах погибло 70 человек, а за неполный квартал 1941-го в два раза больше — 141 человек! Это без войны. Просто так. Земля шибко твердая...

Может, не случайно 12 апреля 1941-го нарком обороны С. К. Тимошенко и начальник Генштаба Г. К. Жуков и написали по этому поводу такой вот приказ: «Главный Военный Совет Красной Армии, разобрав вопрос об авариях и катастрофах в авиации Красной Армии, установил, что аварии не только не

уменьшаются, но все более увеличиваются из-за расхлябанности летного и командного состава авиации, ведущей к нарушениям элементарных правил летной службы. Из-за расхлябанности ежедневно при авариях и катастрофах в среднем гибнут 2–3 самолета, что составляет в год 600–900 самолетов».

Нарком Тимошенко приказал снять с поста начальника Главного управления ВВС Красной Армии генерал-лейтенанта П. Рычагова, а группу командиров авиачастей предать суду.

Через месяц нарком подводил итоги боевой подготовки ВВС за зимний период обучения. Сохранилась директива от 17 мая 1941 года под грифом «совершенно секретно». В ней Тимошенко отмечал следующее: «Боевая подготовка ВВС КА проходила неудовлетворительно. Низкие показатели в боевой подготовке авиачастей Красной Армии сопровождались чрезвычайно большим количеством катастроф и аварий... Основные недостатки боевой подготовки за зимний период: переучивание летного состава на новые типы самолетов проводились медленными темпами; эксплуатация новой материальной части летно-техническим составом освоена слабо; тренировки в пикировании на самолетах СБ и АР-2 проводились неинтенсивно; обучение бомбометанию с пикирования на самолетах Пе-2 и Ар-2 не проводилось; летный состав боевому применению — бомбометанию, воздушной стрельбе, высотным и маршрутным полетам обучался совершенно неудовлетворительно; самостоятельный выпуск на боевых самолетах молодого летного состава недопустимо затянулся и не был закончен к концу зимнего периода; подготовка летного состава к слепым и ночным полетам во всех частях ВВС КА была развернута слабо. Слепой налет составил 5,2 % к общему налету, ночной — 4,6 %...»

Да что «слепой полет» — с декабря 1940-го фигуры высшего пилотажа почти полностью были запрещены и на «чайках» и на знаменитых «ишачках». Техника эта, казалось бы, была проверена в боях за торжество пролетарского интернационализма, а проку? Немцы уже на заключительном этапе тех же испанских событий — в 1938 году — продемонстрировали нам свой «мессер», который обходил наш И-16 более, чем на 100 километров в час! И уже не из пулеметов строчили они по тем же «ишачкам», а во всю долбили из пушек.

Однако наркомат авиационной промышленности при М. М. Кагановиче не телился. В конструкторских бюро создавались какие-то одномоторные бомбардировщики якобы дальнего действия — «наутилусы капитана Немо», корпели над аэродинамикой фанерных бипланов со скоростями, действительно, как у того ишака. И тогда Сталин собрал

руководящих работников наркомата авиационной промышленности и ВВС, всех ведущих авиаконструкторов и поставил задачу — за 1,5–2 года провести работу по проектированию, постройке, летным испытаниям, доводке и внедрению в серию новых типов боевых самолетов с улучшенными летно-техническими характеристиками.

И вот в 1940 году уже были созданы и запускались в серию истребители Як-1, ЛаГГ-3, МиГ-1. По скорости они обходили «мессера». Только вот по «выпуску в свет» не обходили. В 1940 году то, что планировали, ни один авиационный завод не выполнил. За 1941-й заводы наркомата авиапромышленности недопоставили для боевых частей 1144 самолета!

Одной из причин невыполнения плана, как свидетельствуют архивные документы, являлось отсутствие военных представителей ВВС в самолетостроительных КБ. Это позволяло главным конструкторам передавать самолеты на государственные испытания и в серийное производство без должной обработки, недоведенными, с большим количеством конструктивных недостатков. Шутка ли, испытывать самолет, у которого не три неведомых дороги: «Налево пойдешь — коня потеряешь» и так далее, а все 100! И на всех головы не сносить...

Так, в ходе испытаний по самолетам МиГ-1 и МиГ-3 было выявлено 128 дефектов, по самолету Пе-2 — 132, а по самолету Як-1 — 144 дефекта!

«Вы заставляете нас летать на гробах...» Нет, этот упрек генерала Рычагова был брошен не по адресу. Исследование архивных материалов свидетельствует обратное. Командование ВВС принимало и отправляло в авиационные полки необлетанные боевые машины, нередко ссылаясь на... плохую погоду! Например, в конце 1940 года у завода № 1 без облета было принято 122 самолета И-153 и 15 самолетов МиГ-1. За январь-февраль 1941-го — 176 самолетов МиГ-3. Это 40,5 процента — почти половина новых истребителей, поступивших в строевые части.

А как там шло переучивание на новую технику? Вот, скажем, в западных пограничных военных округах к началу войны было 1448 самолетов новых типов. Летать на них обучилось только 208 экипажей, вести боевые действия в сложных метеорологических условиях — лишь 4 экипажа. Так же и ночью. Если луна светит всю, то те 4 экипажа как-то еще взлетят. А уж в «сложняке» ночью, то есть в облаках, ни один пилот не мог подняться.

Я знал немало летчиков моего поколения, которые за год уверенно утверждались в боевом мастерстве и летали во всех погодных условиях и днем, и ночью. Мы выполняли перехваты с

автоматическим наведением на цель — это без единой команды по радио, били ракетами и по наземным, и по воздушным целям. Когда готовились воевать с евреями в районе Египта, то такой пилотаж на малой высоте откручивали — аж искры из-под земли летели! Не случайно мой однополчанин Коля Семенюченко, веселый потомок запорожских казаков, и без войны в Египте боевой орденом Красного Знамени заслужил. Он тоже за год прошел всю программу переучивания на истребитель-перехватчик МиГ-21 и стал летчиком 1-го класса, а это в авиации знак признания высшего летного мастерства. Между прочим, истребитель наш летал быстрее пули. Секунда — и километр, еще секунда — еще километр. В кабине у пилота было свыше 360 всяких там кнопок, тумблеров, приборов... Ничего, одолели.

А что же в 1939-м парни что ли слабее были? 4 летуна на 1448 самолетов!.. Ну, при «царе Борисе» понятно. Отдел кадров за бугром, так что первоклассные воздушные бойцы и работали сторожами да грузчиками. Не случайно 500 офицеров за год покончили жизнь самоубийством. Вот уж зря-то...

В далеком 1941-м, известно, за один день — 22 июня — 1200 наших самолетов — как корова языком слизала. Генерал Д. Волкогонов во всем Сталина винил, мол, в шоке был несколько дней — вот наших и били. Генерал шарил в библиотеке Иосифа Виссарионовича, в архивах, куда при демократах хрен пропустят, и как бы не заметил одной тетрадки с записями чекистов, в которых каждый день Сталина был по минутам расписан.

Вот 21 июня. В кабинете у него почти до полуночи просидели Молотов, Ворошилов, Берия, чуть раньше ушли Тимошенко, Жуков, Буденный, Маленков, Мехлис. Надо полагать, не в карты дулись. А рано утром, в 5.45 — это 22 июня — Сталин собирает членов Политбюро, высших военачальников. Расходятся все в 16 часов 45 минут.

23 июня. В 3 часа 20 минут первым к Сталину вошел Молотов, через пять минут — Ворошилов и Берия, затем Тимошенко, Ватутин, Кузнецов, Каганович, Жигарев. До половины седьмого работали, а вечером все снова у Сталина. Последними из его кабинета вышли Молотов, Ворошилов, Вознесенский и Берия. Чекисты записали время — 1 час 25 минут 24 июня 1941 года. И так далее.

Нет, Сталин не был в шоке ни в первые дни войны, ни через неделю, ни через месяц — как заврался генерал Волкогонов. В Кремле с 30 июня работал Государственный Комитет обороны (ГКО) и возглавлял его Сталин! В его руках сосредоточилась вся полнота власти в нашем Отечестве, которое он мобилизовывал на разгром врага. Здесь не место рассказывать о кардинальных

мероприятиях, проводимых ГКО в период перестройки народного хозяйства на военный лад. Назовем только две цифры. За пять месяцев после вероломного нападения немцев на Советский Союз на восток нашей страны было отправлено 1523 промышленных предприятия, большое количество институтов, лабораторий. Одновременно в тыловые районы было эвакуировано более 10 миллионов человек! В первые же дни после образования ГКО вышло постановление «О выработке военно-хозяйственного плана обеспечения обороны страны». Заметим, — это все в июле! — были постановления о подготовке резервов для армии и флота, об управлении тылом, о выпуске противотанковых и танковых пушек, о развертывании производства бронебойных и зенитных снарядов, о мероприятиях по обеспечению Красной Армии теплыми вещами на зимний период 1941–1942 гг.

И вот 1 августа 1941 года. В этот день вышло Постановление ГКО «О строительстве самолета «перехватчик» с реактивными двигателями». Ныне забытый и нигде не упоминаемый документ нашей истории, Постановление то по-военному четко излагало программу подготовки боевой машины нового поколения и обязывало наркомат тов. Шахурина, директора и главного конструктора завода № 293 тов. Болховитинова спроектировать и построить 5 самолетов «перехватчик» с реактивными двигателями. Обозначались сроки исполнения и конструкторскому бюро, и научно-исследовательским институтам, и наркомату Шахурина. К 5 августа 1941 года НИИ № 3 предписывалось сдать чертежи двигателя наркомату авиационной промышленности. Наркомат по тем чертежам обязывали изготовить детали двигателя, а именно, первый комплект — к 12 августа. А к 1 сентября НИИ № 3 совместно с заводом № 293 реактивный двигатель предстояло уже отработать. На такое дело наркомату финансов дали распоряжение выделить для наркомата Шахурина 365 миллионов рублей. В постановлении еще подчеркивалось, что все работы по «перехватчику» должны выполняться «вне всякой очереди за счет всех других работ». Подписал Постановление Иосиф Сталин.

Но что это — прямо из «ишачков» да в ракету! — не из мечтаний ли калужского учителя?.. Только неделю назад немцы на Москву устроили налет, от которого произошло 2000 пожаров. Какие тут ракеты!..

И все-таки решение Сталина в те грозные для Отечества дни — строить перехватчик с реактивным двигателем исходило из реальных посылок. Дело обстояло так. В Государственный Комитет Обороны из конструкторского бюро В. Ф. Болховитинова поступила заявка с предложением создать такой самолет. По

своей инициативе над проектом такого истребителя работали два инженера — А. Я. Березняк и А. М. Исаев. «Сталин заинтересовался этим предложением и пожелал встретиться с конструкторами, — вспоминал о том нарком А. И. Шахурин. — На прием мы явились все вместе... В прежние времена ждать приема у Сталина не приходилось. В назначенный час после доклада Поскребышева вы сразу входили в кабинет. Но был август 1941 года. Время чрезвычайно трудное. Сталин принял нас спустя два часа».

И первый вопрос конструктору Болховитинову:

— Вы верите в это дело?

Немногословный Виктор Федорович ответил:

— Верю, товарищ Сталин.

— Тогда делайте, но срок на создание опытного образца один месяц.

Даже по нормам военного времени, как заметил Шахурин, этого было слишком мало. Но Сталин повторил:

— Да, один месяц — сейчас война... — И поднял руку, как всегда, прощаясь и одновременно освобождая людей.

Не с этой ли минуты в небе России открылась новая эра — полета стремительных и грозных ракетноносцев, которым в мире долгое время не было равных...

В сентябре 1941-го — через месяц и десять дней после Постановления ГКО — самолет БИ-1, названный по начальным буквам его конструкторов, был готов. Не было только двигателя. Но планер машины уже создали. Для начала его отбуксировали на необходимую высоту с помощью бомбардировщика и там отцепили. Летчик-испытатель Б. Н. Кудрин приземлил аппарат — конструкцию БИ-1 признали годной для полетов.

Одновременно велись работы по наземным и стендовым испытаниям двигательной установки для самолета. К весне 1942-го однокамерный жидкостно-реактивный двигатель прошел первый этап испытаний, а 15 мая в небо поднялся наш первый реактивный истребитель. Испытывал его капитан Г. Я. Бахчиванджи.

Полет завершился благополучно. Григорий Яковлевич поднимал эту машину в воздух еще семь раз. Но 27 мая 1943 года при испытании самолета на максимальной скорости случилось непредвиденное. Летчик погиб...

За рубежом поиски перспективного авиационного двигателя продвигались более успешно. Еще весной 1937-го англичане провели испытание газотурбинного двигателя Френка Уиттла. Вскоре в воздух поднялся и реактивный самолет, управляемый летчиком Сейером.

Итальянцы, единственным форте которых, как заметил император Наполеон, были макароны да музыка, тоже — до войны! — умудрились создать турбореактивный двигатель. Авиаконструкторы Капрони и Кампини построили для того двигателя самолеты и в 1940 году они начали летать. В декабре 1941-го был совершен даже перелет — по маршруту Милан — Рим.

А что же немцы? Они работали, оставаясь верными себе, неторопливо, наверняка. Газовой турбиной у Хейнкеля занимался доктор Огайн, у Юнкерса — профессор Вагнер и инженер Мюллер, позднее — доктор Франк и инженер Энке. В 1938 году у них появились первые реактивные двигатели, через год первые реактивные самолеты Хе-176 и Хе-178, а в апреле 1941-го прошел испытания реактивный истребитель уже с двумя двигателями — Хе-280.

Спустя годы, нарком нашей авиационной промышленности товарищ Шахурин заметит, мол, «опьяненные первыми успехами после нападения на СССР, гитлеровцы упустили время для развертывания этой работы», то есть по выпуску реактивных истребителей и бомбардировщиков. Как сказать. Ведь те же 1800 реактивных «мессеров» не для воздушных парадов они наклепали. Свой первый Ме-163 конструктор Мессершмитт создал еще в 1941-м — совместно с конструктором Липпишем — и с 1943 был налажен их серийный выпуск. Затем появился Ме-262 — наиболее удачный истребитель и бомбардировщик с двумя двигателями. Германская авиационная промышленность даже в январе 1945-го выпустила 155 реактивных машин, в феврале — 225, и в марте, и в апреле — и все это списать на «упущенное время»?

Что уж темнить-то? Спустя полвека, какой из того секрет, что в начале Второй мировой да еще и до этой войны на реактивных машинах летали и немцы, и англичане, и итальянцы. Колдовали на эту тему и у дядюшки Сэма: специалисты фирмы Белл заполучили из Англии чертежи турбореактивного двигателя Уиттла, и группа инженеров-англичан оказывала им техническую помощь в создании самолета нового поколения.

А что же мы? Или при большевиках Бог обиделся да пообделил смекалкой русского мужика?

Генерал-майор-инженер Г. А. Печенко всю свою долгую жизнь — а стукнуло ему 93 года, когда мы познакомились, — посвятил моторам и двигателям. Григорий Арсентьевич поведал мне обстановку, которая складывалась у нас в связи с этим делом. Так, еще в начале 1938 года его земляк, харьковский инженер-изобретатель А. М. Люлька предложил проект турбореактивного двигателя. Главное управление авиационной промышленности

(ГУАП), получив его проект с положительным заключением и предложением НИИ ВВС о создании конструкторского бюро для постройки реактивного двигателя, повело работу на завал этой цели. Тогдашний начальник управления, братеньник Лазаря Кагановича, быстренько собрал расширенное совещание и выступил против проекта. Его поддержал профессор В. В. Уваров. Но специалисты по двигателям не поддались их давлению и согласились с предложением НИИ ВВС. Тогда руководство ГУАП принялось тормозить создание конструкторского бюро по реактивным двигателям. Что тут скажешь? Пятая колонна!

И все же работники НИИ ВВС не сдавались — они обратились в суровую инстанцию на Старой площади с просьбой дать указание о создании конструкторского бюро по проектированию и постройке реактивных двигателей на одном из авиазаводов. Тут уж ГУАП отступать было некуда. Но компаха Михаила Моисеевича Кагановича делает ход конем: КБ под руководством Люльки создали, только не при авиационном заводе, а на территории Кировского, в Ленинграде, который к авиационной промышленности не имел никакого отношения. Было там опытно-конструкторское бюро, в котором придумывали для тяжелых бомбардировщиков какой-то паровой двигатель — еще Серго Орджоникидзе организовал. Основными агрегатами такого двигателя должны были стать паровая турбина и охладитель пара. Это вроде как на паровозе Стеффенсона: кидай дрова в топку и... полетели, погудели! Однако директор Кировского завода товарищ И. М. Зальцман видел в этом большое будущее авиации: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью...» Так что конструкторское бюро Люльки осталось неприкайанным.

«Руководство НИИ ВВС, — вспоминал генерал Печенко, — предложило мне съездить на завод Кирова и ознакомить там начальство с решением ЦК, а заодно выяснить возможность завода в изготовлении деталей реактивного двигателя для конструкторского бюро Люльки. Парторг ЦК партии на заводе товарищ Ефремов после нашей встречи поручил комсомольцам взять шефство над новым КБ. Работа сдвинулась с места, и перед войной двигатель уже был в сборке, готовился к испытанию...»

«Ну, а дальше?» — спросит читатель. А дальше война. Она, естественно, все и списала. Эшелон, с которым эвакуировалось конструкторское бюро Люльки, попал под бомбежку. После этого новый двигатель где-то затерялся, да и все конструкторы разъехались в разные стороны, на разные предприятия.

«Сам Люлька, — рассказывал Григорий Арсентьевич, — попал в КБ танкового завода. Свои координаты по условиям военного времени сообщить не мог. Только случайно, будучи в

командировке в одном зауральском городе, я встретил Архипа Михайловича...»

Летом 1942, месяц спустя после полета капитана Бахчиванджи на истребителе с жидкостно-реактивным двигателем, Государственный Комитет Обороны принял решение о постройке самолета-перехватчика с воздушно-реактивным двигателем конструкции Костикова. Так же, как для самолета Болховитинова, наркомату авиационной промышленности выделялись деньги из резервного фонда СНК СССР. Шахурину и директору завода № 156 НКАП Ржищеву предписывалось организовать опытно-конструкторское бюро Костикова с опытным цехом при нем, определялись сроки постройки первого варианта перехватчика — 15 марта 1943 года.

Необходимость создания боевых самолетов с реактивными двигателями становилась все очевидней. Наша разведка получала сведения о зарубежных самолетах-снарядах, ракетах, реактивных истребителях-перехватчиках. Было известно, что и американцы склепали свой реактивный аппарат под названием «Воздушная комета» Р-59. Англичане после своего опытного «Глостера» в марте 1943-го подняли в небо очередной самолет — «Метеор». Он был уже с двумя реактивными двигателями и хотя не слишком активно, но стал участвовать в боях против германских «люфтваффе», а с баз Южной Англии действовать даже против самолетов-снарядов.

Авиаконструктор А. С. Яковлев, вспоминая те годы, заметил, что на протяжении всей войны он и его коллеги не раз говорили о необходимости перспективных работ по реактивной технике: «Мы неоднократно ставили этот вопрос в наркомате. Однако каждый раз нам отвечали, что главное сейчас — обеспечить выпуск максимального количества боевых самолетов». В наркомате считали, что «перспектива подождет» ...

...Шел 1944 год. Талантливый инженер-изобретатель А. М. Люлька работал в тылу, на танковом заводе. Гусеницы на Т-34 натягивал! После случайной встречи с генералом Печенко Артем Михайлович был отозван в Москву. Создавалось новое конструкторское бюро по реактивным двигателям. «Беспокойство военных инженеров о развитии реактивной техники дошло, наконец, до наркомата авиационной промышленности...» — вспоминал генерал Г. А. Печенко.

Да, по мнению генерала, основной причиной отставания развития турбореактивных двигателей — а Печенко в те годы отвечал в НИИ ВВС за перспективу развития авиационных моторов — была недооценка важности этого дела руководством авиапромышленности. Проторенной дорожки старались

держаться и некоторые моторные КБ. Григорий Арсентьевич обратился как-то к известному двигателю А. А. Микулину с предложением создать в его конструкторском бюро группу, которая занималась бы разработкой турбореактивных двигателей. Микулин выслушал и ответил:

— Пусть реактивными двигателями занимается Люлька. На мой век и поршневых моторов хватит!

Печенко пытался объяснить, что КБ Люльки только создается, что в нем нет конструкторских кадров, что производственная база не укомплектована ни станками, ни рабочими. Куда там... Тогда НИИ ВВС обратился в ЦК партии, и в конце 1944-го в Кремле состоялось совещание, на котором Микулин категорически отказался менять профиль своей работы. В этот раз он сослался на профессора Б. С. Стечкина. Действительно, еще в начале 30-х годов, заведая кафедрой авиационных двигателей в Военно-воздушной академии имени проф. Н. Е. Жуковского, Стечкин принялся готовить небольшие группы инженеров по реактивной технике, но никто не откликнулся на его призывы. А самого Стечкина вскоре осудили и упрятали за решетку (в ГУЛАГ за одного битого десять небитых брали).

На совещании в Кремле присутствовал Сталин. Внимательно выслушав Микулина, Иосиф Виссарионович подвел итог:

— Разработка отечественного реактивного двигателя, товарищ Микулин, будет поручена вашему КБ, как самому мощному по кадрам и производственной базе. Что касается профессора Стечкина, то мы пришлем его вашим заместителем...

На следующий день профессор Стечкин мирно беседовал с крутым двигателем Микулиным.

Как же пошло дело по развитию перспективной боевой техники после совещания в Кремле? Сталин, по свидетельству генерала Г. А. Печенко, обещал государственную премию тому, кто первым проведет испытания отечественного реактивного двигателя. Так сдвинулся ли воз с места? Вот что пишет об этом в своих воспоминаниях конструктор А. С. Яковлев: «В конце войны инженерный и управленческий аппарат, техническая и серийная производственная база авиационной промышленности представляли огромную, мощную силу. В то же время работники опытного строительства и главные конструкторы располагали слабыми технико-производственными средствами, не позволявшими проводить какие-нибудь серьезные перспективные работы... Но к большому нашему огорчению, руководство наркомата препятствовало перекачиванию ресурсов из серийного производства в опытное даже в самых минимальных размерах и твердило все оно и то же: «Когда будет нужно, получите указание

и займетесь опытными делами. И даже перед окончанием войны мы недостаточно занимались новыми конструктивными разработками. Возникали опасения, как бы и теперь не повторились ошибки и просчеты, допущенные в прошлом, как бы бездеятельность и потеря времени в ожидании команды не привели к серьезному отставанию авиации».

Александр Сергеевич с горечью вспоминал, что и в устной, и в письменной форме авиационные конструкторы ставили вопрос о выделении некоторых ресурсов из серийного производства для опытников, но поддержки у руководства наркомата Шахурина не находили...

Ну, а те летчики, что в дни Потсдамской конференции сетовали Сталину по поводу плохой авиационной техники, может, преувеличили чуточку о катастрофах да авариях? Может, нервы у бойцов сдали после победы-то? А может, сам Сталин и виноват, что катастрофы не прекращались и люди гибли без боя?.. В двух словах то так называемое «авиационное дело» выразил второй человек нашего государства Вячеслав Михайлович Молотов: «Оказывается, Шахурин договорился с Новиковым. И того, и другого посадили — и наркома, и героя этого, Новикова...»

Новиков-то и нарком отсидят да выйдут. А дело о «летающих гробах» — оно что, без оснований, выдумка злого грузина? Тогда тревога воздушных бойцов, прошедших огненные метели войны, — с чего бы?..

Сохранились архивные материалы, признания осужденных. Сохранились записки Новикова по тому делу. Однако сначала было его заявление на имя Сталина от 30 апреля 1946 года. (Арестовали главкома в ночь на 23 апреля).

«Помимо того, что я являюсь непосредственным виновником приема на вооружение авиационных частей недоброкачественных самолетов и моторов, выпускавшихся авиационной промышленностью, я как командующий Военно-Воздушных Сил, должен был обо всем этом доложить Вам, но этого я не делал, скрывая от Вас антигосударственную практику в работе ВВС и НКАП, — писал Новиков. — Я скрывал также от Вас безделье и разболтанность ряда ответственных работников ВВС, что многие занимались своим личным благополучием больше, чем государственным делом, что некоторые руководящие работники безответственно относились к работе. Я покрывал такого проходимца, как Жаров, который, пользуясь моей опекой, тащил направо и налево. Я сам культивировал угодничество и подхалимство в аппарате ВВС.

Все это происходило потому, что я сам попал в болото преступлений, связанных с приемом на вооружение ВВС

бракованной авиационной техники...»

Или вот такое признание Новикова: «У меня вскружилась голова, я возомнил себя большим человеком, считал, что я известен не только в СССР, но и за его пределами и договорился до того, что в разговоре со своей бывшей женой Веледеевой, желая себя показать крупной личностью, заявлял, что меня знают Черчилль, Циен и другие». Маршал этукую манию величия объясняет так: «Находясь в состоянии тяжелой депрессии, доведенный до изнеможения непрерывными допросами, без сна и отдыха, я подписал составленный следователем Лихачевым протокол моего допроса с признанием моей вины во всем, в чем меня обвиняли».

Что же, не каждый генерал может стать Карбышевым. И согласимся, что какой-то там Жаров, который к «авиационному делу» отношения явно не имел, и товарищ Веледеева, бывшая жена маршала — все это выдумки чекистов. Но вот читаем из записок Новикова о государственной комиссии по проверке деятельности ВВС, созданной в марте 1946 года. «В ее состав входили Маленков, Жуков, Василевский, Штеменко, Шикин, Руденко, Вершинин, Судец, — перечислял Новиков имена людей, чей авторитет вряд ли у кого вызовет сомненья и тут вдруг неожиданный поворот: — Причиной создания этой комиссии и ревизии ВВС послужило письмо Василия Сталина отцу о том, что ВВС принимают от промышленности самолет Як-9 с дефектами, из-за которых бьется много летчиков...» Далее маршал просто констатирует: «Делу о приемке плохих самолетов был дан ход, принявший обычный путь объяснений, разъяснений, обещаний исправить и т. д. Но хитрый, рвущийся к власти Васька хотел выдвинуться...»

Откровенно-то говоря, так ли это предосудительно — выдвинуться. Вряд ли когда устареет наш армейский постулат: «Плох тот солдат, который не мечтает стать генералом!» А Василий Сталин не в штабной канцелярии сидел — в кабине боевого истребителя и, слава Богу, летал бесстрашно, имел сбитые самолеты противника. Его письмо, как летчика, освоившего едва ли не все типы отечественных истребителей, летавшего и на штурмовиках, и на бомбардировщиках, в том числе и на трофейных, и на боевых машинах наших союзников, кое на что могло надоумить не только отца.

«Мне не известно, какие обвинения предъявлены Новикову при снятии его с должности главкома ВВС, т. к. я был в это время в Германии, — писал Василий Сталин Президиуму ЦК. — Но если на снятие и арест Новикова повлиял мой доклад отцу о технике нашей (Як-9 с мотором М-107) и о технике немецкой, то Новиков

сам в этом виноват. Он все это знал раньше меня. Ведь доложить об этом было его обязанностью как главкома ВВС, тогда как я случайно заговорил на эти темы. Ведь было бы правильно и хорошо для Новикова, когда я рассказывал отцу о немецкой технике, если бы отец сказал: «Мы знаем это. Новиков докладывал». А получилось все наоборот. Я получился первым докладчиком о немецкой технике, а Новиков, хотел я этого или нет, умалчивателем или незнайкой. В чем же моя вина? Ведь я сказал правду, ту, которую знал о немецкой технике.

Значимость решения, принятого ЦК и правительством, о перевооружении ВВС на реактивную технику и вывозе специалистов из Германии огромна. А в том, что не Новиков оказался зачинателем этого реактивного переворота в нашей авиации, а ЦК и Совет Министров, только сам Новиков и виноват. И по штату и по осведомленности Новиков обязан был быть инициатором этого переворота и главой его по линии ВВС...

Несколько сухих цифр по авиационной технике дивизии, которой командовал полковник В. И. Сталин.

Итак, за год после войны в полках дивизии было проведено 1833 ремонта авиамоторов, 112 аварийных, 4439 мелких и текущих ремонтов боевых истребителей. Перевод такой статистики на язык житейской прозы оптимизма не вызывает. Это — свыше 6000 потенциальных предпосылок к летным происшествиям, вынужденных посадок, аварий и катастроф. А в воздухе авария — не на гоночной трассе, там не притормозишь. И вынужденные посадки не всякий раз заканчиваются, как в той песне — мол, прилетел на свой аэродром «на честном слове и на одном крыле». И те три воздушных бойца, которые ходили к Иосифу Виссарионовичу в дни Потсдамской конференции, надо полагать, меньше всего были озабочены песенным репертуаром.

Теперь о моторе для истребителей, упомянутом в письме Василия Сталина. Когда тот мотор только создавался, Государственный Комитет Обороны вынужден был принимать специальное постановление. Вот что рассказывал о сути того дела В. Н. Сорокин ведущий конструктор ОКБ главного конструктора авиационных двигателей А. А. Микулина:

— У главного конструктора В. Я. Климова при создании мотора М-107-А, предназначавшегося для новых истребителей А. С. Яковлева, встретились трудности, которые не были преодолены. Срывались установленные сроки. Тогда в помощь этому коллективу по указанию ГКО руководством наркомата авиапрома была создана комиссия в составе главных конструкторов А. А. Микулина и А. Д. Швецова, ведущих специалистов Центрального института моторостроения (ЦИАМ)

В. М. Яковлева и Р. С. Кинасашвили. Она должна была, выехав на место, помочь конструкторскому бюро Климова в доводке нового мотора.

Вскоре мы приехали в Уфу, чтобы совместно с Владимиром Яковлевичем Климовым разобраться, почему «не идет» их мотор...

Как выяснилось, при конструировании двигателя было значительно повышено число оборотов — до 3200 против 2600 на М-105 ПФ 2. Но при этом резко увеличились действующие динамические нагрузки. В результате главный шатун — одна из основных деталей мотора — то и дело рвался, что вызывало задержку сдачи мотора для новых истребителей.

После обсуждения сложившейся ситуации решили тут же начать рисовать новый шатун, который, как считала комиссия, обеспечил бы надежную работу двигателя. Такой шатун буквально в течение двух дней был сконструирован. Мотор после всесторонних испытаний запустили в серийное производство...

Запустить-то запустили. Но при испытании самолета с тем мотором чуть не разбился выдающийся летчик-испытатель П. М. Стефановский — чудом остался жив. Полгода Петр Михайлович был прикован к госпитальной койке.

Самолет Як-9у с мотором ВК-107А (как и все последующие разработки климовского КБ, мотор, о котором идет речь, стал именоваться по инициалам главного конструктора — ВК) прошел только заводские испытания — как опытный образец, и первые 16 самолетов, выпущенные заводом № 61, оказались совершенно непригодными к боевой работе.

Не лучше обстояло «авиационное дело» и на заводе № 301. Туда выезжали член Военного совета ВВС генерал-полковник Шиманов и начальник Главного управления заказов ВВС генерал-лейтенант инженерно-авиационной службы Селезнев. На заводе во всю гнали тот недоделанный «як». Военпред браковал самолеты. Он не принял уже около 100 истребителей! А генералы походили, посмотрели, распорядились продолжать приемку и укатили в Москву. В боевые полки было отправлено около 4000 «летающих гробов»...

2267 самолетов из-за конструктивных и производственных недоделок сразу же поставили на прикол. Полеты на них были запрещены. А высокое начальство за «высокие показатели» украшало себя звездами.

Спустя годы, главный инженер ВВС Александр Константинович Репин признался генералу Печенко: «Когда война уже шла к концу, заказы на авиационную технику не были соответствующим образом скорректированы, аэродромы и заводы

оказались завалены дорогостоящими машинами, их пришлось в конечном счете варварскими способами уничтожать...»

Что уж и говорить о тех «завалах»! К началу Львовской операции, например, 2-я воздушная армия имела более 3000 самолетов. Из них — истребителей около 1500. А немцам там хватило всего 700 машин, из них 200 истребителей.

Но вот закончилась война. Моторов по всей Германии — тьма-тьмущая! Только проку от них, как от козла молока. Пахать ни на штурмовиках, ни на бомбардировщиках не станешь. А истребители... Впрочем, об истребителях уже известно: «аэродромные ходоки» ситуацию с недоделанной боевой техникой доложили самому Сталину. И 24 августа 1945 года, вскоре после Потсдамской конференции, снова был вынужден собраться Государственный Комитет Обороны и принять одно из последних своих постановлений. То постановление и вошло в историю под авиационным названием — «О самолете Як-9 с мотором ВК-107А».

Заключительная часть постановления ГКО была сформулирована просто и ясно: «За невнимательное отношение к поступающим из строевых частей ВВС сигналам о серьезных дефектах самолета Як-9 с мотором ВК-107А и отсутствии настойчивости в требовании об устранении этих дефектов командующему ВВС Красной Армии т. Новикову объявить выговор».

Эта фраза в записках Новикова звучит, по-домашнему просто, мол, делу о приемке недоделанных самолетов был дан ход, «принявший обычный путь объяснений, разъяснений, обещаний исправить и т. д.». Как легко и с каким холодком сказано: «обычный путь»... Обычен путь и на погост. Если кости летчика после катастрофы собрать удастся...

Профессор В. М. Жухрай в одной из своих исторических работ писал, что в годы Великой Отечественной войны «Шахурин и компания протащили трижды не выдержавший государственные испытания истребитель Як-9у с мотором ВК-107А». Но в войну, известно, был один счет. А после войны, выходит, новый открылся?.. Нет, такая арифметика, судя по всему, кого-то не устраивала. Как знать, может, и Сталина. Ведь утверждают иные, будто вся затея с бракованными боевыми машинами была устроена ради того, чтобы приписать «крамолу» и обвинить в военном заговоре маршала Жукова...

Всякое можно предположить, Одно не ясно: как Жуков, снимая с должности Новикова, выступал против Жукова?.. Ведь, как указывает в своих записках Новиков, в середине марта 1946 года по проверке деятельности ВВС была создана государственная

комиссия, в состав которой входил Жуков. Именно так! В комиссию входили заместитель министра Вооруженных Сил СССР маршал Н. А. Булганин, секретарь ЦК ВКП(б) Г. М. Маленков, главнокомандующий Сухопутными войсками и заместитель министра Вооруженных Сил СССР маршал Г. К. Жуков, начальник Генерального штаба, первый заместитель министра Вооруженных Сил СССР маршал А. М. Василевский, заместитель начальника Генерального штаба генерал армии С. М. Штеменко, начальник Главного политического управления Вооруженных Сил СССР генерал-полковник И. В. Шикин и три маршала авиации — С. И. Руденко, К. А. Вершинин и В. А. Судец.

Новиков не сомневался — Васька виноват, что из-за каких-то там недоделанных самолетов собралась столь крутая компания. А еще какой-то Кац помог. Да еще «командующий ВВС МВО генерал Сбытов... написал пространное письмо в ЦК о недостатках в ВВС» (из записок А. А. Новикова).

Постановлением СНК СССР от 16 марта 1946 года Новиков был снят с должности командующего ВВС как несправившийся с работой, а вскоре и арестован. Тогда были арестованы и нарком авиационной промышленности А. И. Шахурин, главный инженер ВВС А. К. Репин, член Военного совета ВВС Н. С. Шиманов, начальник Главного управления заказов ВВС Н. П. Селезнев, заведующие отделами ЦК ВКП(б) А. В. Будников и Г. М. Григорьян. Антигосударственная практика, протаскивание на вооружение во время войны и уже в послевоенное время самолетов и моторов с большим браком и серьезными конструктивно-производственными недоделками, сокрытие всего этого от правительства — такие слова прозвучали в приговоре на Военной коллегии Верховного суда СССР.

Бывший член Военного совета ВВС Шиманов называл цифру бракованных самолетов, списанных на войну. Их было около 5000! «Шахурин создавал видимость, что авиационная промышленность выполняет производственную программу и получал за это награды, — говорил генерал, признавая в том и свою вину: — Вместо того, чтобы доложить народному комиссару обороны, что самолеты разваливаются в воздухе, мы сидели на совещаниях и писали графики устранения дефектов на самолетах. Новиков и Репин преследовали лиц, которые сигнализировали о том, что в армию поступают негодные самолеты. Так, например, пострадал полковник Кац».

Пострадал не только начальник штаба истребительного авиационного корпуса полковник Кац. По сведениям контрразведки «СМЕРШ», с 1942 года по февраль 1946-го в частях и учебных заведениях Военно-Воздушных Сил по причине

недоброкачественной материальной части имело место более 45 000 невыходов самолетов на боевые задания, 756 аварий и... 305 катастроф!

О том, как без боя разваливались самолеты в воздухе, песен не слагали. Рифма не получалась...

Вот хроника — в прозе — одного месяца работы одного из гвардейских авиаполков. Полк тот только что перелетел из-под Сталинграда на Калининский фронт, пополнился личным составом, новой боевой техникой. Пилоты рвались в бой и... пошло!

4 января. Не выполнив боевого задания, из полета вернулся старший лейтенант Кошелев. Причина? Тряска мотора.

5 января. Не смогли продолжать полет младшие лейтенанты Гнатенко и Разуванов. На машине одного скрутился гибкий валик, у другого барахлил мотор.

6 января. У старшего лейтенанта Мошина срыв задания — тряска мотора.

7 января. У капитана Шульженко на самолете отлетел патрубок, у старшего лейтенанта Мошина отвалилась бронеспинка, у старшего лейтенанта Лепина не убралась в полете нога шасси, на самолете младшего лейтенанта Вишнякова оторвался патрубок.

8 января. Вернулся на аэродром лейтенант Шишкин. Задание не выполнял. На машине обнаружена течь бензина из-под пробки бензобака.

14 января. Не смог лететь на задание лейтенант Горшков: в воздухе не убиралась нога шасси.

15 января. То же самое произошло на машине младшего лейтенанта Гнатенко — и он вернулся.

16 января. Срыв боевого вылета у старшего лейтенанта Мошина: тряска мотора.

17 января. На самолете лейтенанта Корначенко тряска мотора. То же самое у младшего лейтенанта Гнатенко.

25 января. Только что вручили гвардейское знамя. Вперед, ребята!.. И сразу три отказа боевой техники: у лейтенанта Пономаренко в двух вылетах «обрезал мотор» и у младшего лейтенанта Вишнякова.

26 января. Задание не выполнял лейтенант Марков. Причина — тряска мотора.

27 января. Не у дел оказался младший лейтенант Барановский. На его машине произошла утечка воды из радиатора мотора.

28 января. У младшего лейтенанта Гнатенко в полете открылся лючок бензобака. Боевое задание тоже сорвалось.

Один только месяц.

Тем полком командовал Василий Сталин...

Ну, а Новиков, вспоминая в своих записках командующего ВВС МВО Сбытова, подчеркивал, что в письме в ЦК генерал слишком пространно пишет о недостатках в ВВС. Я спросил как-то Николая Александровича Сбытова о том письме, и он подтвердил, что о Новикове разговор у него со Сталиным был, что речь, действительно, шла о нашей авиационной технике, о малой эффективности ее боевой работы в годы войны. Потом генерал припомнил одно совещание, которое проводил командующий ВВС. По какому-то поводу на том совещании упоминалось имя Булганина, мол, он давал иные указания... Заметим, Булганин в то время был заместителем министра Вооруженных Сил СССР. Новиков обреза:

— Разбирается Булганин в авиации, как свинья в апельсинах!

После совещания Сбытову позвонил Иосиф Виссарионович Сталин и спросил:

— Правда, что Новиков был пьян?

— Я не стал об этом говорить, — вспоминал тот разговор со Сталиным Николай Александрович, — а вот относительно эффективности работы нашей авиационной техники некоторые цифры назвал. Ведь на каждый боевой вылет штурмовика у нас приходилось по 300 килограммов сброшенных бомб, а у бомбардировщиков — больше 500!..

Да, бомбы улетали. Что уж их считать-то после драки. И насчет выпивки — ну ахнул товарищ маршал стакан-другой перед тем совещанием, эка беда. Никита Хрущев, вон, тоже вспоминал: «Я хорошо знал Новикова. Он командовал ВВС Советской Армии большую часть войны и во время Сталинградской битвы приезжал к нам в штаб. У него были недостатки. Он пил, возможно, больше, чем ему следовало...»

Это так Никите казалось. Но, известное дело, одного со стакана на песню потянет, а другому — хоть бы хны! К примеру, главком ВВС Жигарев тоже употребляли-с. На чем, говорят, и погорел. После смерти Сталина снятие Жигарева с должности главкома будут приписывать тоже Василию Иосифовичу. «Это неверно! — возмутился он очередному навету. — Меня в это время в Москве не было и причины снятия Жигарева я узнал от Власика и Поскребышева. Вот что они рассказывали. Жигарев совершенно пьяный явился на вызов в ГКО к т. Сталину и бы снят с работы за пьянство в боевое время»...

Но отбросим на время ушедшие в Лету допросы, доносы, маршальские заявления, записки. Интересно представить, что было видно в Кремле после войны с высоких-то башен?

Уже в ноябре 1945 года американский генерал Д. Макартур в беседе с английским фельдмаршалом А. Бруком заявил: «Мы должны готовиться к войне и собрать по крайней мере тысячу атомных бомб в Англии и Соединенных Штатах... На Тихом океане, используя новые сверхбомбардировщики... мы должны напасть на Россию из Америки».

Ни хрена себе!..

Той же осенью американцы разработали и совсем веселенькую программку под названием «Чариотир». Она намечала для своих бомбардировщиков маршруты в Россию. Напомню: Москва, Ленинград, Горький, Куйбышев, Свердловск, Новосибирск, Омск, Саратов, Казань, Баку, Ташкент, Челябинск, Нижний Тагил, Магнитогорск, Пермь, Тбилиси, Новокузнецк, Грозный, Иркутск, Ярославль... 133 атомных бомбы на 70 наиболее крупных городов Советского Союза — такой вот был замысел программы «Чариотир». Хелло, Долли!

Генералы США этот своеобразный курс географии начали проходить с японских городов Хиросима и Нагасаки. Главное, что им предстояло усвоить из тех уроков, укладывалось в простецкую формулу: «Один самолет — одна бомба — один город». И в научно-испытательном центре ВВС США в Райт-Филде вовсю уже работали 86 немецких и австрийских специалистов. Среди них были крупные мастера по ракетным снарядам Фау-2: Вернер фон Браун — конструктор этого снаряда, Шиллинг — создатель приборов для Фау-2, Штейнгофф — конструктор системы дистанционного управления. Все они уже испытывали свой снаряд на полигоне Уайт Сенус. А в Райт-Филде работал известный конструктор самолета «Мессершмитт-163» Липпиш. Соображали янки, какие трофеи из Германии вывозить. На черта им нужны были какие-то королевские гобелены, средневековые мадонны. Все эти рококо да барокко пусть Иван спасает! Он привык минные-то поля преодолевать — от самой Волги... А настанет час — «мировая общественность» такую волну пустит и либералы из россиян так от нее затрепещут, что без боя будут готовы сдать не только тех мадонн, но и всех своих богородиц...

Пока же союзники во всю гнали реактивный самолет. Они использовали все — и тех немецких конструкторов, и опытные истребители, вывезенные из Германии, и вагоны трофейных чертежей. Одиннадцать фирм работали на эту тему! «Норт Америкен», например, спроектировала бомбардировщик с четырьмя реактивными двигателями — ХВ-45. На лето 1946 года уже было намечено окончание постройки его. ХВ-46 — тоже реактивный бомбовоз — строила фирма «Консолидейтед-Валти». ХВ-35 клепала команда из фирмы «Нортроп». Полетный вес этого

самолета был внушительный — около 70 тонн!

Неплохо шло дело и на острове туманного Альбиона. В начале ноября 1945 года англичанин Вилсон маханул на «Метеоре» 976 километров в час. Это был мировой рекорд скорости. За ним пилотяга Дональдсон показал максимальную скорость полета на том же самолете — 991 километр в час. Так что в марте 1946 года сэр Черчилль закатил в Фултоне довольно крутую речь, которая вошла в послевоенную историю, как начало «холодной войны».

«В настоящее время Соединенные Штаты стоят на вершине мирового могущества... — объявил премьер-министр всему человечеству. Но тут же предостерег, мол, надо испытывать и тревогу, как бы не лишиться достигнутых позиций: — Берегитесь, может не хватить времени! Давайте не будем вести себя таким образом, чтобы события развивались самотеком...»

Что же подвигнуло Черчилля на такое заявление? Кажется, вчера только сидели со Сталиным всю ночь напролет — до самого отлета премьера из Москвы. В душевной беседе на самые разнообразные историко-философские темы Сталин только успевал открывать бутылки и скоро на столе, как потом вспоминал Черчилль, «образовалась большая батарея превосходных вин...» Только вчера Черчилль, надо полагать, вполне искренне говорил о суровом диктаторе: «Я встаю утром и молюсь, чтобы Сталин был жив-здоров. Только Сталин может спасти мир!»

И вот мы победили. Теперь наши союзники боялись России: «как бы не лишиться достигнутых позиций»... Полгода не прошло после выступления английского премьера — в Штатах взлетел стратегический «сверхбомбардировщик» В-36. Как тогда писали в газетах, «Консолидейтед-Валти» В-36 мог нанести удар по любой цели, расположенной в любой точке земного шара...»

А что же Сталин? Сталин безусловно знал о технических достижениях наших вчерашних союзников, знал и о том, чего добились немцы. Не случайно, сразу после войны он поручил Маленкову, который курировал авиацию, возглавить Особый комитет и определить рациональное использование результатов работы немецких авиаконструкторов. Тогда же была создана правительственная комиссия и в августе 1945-го она уже высказала свои соображения по поводу трофейной техники, считая целесообразным изучение и освоение ее. Ведущие наркоматы страны привлекались к этому важному государственному делу, а несколько заводов обязали освоить трофейные газотурбинные двигатели и наладить их серийное производство.

Заводу № 115, где главным конструктором был тов. Яковлев, предстояло создать реактивный истребитель с использованием двигателя ЮМО-004; заводу № 155 (главный конструктор тов. Микоян) — сделать истребитель с двумя газотурбинными двигателями БМВ-003; заводу № 381 (главный конструктор тов. Лавочкин) поручили работу над реактивным самолетом-истребителем также с использованием трофейного двигателя ЮМО-004. Для руководства всеми этими работами при наркомате авиационной промышленности было создано специальное Главное управление по реактивной технике, и Сталин утвердил заключение правительственной комиссии.

...Еще пять месяцев пролетело. Уже всем было ясно, что реактивная авиация стала не только средством отражения возможного удара противника с воздуха, но пока единственным носителем ядерного оружия. А у нас в конце 1945 года нарком Шахурин обращается к главкому Новикову с предложением принять на вооружение ВВС изготовленные заводом № 31 около 100 дефектных Як-3 с мотором ВК-107. Новиков приказал принять 40 таких машин. Надо полагать, на случай перехвата стратегического сверхбомбардировщика «Консолидейтед-Валти» с четырьмя реактивными двигателями.

Тогда о тревожном положении в области науки и опытного самолетостроения группа ведущих авиационных конструкторов написала письмо в ЦК партии. «В декабре 1945 года это письмо послужило предметом неоднократного, подробного обсуждения в Центральном Комитете партии и правительстве, — вспоминал Александр Сергеевич Яковлев. — Здесь было решено во избежание отставания, особенно в области реактивной авиации, принять срочные меры по улучшению опытного строительства новых типов самолетов, двигателей, оборудования и оказанию широкой помощи научно-исследовательским институтам».

Короче — под занавес победного сорок пятого — решением ЦК партии была создана комиссия для всесторонней проверки работы наркомата авиационной промышленности и определения перспектив дальнейшего развития отечественной авиации.

В феврале 1946 года предложения комиссии были одобрены Политбюро и утверждены Советом Министров СССР. Главное внимание в них уделялось развитию реактивной техники, партия обязывала советских ученых заняться разработкой теоретических проблем в области аэродинамики, теории реактивного двигателя, конструкции самолета. Была поставлена и конкретная задача — создать и внедрить в серийное производство истребители со скоростью 850–950 километров в час, бомбардировщики со скоростью 800 километров в час, а также экспериментальные

боевые машины для осуществления полетов на сверхзвуковой скорости.

Большим подспорьем в работе наших двигателистов стали трофейные реактивные двигатели ЮМО-004 и БМВ-003. Немцы уже освоили их и проверили в боевых условиях. У нас эти двигатели выпускали под марками РД-10 и РД-20. В то же время для выхода на передовые рубежи реактивного двигателестроения был использован еще один путь — закупка и освоение лучших зарубежных конструкций.

Александр Сергеевич Яковлев вспоминал, как в начале апреля 1946 года его и уже нового министра авиационной промышленности Михаила Васильевича Хруничева вызвали на совещание к Сталину, посвященное перспективам развития авиации. «Мы с Хруничевым доложили о том, что главное для нас — это быстрее создание собственного реактивного двигателя, — вспоминал конструктор и предлагал закупить у англичан двигатели «Дервент» и «Нин». — Сталин очень удивился такому, как он считал, наивному предложению: «Какой же дурак станет продавать свои секреты!..»

Но Яковлев разъяснил, что те двигатели уже несекретны, что они широко рекламируются в печати и лицензии на их производство проданы ряду стран.

Вскоре наши специалисты закупили в Англии около 60 реактивных двигателей, а затем создали и свои — РД-45 и РД-500. По свидетельству генерала Печенко, для проведения госиспытаний была назначена правительственная комиссия: «Ее председателем определили меня, а членами были заместитель министра авиационной промышленности по моторам В. П. Баландин, генеральный конструктор В. Я. Климов, главный инженер завода А. А. Куинджи и другие. При испытании двух моторов РД-45 оборвались лопатки — в одном на 56-м часу работы, в другом — на 90-м. В то же время параллельно испытывавшийся английский прототип «Нин» проработал срок — 170 часов — нормально...»

Примерно аналогичное положение было и при испытании двигателя РД-500. Комиссия вынуждена была доложить о срыве сроков испытания двигателей правительству, и вскоре по этому поводу собрались в Кремле: министр авиационной промышленности М. В. Хруничев, министр металлургической промышленности И. Ф. Тевосян, генеральный конструктор В. Я. Климов, главный инженер завода А. А. Куинджи. Как председатель комиссии по испытаниям, был там и генерал Г. А. Печенко. Заседание вел В. М. Молотов. Присутствовал И. В. Сталин.

— Слово сразу было предоставлено мне, — до деталей запомнил то совещание Григорий Арсентьевич. — Я рассказал о результатах проведения испытаний, об обрыве лопаток, о нормальной работе английского прототипа. Климов, говоривший вслед за мной, объяснил неудачи с мотором плохим качеством стали, поставлявшейся металлургической промышленностью для лопаток турбины. Министр металлургии Тевосян, конечно, пообещал принять радикальные меры для повышения качества стали.

Тогда подытоживая короткое совещание, Сталин негромко, но внушительно сказал:

— Сталь для лопаток турбины должна быть получена в короткий срок, иначе вам, товарищ Тевосян, не поздоровится. Это же относится и к Хруничеву...

«Не поздоровится...» Что означали такие слова, сказанные Сталиным, все знали.

— Мы вышли из кабинета, где проводилось совещание, с настроением далеко не радужным, — передавал обстановку тех дней генерал Печенко. — Сразу же собрались в кабинете Тевосяна, долго обсуждали, как улучшить качество стали для лопаток, очищать сталь от серы и водорода. Решили в помощь металлургам привлечь других специалистов. Наконец, добились — обрыв лопаток реактивных турбин прекратился. Двигатель РД-45 успешно выдержал все испытания. Его установили на истребитель МиГ-15, затем на фронтовой бомбардировщик Ил-28.

Тем временем шла работа и над нашими отечественными двигателями. В 1946-м они еще проходили доводочные заводские испытания, а через год двигатель ТР-1 конструкции А. М. Люльки успешно прошел и государственные испытания. Тогда Сталин лично поздравил конструктора с успехом. Его удостоили Государственной премии, наградили боевым орденом, вручили автомобиль. Сталин радовался этому достижению, казалось, больше всех...

А в Москве в те годы традиционно проводились военные парады, в том числе воздушные — три раза в год. Об одном из них мне рассказал начальник Липецкого Центра Герой Советского Союза генерал В. Луцкий.

Значит, так. В начале 1949 года Иосиф Виссарионович спросил у Василия — возможно ли подготовить кубинскую дивизию к первомайскому параду, то есть пройти над Красной площадью на реактивных истребителях МиГ-15. Пролет боевых машин над огромным городом — дело всегда ответственное, а тут предстояло лететь на самолетах, которые еще не были освоены. Василий подумал и сказал: «Пройдем!». Он считал, что за четыре

месяца летный состав вполне одолеет реактивную технику.

И началась работа. Вот уже изучена теория, сданы зачеты по знанию самолета, инструкции по технике пилотирования, и летчики дружно выходят на аэродром — тренируются испытанным способом — «пеший по-летному». Но погоды нет. Вернее, погода есть — то снегопады и метели, то туманы и оттепели. Все это для первых взлетов на истребителях, понятно, не годится. Минул январь, за ним — снежный февраль...

В середине марта Иосиф Виссарионович поинтересовался, как идут дела с подготовкой к параду. Василий сказал, что из-за погоды полеты пока задерживаются, но 1 мая дивизия реактивных истребителей пройдет над Красной площадью. Обязательно!

Обычно солнечный март в том году обманул — оказался тоже неблагоприятным для полетов. Наступил апрель. В дивизии на новой машине могли летать не больше эскадрильи летчиков. И Василий Сталин безвыездно на аэродроме, нервничает, тревожит метеослужбу одним вопросом: «Когда же?..» — когда, наконец, установится летная погода...

К 20 апреля летчики, вылетевшие самостоятельно на МиГ-15, перегнали с завода все необходимые для парада самолеты. До конца месяца оставалось уже меньше десяти дней, а ни один из полков дивизии в полном составе на новую технику так и не переучился.

И вот 25 апреля. Аэродромное поле вдруг осветило солнце — это распахнулось, омытое весенними дождями, небо! Василий Сталин безотлучно — от зари до зари — на старте. Гудят раскаленные турбинами высоты и свершается, казалось, невозможное: на генеральной репетиции летчики четко проходят в составе парадных колонн.

...За день до парада командующий приказал комдиву Луцкому собрать в гарнизонном Доме офицеров весь летный состав, инженеров и техников дивизии. В установленное время все были на месте, ждали генерала Сталина, но он не появлялся. Томительно тянулись минуты... Наконец, команда: «Товарищи офицеры!» — и из-за кулис сцены в генеральском костюме показался Василий Иосифович. Приняв рапорт, он не сел за стол с дивизионным начальством, а подошел к краю помоста, как-то по-мальчишески радостно улыбнулся, хотел что-то сказать, но на глазах у него навернулись слезы, и он тут же ушел за кулисы.

В зале нависла тишина. Какое-то время все сидели примолкнув, словно разделяя с командующим его столь неподдельное волнение. А потом все повторилось. Василий снова вышел из-за кулис, так же подошел к краю сцены, попытался говорить, но слезы снова опередили слова — он решительно

оставил зал и больше не появлялся...

Тогда к собравшимся обратился заместитель командующего генерал Редькин. Он выразил надежду, что все поняли Василия Иосифовича, который искренне признателен каждому за их верность! После Редькина от имени участников парада генерал Луцкий просил передать генералу Сталину, что они оправдают его надежду.

Так и было. 1 мая 1949 года над седьмыми соборами Кремля, разрывая воздух мощными турбинами, пронеслись наши боевые истребители. Для чего это потребовалось Иосифу Виссарионовичу Сталину — разговор особый.

Ну, а если по-деловому — в отношении всех этих радостей, огорчений, падений да взлетов, — то была оценка и взгляд специалистов, давно прошедших ликбез «золотой лихорадки» и умеющих ловко считать не только десятичные дроби. Именно они поначалу недооценили Ивана.

«Западные деятели считали, — пишет авиаконструктор А. С. Яковлев, — что «можно было опасаться только армии русских, но не их отсталых Военно-воздушных сил». Видно, в том смысле, что русских много и всех не перебить! Но вот сошлись наши и американцы в небе Кореи...

25 июля 1950 года южнокорейские войска напали на северян. Совет Безопасности ООН вынес резолюцию — применить санкции против КНДР. Что это за «санкции» — известно. Тяжелые американские бомбардировщики тут же начали «миротворческие» бомбардировки Северной Кореи. Напалма янки не жалели — вся страна горела, окуталась густым дымом. Тогда руководство Корейской Народно-Демократической Республики обратилось за помощью к своим друзьям — Китаю и Советскому Союзу. Из ВВС МВО против «миротворцев» в Корею была направлена 324-я истребительная авиадивизия, командовать которой предстояло трижды Герою Советского Союза И. Н. Кожедубу. «Дивизию для выполнения этой задачи готовил лично В. И. Сталин». (Из письма в Генеральную прокуратуру однополчан и сослуживцев Василия Иосифовича. Среди них: дважды Герой Советского Союза, заслуженный военный летчик СССР генерал-лейтенант В. И. Попков, Герои Советского Союза А. И. Выборнов, С. Ф. Долгушин, Ф. Ф. Прокопенко, В. К. Беляков...)

И вот Корея, точнее, аэродром на окраине китайского города Андунь. Отсюда нашим летчикам предстояло вылетать на боевые задания.

...12 апреля 1951 года. Американцы эту дату запомнили навсегда. Тогда, рано утром их бомбардировщики белыми лебедями летели мирно бомбить всех, кто был живой в районе

населенного пункта Сингисю и железнодорожного моста через реку Ялуцзян. Летели красиво — около 60 так называемых «летающих крепостей» Б-29, которых прикрывали, по разным данным, 80 истребителей.

С нашей стороны, по документам 324-й авиадивизии, было 40 МиГ-15. На большой скорости они атаковали звезднополосатых миротворцев, и те чуть не замерли в полете, поперхнулись — от негодования. Это, как это так! Их — носителей демократии и нового мирового порядка — атакуют какие-то русские!..

В то время, когда в небе Кореи сошлись летуны чуждых по духу держав, в политику на разных полушариях земли лезли, проталкиваясь локтями, два друга — «друг Билл» и «друг Боря». Их встречи «без галстуков» были еще впереди, а пока весенним апрельским деньком советские истребители, не слишком-то расположенные к партнерству с дядюшкой Сэмом, долбанули по его «белым лебедям» и 14 штук отправили на тот свет. Под фанфары!..

Как записано в боевом донесении, «наши летчики из воздушного боя возвратились все, пять самолетов имели от двух до семи пулевых пробоин». И то сказать, чтобы сбить один МиГ-15, как подсчитал журнал «Флаинг ревю», шести пулеметам «Сейбра» требовалось израсходовать 1024 патрона. Так что главный бой наши «миги» выиграли — американцы потеряли превосходство в воздухе.

А в течение двух лет позиционной войны они не досчитались свыше 3000 самолетов! Из них 203 сбили летчики 324-й истребительной авиадивизии. Шесть ее воздушных бойцов были удостоены звания Героя Советского Союза. Самым результативным по числу сбитых самолетов противника оказался командир 196-го истребительного авиаполка Евгений Георгиевич Попеляев. В 38 воздушных боях он одержал 23 победы, три из которых записал на счет своего ведомого старшего лейтенанта А. Д. Рыжкова. Командир дивизии Иван Кожедуб настойчиво представлял выдающегося аса Корейской войны к званию дважды Героя Советского Союза и к званию Героя — летчиков полка Алексея Митусова, Бориса Бокача, Владимира Алфеева, Ивана Заплавнева, Льва Иванова, Бориса Абакумова. Но, как с горечью говорит Евгений Георгиевич, все документы начальство ПВО положило под сукно, где они и до сих пор лежат. «Генерал Савицкий стремился доказать с нашей помощью, что самолет МиГ-15 бис в Корейской войне не оправдал тех надежд, которые на него возлагались, — замечает командир полка. — Этим, я так думаю, он пытался оправдать потери личного состава и самолетов подчиненной ему истребительной авиации ПВО страны, также

принимавшей участие в боевых действиях Корейской войны».

Один из великолепных летчиков, героев той войны, Сергей Макарович Крамаренко, спустя годы тоже будет вспоминать, как наши били американцев: «Каждая «летающая крепость» стоила сотни миллионов, так что финансовые потери у них были огромные. Но их не сравнить с тем, что они переживают, когда четверть группы не возвращается на базу. Тогда у них 120 человек были взяты в плен или погибли. И не рядовых солдат, а хорошо подготовленных летчиков. Это был траур для Америки.

Но не только траур, а и шок. Их бомбардировщики, которые считались неуязвимыми, оказались беззащитными перед советскими истребителями. А мы после первых боев стали называть «летающие крепости» летающими сараями — так быстро они загорались и сильно горели». Что и говорить, крепко перепугались тогда ястребы Вашингтона. Нервно задержался начальник штаба ВВС США генерал Ванденберг. «Вследствие большого количества истребителей МиГ-15 господству Организации Объединенных Наций в Корее угрожает серьезная опасность», — шумел он. И не без оснований...

Выходит, не напрасно интересуюсь, как продвигается работа над новым истребителем, почти каждый день звонил на завод Иосиф Сталин.

Не случайно и нарком Шахурин, выйдя на свободу, написал записки — воспоминания о былом, в которых ни одним плохим словом не обмолвился ни о Сталине, ни о его сыне Василии. А под занавес жизни Алексей Иванович признал еще откровенней: «Все на Сталина нельзя валить! За что-то должен и министр отвечать... Вот я, допустим, что-то неправильно сделал в авиации, так я за это и какую-то ответственность обязательно несую. А то все на Сталина!»

...Спустя 40 лет участников корейской войны на празднование победы над американцами пригласили в Пхеньян. «40 лет назад он был ими разрушен до основания, — вспоминал Герой Советского Союза С. М. Крамаренко. — Мы восхищались тем, как корейцы красиво его отстроили. Изумительный город, один из самых красивых городов мира. Чего стоит стадион имени 1 мая — огромный, тысяча на 150.

Состоялся парад. Перед нами проходили парадные батальоны, затем пошли девушки. В корейской армии есть специальные батареи, где они служат — береговой артиллерии, зенитные. Девушки прошли красиво.

А после парада нас пригласили на торжественный обед. Когда мы приехали, нас приветствовал Ким Ир Сен. Он хорошо говорил по-русски. Спрашивает, как вас величать — господа или

товарищи? Отвечаем: мы были с вами товарищами и останемся товарищами. Потом мы его спросили, когда он к нам приедет. Он улыбается — когда у вас снова будет социализм, когда предатели, купленные американцами, уйдут».

Такие вот дела с «авиационным-то делом». Если разобраться, то ни Василий, ни Кац, ни Поц в том деле, как поется в одном шлягере, «здесь вовсе не при чем».

От тюрьмы да от сумы...

На святой Руси не зря говорят: «От тюрьмы да от сумы не зарекайся». Не всякий мог побывать и в старые-то добрые времена, скажем, в Большом театре. А вот ворота Бутырки, Владимирского централа, Крестов, «Матросской тишины», Лефортово — приют воров, грешников, бунтарей и правдоискателей — всегда широко раскрыты, и в стенах их, как в тысячах других тюрем, разбросанных по городам да весям нашей матушки-России, страницы ее истории — трагической, противоречивой, но великой.

Только что специалисты Лубянки подбирали сыну Сталина нужную статью, писали в Приговоре, что он «неоднократно высказывал резкое недовольство отдельными, проводимыми Партией и Советским правительством мероприятиями», а по статье 58–10 УК РСФСР — это лишение свободы в исправительно-трудовом лагере сроком на 8 лет с поражением политических прав, — как их самих уже через полгода пустили в расход!

...За десять дней до ухода из жизни сына Берии, Серго Лаврентьевича, мне удалось побеседовать с ним в столице иностранного государства — городе Киеве. Меня интересовала судьба сынка Никиты Хрущева Леонида, и Серго Лаврентьевич рассказал, как тот спутался с уголовниками, как папаша — первый секретарь ЦК ВКП(б) Украины, искал ходы, чтобы спасти свое чадушко. Двадцать братков киевской мафии образца 30-х годов сразу расстреляли. Ну, а Леню, понятно, не тронули. Как нынче прячут пацанов от службы в российской армии, так и Никитино отпрыска откосили даже от суда. Главный чекист страны Лаврентий Павлович Берия, конечно, знал о деле киевской мафии и, конечно, помог Хрущеву с его сыном. Никита отблагодарил Лаврентия холодным летом 1953-го. Горячо отблагодарил...

Серго Лаврентьевич и ряд историков, исследователей того периода убеждены, что Берию застрелили без всякого суда. Официально же сообщили, что все было путем: следствие, суд и смертная казнь — через полгода после его ареста. Всего-то чуть больше 20 недель отвела компаша Хрущева на расследование «Дела Берии». А дело летуна Василия Сталина — ох, и «враг народа»! — расследовали почти три года...

В Лефортово и в Бутырке — больше года — в одиночном заключении с лета 1953-го находился и сын Берии. По всему видно, как торопился Никита Сергеевич с подельниками убрать самого опасного свидетеля их кровавых дел. И вот Серго

Гегечкори (по матери), кстати, талантливый инженер-конструктор, рассказывал, как с ним работали следователи начавшегося хрущевского «потепления»: «Суда не было. Но было другое: приговор к расстрелу по законам особого совещания. Во время одной из получасовых прогулок в тюремном дворе вместо обычной охраны появился взвод автоматчиков. Солдаты схватили меня за руки, поставили к стенке, и командир зачитал текст, надо полагать, приговор. Я не помню его дословно, но содержание сводилось к следующему: преступника номер такой-то, который уводит следствие по ложному пути, расстрелять! Вдруг в тюремный двор кто-то вбегает, приказывает солдатам опустить оружие, а меня отвести назад, в камеру...».

Это хорошо, что назад, в камеру. 23 декабря 1953 года крутых служителей Фемиды Л. Е. Влодзимирского, В. Г. Деканозова, В. Н. Меркулова, Б. З. Кобулова, С. А. Гоглидзе и П. Я. Мешика расстреляли.

А Лаврентия обвиняли по самым разнообразным статьям. Ну, прежде всего, установили, что он английский шпион. Потом оказалось, что Берия готовился к «ликвидации Советского рабоче-крестьянского строя, реставрации капитализма и восстановлению господства буржуазии». Как мы теперь понимаем, это же прекрасно! Родись Лаврентий Павлович чуточку позже — его бы на руках носили Чубайс с Гайдаром. На худой конец, — с такой-то харизмой! — вместе с Виктором Степановичем Черномырдиным и Никитой Михалковым скликал был электорат на выборы под крышу «Наш домик — Россия». Помните?..

Вот по части стрельбы по «врагам народа» — тут равных Лаврентию Павловичу не просто было отыскать. Специальное Судебное Присутствие Верховного Суда СССР под председательством маршала И. С. Конева, установило, что подсудимый Берия с соучастниками «совершали террористические расправы над людьми, со стороны которых они опасались разоблачений. В качестве одного из основных методов своей преступной деятельности заговорщики избрали клевету, интриги и различные провокации...». Так что по отработанной методе генерал Л. Е. Влодзимирский, самый главный следователь по особым делам, и добивался от сына Сталина особых признаний — чтобы соблюсти видимость праведного суда и... расстрелять!

9 мая 1953 года в День Победы, — другого времени для допроса боевого генерала не нашли — Влодзимирский и его заместитель полковник Козлов ломали голову по «авиационному делу» Василия Сталина, раскручивали его вину и по делу командующих ВВС Рычагова и Смушкевича. Хорошо, что не братьев Райт!..

Однако по сути дела. В мае 1940-го после провала в войне с Финляндией Политбюро предложило наркому обороны К. Е. Ворошилову в десятидневный срок сдать дела С. К. Тимошенко. Тогда же с поста начальника Генерального штаба был снят Б. М. Шапошников. В тексте совершенно секретного акта о приеме хозяйства от К. Е. Ворошилова относительно подготовки летного состава говорилось вполне откровенно: «Авиационные школы выпускают слабых летчиков, обученных главным образом на старой материальной части, и вследствие этого молодых летчиков приходится переучивать в частях».

В соответствии с приказом НКО СССР от 6 ноября 1940 года, было произведено размещение вновь сформированных авиашкол пилотов: Краснодарской и Черниговской — численностью 1200 человек; Одесской и Армавирской — численностью 960 человек; Пензенской, Фастовской, Херсонской, Ульяновской и Тамбовской — каждая численностью по 480 человек; Астафьевской — 240 человек; военных авиационных школ стрелков-бомбардиров — Ташкентской и Олсуфьевской — численностью 1500 человек, а численностью 750 человек — Грозненской, Волчанской, Павлоградской, Ярославской — и военно-авиационных школ механиков — Пушкинской и Житомирской — численностью 1000 человек. Было произведено размещение также в связи с увеличением численности существовавших школ пилотов — Качинской, Борисоглебской, Балашовской, Ворошиловградской — численностью 1680 человек, Конотопской — 1200 человек, Новосибирской, Таганрогской, Кировобадской, Омской — численностью 960 человек; Тбилисской, Хорольской, Бирмской, Слонимской, Петрозаводской — численностью 840 человек, Вольской военной авиашколы механиков — численностью 1500 человек.

Сравним нынешнюю защиту нашего неба. От советского времени у нас осталось 3 летных школы. Теперь их называют институтами. Так если министры обороны ходят в шляпах, почему бы и военные училища не переименовать в институты. Сызранский военный авиационный институт, Балашовский, Краснодарский. Вот и хватит.

Вообще с новой реформой армии вместо 65 военных учебных заведений — по всем-то родам войск! — задуманы 10 учебных центров. Это, как заметил президент Академии геополитических проблем генерал-полковник Л. Г. Ивашов, «что-то наподобие курсов младших лейтенантов в военное время».

Однако вернемся к делу расстрелянных главкомов.

Александр Васильевич Беляков, штурман чкаловского

экипажа, как-то рассказывал мне об одном разговоре Сталина с Рычаговым. Сталин вызвал начальника ВВС в Кремль и спросил, сколько заказывать промышленности таких-то самолетов. Рычагов назвал довольно большую цифру, Сталин помолчал, недоверчиво посмотрел на него, но не возразил.

А вскоре и сам Беляков, как начальник 1-й высшей Рязанской авиационной школы штурманов, обратился к Рычагову.

— Для развертывания школы я просил у начальника ВВС гарнизон, располагавший большими фондами, — вспоминал Александр Васильевич. — Ведь собиралось много людей, которых предстояло учить штурманскому делу, искусству бомбометания. «Для решения поставленной задачи нужны героические меры», — сказал я Павлу Васильевичу, на что он ответил мне: «Знаешь что? Трудности нам известны. Если ты не доволен — ступай сам в правительство и докладывай. А что касается «героических» мер, так ты Герой — тебе и карты в руки!»

В феврале 1941 года в Кремль съехались все недавно назначенные командиры авиационных корпусов, дивизий и школ. И вот строки из воспоминаний Белякова о той памятной встрече: «Выступал Сталин. Он перечислил нам новые самолеты, запущенные в серийное производство. По каждому типу назвал основные тактико-технические данные: скорость, потолок, вооружение. Когда дошел до самолета-штурмовика Ил-2 конструкции С. В. Ильюшина, подчеркнул:

— Такого бронированного самолета, способного поражать цели с малых высот, в зарубежных армиях нет. А мы, взвесив все «за» и «против», решили пустить его в серию — и штурмовик уже выпускается.

Прощаясь с нами, Сталин напутствовал:

— Переучивайте летчиков, штурманов и техников на новые типы самолетов как можно быстрее. А тактические задачи решайте на Германию.

В том же феврале начальнику вузов ВВС генералу Левину была написана такая вот аттестация:

«...Вследствие продолжительного отрыва от строевых частей (8 лет) Левин мало замечает недостатки в работе школ. Плохо знает условия работы частей, и потому ему трудно руководить учебной работой подчиненных школ. Руководимые школы, в большинстве плана подготовки кадров в 1940 г. не выполнили, особенно по СБ (СБ — скоростной бомбардировщик авиаконструктора Поликарпова). Качество подготовки кадров отставали от требований, предъявляемых к выпускникам школ ВВС.

Решительной борьбы за выполнение плана и качество

подготовки Левин не вел, плохую работу оправдывал ссылками на объективные причины.

Выводы: Работу начальник ВУЗов не обеспечивает, особенно при увеличении объема. Учитывая командирский и большой методический опыт, общую и военную подготовку, может быть назначен заместителем командующего ВВС большого округа.

Начальник ГУ ВВС КА генерал-лейтенант Рычагов

5 февраля 1941 г.»

Пройдет всего четыре месяца и заместитель командующего ВВС Ленинградского военного округа генерал Левин будет арестован прямо в кабинете А. А. Новикова, командующего ВВС округа. Проект постановления об аресте, был подготовлен органами контрразведки. Нарком обороны С. К. Тимошенко утвердил его и на следующий день у Левина произвели обыск. Вот первые показания арестованного:

«Намеки о заговорщицкой организации я слышал от Хрипина. В мае 1934 или 1935 г., когда мы возвращались домой с Первомайского парада пешком, он говорил, что дисциплина слабая, вооружение тоже, что армия по сути очень слаба, что во многом дело происходит от правительства, которое не уделяет должного внимания как кредитам, так и контингенту. Он намекнул, что такое положение не может долго продолжаться, т. к. найдутся силы, которые смогут его изменить.

В заговор я был вовлечен Троянкером. Он говорил о беспорядках в армии, трудностях взаимоотношений с промышленностью. Однажды он заявил, что существует серьезная военная организация во всей РККА, которая имеет своей задачей изменение существующего положения вещей, в стране, по сути дела, антисоветская организация, что он входит в нее и что предлагает вступить мне. Я согласился»...

16 июля 1941 года состоялся допрос, который проводил заместитель начальника следственной части 3-го Управления НКВД (СМЕРШ) Павловский совместно со следователем Попковым.

— После долгих запирательств вы на предыдущем допросе сознались в том, что являлись участником антисоветского военного заговора. Подтверждаете эти показания?

— Да, подтверждаю, я с 1934 года являлся участником антисоветского военного заговора. В заговор был вовлечен бывшим помощником начальника ВВС по политчасти Троянкером...

27 июля 1941 года состоялась очная ставка А. А. Левина и его бывшего непосредственного начальника — командующего ВВС Красной Армии А. Д. Локтионова.

Вопрос к Левину: — Подтвердите, что вы являлись

заговорщиком и шпионом и были связаны по заговорщицкой работе с Локтионовым.

— Да, полностью подтверждаю.

Вопрос к Локтионову: — Теперь вы имеете возможность убедиться в том, что ваш соучастник по заговору Левин вас выдал. Будете давать показания?

— Я Левина, как участника заговора, не знал и никаких преступных связей с ним не имел.

— Как вы можете отрицать свою заговорщицкую связь с Левиным, если вы сами на прошлом допросе показывали о том, что были непосредственно связаны с Левиным, как с участником военного заговора?

— Я действительно показывал о том, что знаю Левина как заговорщика, но эти мои показания неверны. Я от них тогда же отказался.

Вопрос к Левину:

— Не оговариваете ли вы Локтионова?

— Нет, не оговариваю.

— В таком случае покажите, когда вы установили заговорщицкую связь с Локтионовым?

— Не я, а сам Локтионов установил со мной связь... Через несколько месяцев после ареста Троянкера, примерно в октябре 1938 года, Локтионов задержал меня в кабинете и заявил, что знает о моей причастности к военному заговору и связи с Троянкером. Я опешил, Локтионов стал меня успокаивать: «Вот на вас же Хрипин капал в НКВД, но это ничего, обойдется». В этой же беседе Локтионов сказал, что в данное время нужно сохранить от разгрома нашу организацию для того, чтобы в момент войны мы могли бы содействовать поражению Красной Армии и что только при этом условии наша организация может захватить власть в стране».

Вопрос Локтионова к Левину: — Вы, гражданин Левин, как видно из ваших показаний, старый заговорщик, были связаны еще с Троянкером, зачем вы подводите и меня своими клеветническими показаниями?

— Я отвергаю заявление Локтионова о том, что я даю клеветнические показания.

Вопрос к Левину:

— До какого времени продолжалась ваша заговорщицкая связь с Локтионовым?

— Вплоть до мая-июня 1940 года, до момента отъезда Локтионова в Прибалтику.

Вопрос к Локтионову: — Вы окончательно изобличены. Еще раз предлагаю приступить к даче показаний.

— Левин сейчас показал, что вел подрывную работу по моим указаниям до 1940 года, но я ушел из ВВС в сентябре 1939 года.

Вопрос Локтионова к Левину:

— Вы со мной встречались один на один?

— Да, такие встречи были дважды...

Справка по результатам дополнительного расследования:

«Локтионов (командующий Прибалтийским военным округом) был арестован 20 июня 1941 года. На первых допросах отрицал участие в заговоре. Не подтвердил показания Мерецкова и Левина на очной ставке с ними. 1.08.41 г. подал заявление, в котором признал участие в контрреволюционной организации и на последующих допросах подтверждал это и показал, что был завербован Уборевичем в 1934 году.

Показал, что ему Смушкевич назвал Левина как участника заговорщицкой организации, Имеется в его деле заключение, утвержденное Кобуловым об осуждении к высшей мере наказания. Суду предан не был. Погиб 28.10.41 г.»

*Выписка из собственноручных показаний А. А. Левина
от 6.08.41 г.*

«Об участии Новикова в антисоветском заговоре мне сообщил Ионов в декабре 1940 года. В Ленинграде отношения с Новиковым стали вскоре приятельскими. На базе этих отношений Новиков не раз со мной откровенно говорил о неустойчивости комсостава в Красной Армии — «вот сейчас генералы, а чуть проштрафился — полетишь. Работаю, а чувствую на себе пятно: сын полицейского».

В один из ночных разговоров я сказал, что от ИONOва знаю, что Александр Александрович состоит в антисоветской военной организации. Новиков посмотрел на меня и сказал, чтобы я говорил тише. Он высказался также, что война с немцами назревает, этим приближается время, когда организация должна будет действовать активно».

*Выписка из протокола очной ставки с Рычаговым
от 31.08.1941 г.*

Вопрос к Левину: — Подтверждаете ли вы ранее данные вами показания о своей враждебной работе?

— Полностью подтверждаю.

— По враждебной работе вы были связаны с Рычаговым?

— Нет, с Рычаговым по враждебной работе я никакой связи не имел.

Вопрос к Рычагову:

— Правильно ли показывает Левин?

— Нет, Левин говорит неправду. Он был непосредственно связан со мной по совместной враждебной работе в ВВС.

Вопрос к Левину:

— Почему вы скрываете заговорщицкую связь с Рычаговым?

— Я ничего не скрываю. Я полностью признался в совершенных мною преступлениях, но с Рычаговым, повторяю, я действительно не был связан.

Вопрос к Рычагову:

— Откуда вам стало известно о принадлежности Левина к заговорщицкой организации?

— От Смушкевича в апреле 1938 года.

Вопрос к Левину:

— А со Смушкевичем вы были связаны по антисоветской работе?

— Да, с 1940 года.

— Как же Рычагов мог узнать о вашей причастности к заговору в 1938 году?

— Я уже показывал, что участником заговора являлся с 1934 года и Смушкевич мог об этом знать раньше, но я лично с Рычаговым связи не имел.

Вопрос к Рычагову:

— Уточните, когда вы связались по заговорщицкой работе с Левиным?

— В сентябре 1940 года во время отъезда Смушкевича в отпуск Левин был у меня с докладом по делам Управления. По докладу выходило, что положение в Управлении неважное: не хватало горючего, матчасть была недостаточна. Выслушав, я сказал Левину, что неудовлетворительное положение в ВУЗах мне в основном понятно, т. к. Левин является участником заговора и ведет вредительскую работу.

Вопрос к Левину:

— Так это было?

— Нет, Рычагов показывает неправду. Он со мной заговорщицкой связи не устанавливал.

— А вы знали, что Рычагов является участником заговора?

— Нет, не знал.

Вопрос к Рычагову:

— В каком направлении вел враждебную работу Левин в ВУЗах?

— В основном вредительская работа Левина заключалась в том, что он создавал условия для снижения качества подготовки летного состава и уменьшения количества, выпускаемых из школ летчиков и пилотов.

Вопрос Левина к Рычагову:

— Если вы имели со мной заговорщицкую связь, то при назначении моем в Ленинград должны были дать какие-либо

указания по враждебной работе?

— Да, такие указания я вам дал.

— Скажите, какие?

— Ознакомиться с обстановкой на месте, присмотреться к людям и при первом приезде в Москву сообщить мне.

Заявление Левина:

— То, что Рычагов показывает неправду видно из того факта, что марте месяце я находился в Москве три дня в связи с работой комиссии. Комиссия работала в здании Управления ВВС.

Вопрос к Рычагову:

— Верно ли это?

— Да. Я не знал, что в это время Левин приезжал в Москву.

— Как же это могло быть?

— Я не предполагал, что эта комиссия будет работать с участием Левина, в отношении которого, как мне известно, комиссия должна была открыть ряд «грехов».

11.06.1941 года в деле Левина появилось «собственноручное признание» и генерал-лейтенанта авиации Я. В. Смушкевича. «В подготовке летчиков, летнабов и стрелков, — заявлял он, — положение обстояло очень плохо до последнего момента. В этом виноваты кроме меня Левин, Локтионов и Котов (Управление кадров)».

И вот один из пунктов обоснования ареста Левина: «ВУЗы ВВС, руководимые Левиным, из года в год не выполняли плана по подготовке кадров ВВС КА, а выпускаемые из школ летчики имели низкую подготовку, в силу чего в строевых частях увеличивались летные происшествя». В том же документе была ссылка на показания бывшего начальника Липецкой высшей летно-тактической школы Н. Я. Котова, который на допросе еще в декабре 1937-го показал, что генерал Левин «проводил и поощрял очковитительство в школах, узаконил лозунг «Судят не за то, что занимаешься очковитительством, а за то, что неумело его проводишь».

В руках следователей был еще ряд показаний, среди которых ссылка на допрос бывшего начальника штаба эскадрильи 20-й авиашколы капитана И. И. Яроцевича. С начальником вузов, в то время комбригом Левиным, Яроцевич встретился в 1934 году в Ворошиловоградской школе: комбриг приехал туда с целью инспектирования. И вот начальник штаба эскадрильи припомнив беседу с начальником вузов ВВС, заявил, что тот давал ему вредительские установки по летной подготовке курсантов: «Не надо выполнять те программы, которые утверждены Наркомом, это все чепуха», — ссылался на указания высокого начальства капитан Яроцевич и заметил при этом, что главное — «научить

курсантов взлету и посадке и полету по кругу над аэродромом». Затем Яроцевич сделал такой вот вывод: «На основе этих установок Левина курсанты — выпускники их школ являлись неполноценными летчиками по объему подготовки для частей ВВС РККА».

Протокол Особого совещания № 6-м от 13.02.42 г. зафиксировал постановление: высшая мера наказания. Через десять дней Левина расстреляли — в день Красной Армии.

Во все этой истории была куча свидетелей, которые изобличали Левина, как заговорщика. Среди них Рычагов, Шахт, Ионов, Опарин, Никитенко, Писманник, Котов, Бажанов, Хрипин, Яроцевич... Смушкевича и Рычагова, известно, тоже расстреляли. Только Василий Сталин к этому никакого отношения не имел. Когда они действовали в строю авиаторов, Вася еще в пионерах ходил...

Антисоветская настроенность

В. Сталина

Так-то оно так. Но проблема для ленинского Политбюро оставалась — как избавиться от Васи... Скажем, можно было объявить, что сын Сталина сожрал всех мамонтов: «Мы понимаем, что не вы всех мамонтов съели. Но, гражданин Сталин, куда-то они делись...» Нет, для Лубянки такое дело не подходило. И тогда специалисты по приговорам пошли в атаку на Васю широким фронтом. Сначала ринулись на дачу — считали там: один поросенок «Борька», десять кур-несушек, три индюка, яблони, вон, из Мичуринского питомника... Насчитать-то насчитали, но никак не тянул поросенок «Борька» на смертную казнь.

Наконец, придумали. «В. Сталин неоднократно высказывал резкое недовольство отдельными, проводимыми Партией и Советским правительством, мероприятиями... — это уже из Приговора Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР. — Антисоветская настроенность В. Сталина ярко выявилась и в том, что он в своем озлоблении допустил выпад террористического характера в отношении одного из руководителей Партии и Советского правительства». Да, именно так. Коммунистической партией сын Сталина, выходит, был недоволен, как нынче известный всем ее генсек Горбачев. И террористический акт против одного из партийных вождей Василий учудил якобы, как в наше время — против любимца партии и народа Толика Чубайса.

Мало этого? Нет проблем — следователи Влодзимирский и Козлов пошевелили мозгами и двинули Василию Сталину еще одно обвинение — в намерении встретиться с иностранными корреспондентами «с целью изменить Родине». Улики? Пожалуйста — портрет в американском журнале. Как он там появился? В ресторане «Метрополь» с кем сидел?.. Это, по выводам следователей, «было первым шагом к сближению с иностранными корреспондентами для последующей измены Родине».

Уже отсидев в тюрьме два года без суда, Василий Сталин обратился с письмом в Президиум ЦК КПСС. По поводу обвинения в намерении изменить Родине Василий Иосифович писал: «Клевета от начала до конца! В «Метрополь» я пошел на свидание с Васильевой. У меня много пороков, в которых не особенно приятно сознаваться, но они были. В отношении же чести и Родины я чист. Родина для меня — это отец и мать».

Все предвидели следователи по особо важным делам. И как на охоте волка обкладывают красными флажками, так и Василия сбивали с толку, пугали, шантажировали, загоняя под пулю...

Вскоре Влодзимирского с компанией вслед за Лаврентием, как и следовало ожидать, арестовали. Но с какой легкостью новый министр внутренних дел С. Н. Круглов в письме от 8 августа 1953 года Маленкову повторил обвинение, состряпанное бериевскими палачами!

«В процессе следствия арестованный Сталин В. И. признал себя виновным в том, что он... систематически допускал незаконное расходование, разбазаривание казенного имущества и государственных средств, а также использовал служебное положение в целях личного обогащения», — пишет министр, откровенно додумывая и без того сфальсифицированные факты, добытые в камерах пыток. Он словно и не заметил в протоколе допроса от 9 мая 1953 года ответ обвиняемого: «Расхищения государственных средств и казенного имущества в целях личного обогащения я не совершал и виновным в этом себя признать не могу». Круглов ссылается на показания соучастников «преступлений Сталина В. И.», его адъютантов — Полянского, Капелькина, Степаняна, шофера Февралева и штабной парикмахерши Кабановой.

Как рассказывает сын адъютанта Полянского, его отцу тоже предъявили целый список обвинений, из которого по любому пункту грозила смертная казнь. «Когда отец отказывался подписывать предъявляемые ему обвинения, его били (выбили почти все зубы, отбили почки и легкие), а затем бросили в карцер, — вспоминает он и отмечает, что на очной ставке «хозяин» выручил отца, заявив, что Полянский только дублировал его — Сталина — распоряжения и приказы».

Да, «хозяин»-то выручил. Боевой генерал отводил беду от своих вчерашних сотоварищей, прикрывал, как бывало в воздушных боях. А они?..

«Теперь уже его никто не защищал, только подливали масла в огонь, — с горечью в письмах к другу пишет Светлана Аллилуева. — На него «показывали» все — от его же адъютантов до начальников штаба, до самого министра обороны и генералов, с которыми он не ладил...» И все, как могли, накручивали сыну Сталина обвинения.

...Василий переоборудовал переданное под штаб ВВС округа здание Центрального аэропорта — зачем?

...Василий построил здание контрольно-пропускного пункта в Куркино — оттуда руководство авиацией округа управляло полетами боевой техники в ответственные дни государственных

праздников и воздушных парадов. Чем же не устраивал он следователей с Лубянки? Да, пожалуй, одним — дурацкая изгородь тоже не тянула на расстрельную статью, чтобы сразу, без особых хлопот, прихлопнуть сына Сталина — свидетеля темных дел рвущихся к власти кремлевских холуев.

Так что заборишко тот к «особому делу» приписали. Так, для общего счета. Для общего счета командующему ВВС округа приписали и строительство спортивного комплекса. А это — водный бассейн для тренировок олимпийцев, манеж для конников, мотовелобаза, охотничье хозяйство. Обвиняя Василия Сталина — без защитников, без видимости адвокатуры, члены Военной коллегии Верховного суда Зейдин, Зайдин и Степанов записали в своем приговоре: мол, занялся он тем строительством прихоти ради — «в целях популяризации своего имени и создания мнимого авторитета». Ну, скажем, имя обвиняемого вряд ли нуждалось в «популяризации». А для авторитета 30-летнего человека разве мало командования полком и дивизией в годы войны, своих личных побед в воздушных боях, вообще работы летчиком-истребителем?..

И вот еще какое обвинение: «Сталин В. И. не занимался вопросами боевой и политической подготовки соединений округа, месяцами не появлялся на службе, в соединениях и частях округа почти не бывал...» — это все из письма Круглова. Министр опять ссылается на адъютантов, на того же Полянского.

Не знаю, что показывали по поводу боевой работы авиационных соединений, которым командовал генерал Сталин, шофер Февралев и парикмахерша Кабанова, но министр внутренних дел, обвиняя командующего, заключает в письме к Маленкову: «Следствием совершенные им преступления полностью доказаны».

Однако при желании следователи Лубянки могли бы найти свидетельства совершенно иные. Стоило лишь обратиться к архивным документам.

Так, например, после войны, командуя боевым коллективом авиационной дивизии, Василий Сталин провел 22 летно-тактических учения — и ни одного происшествия! Командир корпуса генерал Е. Я. Савицкий, отмечая, что дивизия Сталина по всем видам учебно-боевой подготовки занимает первое место в соединении, не мог нарадоваться молодым комдивом.

«Сам генерал-майор Сталин обладает хорошими организаторскими способностями, оперативно-тактическая подготовка хорошая, — писал Савицкий и подчеркивал, как умело молодой генерал передавал летному составу свой боевой опыт: — В работе энергичен и инициативен, этих же качеств добивается от

подчиненных... Большое внимание уделяет новой технике, нередко подает новаторские мысли и настойчиво проводить их в жизнь. Летную работу организует смело и методически правильно».

С такой характеристикой был согласен и командарм С. И. Руденко. Опытный военачальник считал, что Василий Сталин достоин продвижения на должность командира корпуса — не случайно же его дивизия занимала ведущее место не только в корпусе, но и во всей 16-й воздушной армии!

После года работы командиром авиакорпуса Василия Сталина назначают помощником командующего авиацией Московского военного округа по строевой части. Замечу, помимо всех прочих дел в обязанности такого помощника входила физическая подготовка личного состава округа.

Василий Сталин физически и сам был хорошо подготовлен — иначе его не приняли бы в летную школу. Он серьезно занимался конным спортом. Чемпион страны среди юношей Сергей Маслов рассказывал мне, как до войны Василий выступал на манеже под фамилией Волков и показывал хорошие результаты. После войны он вернулся к старым друзьям. Коновод Ораз Мамралиев подготовил Василию коня по кличке «Ледок». Потом у него появилась «Астра», которая управлялась буквально ниточками — так была выезжена.

Но помощник командующего по строевой подготовке думал не только о собственных конных выездах. Василия избрали председателем Федерации конного спорта СССР, а практически он возглавил всю спортивную работу авиаторов округа. По его инициативе началось сооружение спортивного комплекса на Ленинградском проспекте, ныне принадлежащего ЦСКА. Из веллинговского ангара сделали манеж, затем построили бассейн, заложили фундамент первого в стране катка с искусственным льдом — это в Чапаевском переулке. Под личным контролем Василия Сталина началось формирование спортивных команд ВВС. Футбольная команда летчиков, где были В. Бобров, А. Акимов, К. Крижевский и другие мастера мяча, в 1947 году перешла в высшую лигу.

В состав «преступлений» В. И. Сталина спецы из Военной коллегии включили 60 квартир, предоставленных командующим ВВС МВО лучшим спортсменам. Не забыли слуги Фемиды на счет «преступлений» приписать и премии, которыми генерал Сталин отмечал победы спортсменов. По его инициативе у авиаторов округа были созданы команды: конноспортивная, хоккейная, мотоциклетная, конькобежная, велосипедная, баскетбольная, гимнастики, плавания, водного поло и другие. Подсчитали, что

командующий поощрил премиями 307 спортсменов. Вот, пожалуйста, — и «враг народа». Хорошо бы расстрелять.

«Им незаконно присваивались офицерские звания», — строчили в приговоре Зейдин, Зайдин и Степанов, и словно не ведомо было бериевским прислужникам, как опекал своих «динамовцев» Лаврентий Павлович, а «команде лейтенантов» — футболистам ЦДКА — покровительствовал сам министр Вооруженных Сил СССР Николай Александрович Булганин. Еще до Победы в Великой войне лейтенантские-то звания получили Анатолий Тарасов, Иван Щербаков, Владимир Демин, Владимир Никаноров. Задержек с присвоением званий у футболистов не было, за команду ЦДКА играли и капитаны и майоры. Своих любимцев министр Вооруженных Сил СССР одаривал квартирами без всяких оговорок!

Судьи нашли незаконно израсходованными Василием Сталиным деньги и на сооружение бассейна. Для окончания строительства требовалась еще какая-то сумма и ту работу на время законсервировали. Вот и приписали, мол, по вине Сталина «крупные средства омертвлены»... И уже никого ни интересовало, что всего через несколько месяцев тот бассейн был открыт. Что там сразу была организована команда для занятий плаванием и прыжками в воду, начала функционировать детская школа плавания (школа резерва). Это тогда росли и набирали силы замечательные пловцы — чемпионы мира и Олимпийских игр Владимир Сальников, Дмитрий Саутин, Ольга Гусева, Алексей Акатьев, Евгений Безрученко, Галина Прокуменщикова, Марина Мухина, Елена Войцеховская.

Трудно сейчас представить, как бы сложилась спортивная судьба этих прославленных мастеров, если бы у входа в тот бассейн стоял дядька с оттопыренным карманом и требовал: «Гони бабло, пацан! Если хочешь плавать...» Сколько нынче таких алчных дельцов качают деньги в Дворцах спорта и спортивных залах, построенных народом в советское время. Впрочем, чему удивляться, если народное достояние — нефть, газ, золото, алмазы, лес оказались в заgreбущих руках кучки пронырливых авантюристов. А в Кремле все спорят, сколько нынче в этой стране беспризорников — 600 000 или 700 000. Дети наши тоже стали товаром!..

Уже как командующий ВВС Московского военного округа, в 1949 году Василий Сталин был избран депутатом Верховного Совета СССР. Раз в неделю он аккуратно являлся в приемную, встречался там со своими избирателями и, как правило, решал многие их проблемы.

Да и жизни штаба ВВС округа невольно передавалась

энергетика молодого командующего. Бывало, штабисты до полуночи торчали в кабинетах, на скучных партсобраниях, заседаниях, травили анекдоты, часами курили махорку. Василий запретил протирание штанов. Только начальникам отделов было позволительно задержаться на полчаса после рабочего дня. Но зато офицерам штаба вменялось в обязанность присутствие на всех спортивных мероприятиях — морально поддерживать команды ВВС округа. Сам хорошо владевший мотоциклом, Василий обычные мотокроссы преобразил в праздничные фестивали.

«Зимние мотокроссы на приз имени Чкалова проводились в Химках, — вспоминал Борис Арсентьевич Морозов. — Раньше спортсмены выступали в диких телогрейках, кирзовых сапогах или валенках. Смотреть — жуть! И вот раз является наша команда по-спортивному подтянутая, на каждом вместо шапки-ушанки — летный шлемофон. Мотоциклы мы умудрились покрасить под наше авиационное знамя — в желто-голубой цвет. Все это, конечно, создавало у людей хорошее настроение. За команду летчиков болели почти все москвичи!..»

Василий Сталин ввел за правило коллективные посещения театров, концертов, вечеров отдыха в Центральном Доме Красной Армии, выезды на охоту. В штабе ВВС его распоряжением открылся книжный киоск, затем театральная касса. Воинство начало приобщаться к культуре.

Однако главным для командующего авиацией округа оставались полеты, боевая подготовка авиационных частей и соединений.

В 1947 году ВВС МВО среди других военных округов и воздушных армий по боевой подготовке занимали лишь 10-е место, в 1948 — уже 2-е, а в 1949, 1950, 1951 гг. они по всем видам боевой подготовки стали первыми! Скажут, подхалимы сыну Сталина те места приписывали. Но-но... При Ельцине российский генералитет как на дрожжах рос. Один веселый пилотяга даже в министрах обороны походил — маршалом стал. А летчики при нем месяцами к самолетам не подходили. Сторожами да водителями у «новых русских» работали! До чего дожили: суммарный налет 689-го истребительного авиаполка имени А. Покрышкина за целый год еле дотягивал до налета одного пилота в «застойные-то времена» (за такой же год)...

Так вот при командующем Сталине московское небо охраняли бойцы высочайшего класса. У каждого был аж тройной налет годовой нормы! Именно тогда, в конце сороковых, авиационные полки приступили к полетам в сложных погодных условиях и ночью. Для такой работы предстояло освоить систему

так называемой слепой посадки — ОСП-48. И летчики Московского военного округа успешно справились с той задачей. Это было событие! Всех, освоивших систему, наградили боевыми орденами.

Серьезно работали штурмовики Василия Сталина. Так, экипажи Ил-10 научились не только летать ночью, но и стрелять, и бомбить. Полковник Олег Васильевич Лазарев, инспектор дивизии, летавший на штурмовиках, вспоминает, как осваивали те ночные полеты:

— Два месяца безвыездно я находился на аэродроме Малино. Ночь делили на две смены. В первую — с восемнадцати до двадцати четырех часов летал один полк, а во вторую смену — с часа до семи — другой. По пятьдесят полетов приходилось выполнять порой за эти часы: инструкторов-то не было. Сильно уставал. Летать вынужден был с открытой форточкой кабины, а через нее попадали отработанные газы двигателя. Ну и надышишься. Во рту вкус какого-то металла — потом выяснили, что это свинец. От него аппетит пропадал, есть не хотелось совсем. Желудок начал болеть. От постоянного гула мотора в ушах стоял шум. Словом, весело было. Из кабины вылезешь — лицо к концу смены как у шахтера или кочегара паровоза. День спишь. Ночь подошла — опять на аэродром. Кто не знает работы летчика — не понять всего этого...

Стало притупляться чувство осторожности в полете, — признался как-то Олег Васильевич. — Но зато я мог точно определить, насколько быстро вылетит самостоятельно тот или иной пилот. Через два месяца всех летчики дивизии уже летали ночью. А через месяц — в составе эскадрилий да еще с боевым применением! Взлеты и посадки производили одновременно всем звеном. И вот за все те ночные полеты — за весь зимний период — у нас не произошло ни одного летного происшествия, ни одной предпосылки к такому. В конце марта почти все летчики сдали на второй класс, — а это ли не событие!

Летно-тактические учения дивизии как бы подвели итог нашей работы. Все полки произвели ночью вылеты на решение учебно-боевых задач с ударами по целям. Ударили как следует, как бывало в дерзких атаках моих однополчан-фронтовиков. А ведь среди штурмовиков было уже много ребят, не нюхавших порошу. Помню, после нанесения удара все сели на других аэродромах, там заправились и снова отработали по целям. И опять: никаких происшествий, никаких помарок. Наш командующий Василий Сталин конечно был доволен. Его задачу мы выполнили. О нашей дивизии заговорили на всех аэродромах — подобного не было еще ни в одном военном округе.

Тут заметим, что в округе успешно осваивались и реактивные самолеты МиГ-15, Ил-28, вертолеты Миля. На «мигах», например, бойцы отработали взлет сразу всей эскадрильей. В то же время — это с 1948 по 1953 год — в округе были созданы авиагарнизоны, где размещались полки с новой боевой техникой, в том числе Кубинка, Подольск, Калинин, Брянск, Рязань, Тула...

Вот что передал мне с просьбой когда-нибудь опубликовать его записки, старший офицер отдела боевой подготовки ВВС МВО полковник Иван Павлович Галей: «Я прослужил в округе более пяти лет. За этот период мне не раз доводилось участвовать в летно-тактических учениях, на штабных занятиях, работать в составе воздушных парадов, которые проводились три раза в году — 1 мая, в День Воздушного Флота и 7 ноября.

От встреч с командующим, от каждого его поручения остались только добрые и поучительные воспоминания. Василия Иосифовича отличала высокая организаторская способность, умение вовремя оценить обстановку и принять грамотное решение. Мне часто приходилось участвовать в подготовке материалов для подведения итогов работы за квартал, за полугодие, за год. Командующий, как правило, и сам заранее готовился к таким совещаниям, а затем, используя схемы, таблицы, диаграммы, часа по два-три говорил о делах и людях авиационных полков и соединений. Он по памяти называл имена многих командиров и начальников — вплоть до эскадрильи и звена, удивляя точностью и глубиной знаний о состоянии дел в частях округа.

А как-то командующий вызвал меня к себе, в кабинет, где уже был начальник аэродромной службы, и спрашивает: «Помнишь, как на аэродроме Дальгов, в Германии, были расположены взлетно-посадочные полосы?». Я ответил, что не только помню, но и знаю, сколько труда мы вложили на их дооборудование. Тогда Василий Иосифович предложил мне изобразить схематически на чертежах их конструкцию. «Мы хотим оборудовать такие полосы на наших аэродромах, в первую очередь, на аэродроме Кубинки и в Мигалово, потом в Сейме», — сказал он и вскоре работа закипела.

Генерала Сталина, — подчеркивал Иван Павлович, — отличало то, что он терпеть не мог лодырей, приспособленцев и ловкачей. Их он наказывал, причем, самым строгим образом. Один командир эскадрильи, например, был наказан за невыполнение плановой таблицы полетов, а летчик получил взыскание за то, что прибыл на полеты неряшливо одетым, небритым. Но с каким моральным удовлетворением наш командующий вручал награды командирам-передовикам, чьи

части успешно выполняли задачи боевой подготовки. Помню, среди них были С. Долгушин, А. Куманичкин, П. Чупиков. Душевность и заботливость Василия Иосифовича проявлялась и в жизни рядовых летчиков, техников самолетов, офицеров штаба. Он следил и добивался, чтобы пилотам своевременно оформляли и выдавали вознаграждения за полеты в сложных метеорологических условиях, за освоение новой авиационной техники, чтобы всем не задерживали присвоение воинских званий. А сколько семей с его помощью улучшили жилищные условия, получили квартиры... Он ведь выполнял и обязанности депутата Верховного Совета СССР...»

А шутка ли — в мирное время три «боевика» заслужить! Так вот у нас, в Черниговском военном авиационном училище летчиков-истребителей, начальником «огня и дыма», то есть заместителем командира полка по огневой и тактической подготовке, был летчик 1-го класса майор И. И. Клюкин. Перед выпуском, на государственном экзамене, я слетал с ним в зону и страшно гордился тем событием — сам Клюкин мой пилотаж проверял!

А на выпускном вечере мы, зеленые лейтенантики, поддали как полагается, я тогда отважился — подошел к Ивану Ивановичу и принялся расспрашивать, за что же у него те три ордена. Одна из наград оказалась за пролет 1 мая 1947 года на реактивных истребителях над Красной площадью. Тогда боевые машины вели три летчика — И. Полунин, И. Клюкин и И. Кошель.

Не знаю, доступны ли мои восторги нынешнему деловому читателю. Бизнесмены, брокеры-рокеры, мэры-пэры, киллеры и профессиональные проститутки... Устремленные к новым заветным рубежам светлого капиталистического будущего, поймут ли они то состояние души, которое выше суеты вокруг толстого кошелька! Выше хотя бы потому, что полет человека — он ведь сродни поэзии. А когда он впервые — это как первый вальс, первый снег, первая любовь. Такое не покупается.

Конечно, рождение всего нового, как и рождение жизни человека, идет не так-то просто, не под мелкую барабанную дробь. На первых наших реактивных «мигах» и «яках», которые в мае 1947-го прошли над Красной площадью, стояли еще немецкие двигатели. И вот на Первомайское торжество в Георгиевском зале Кремля собрались руководители страны и гости — участники парада. Среди них был летчик-истребитель дважды Герой Советского Союза А. В. Ворожейкин. Спустя годы, он мне рассказал о той встрече, передал ситуацию, в которой оказался, и ряд моментов, которые как-то приоткрывают взгляд на взаимоотношения Василия Сталина и Лаврентия Берии.

— Значит, сажу за столом. — У Арсения Васильевича неискоренимый волжский говорок. — Вдруг кто-то положил мне на плечо руку. Оглянулся: вижу — стоит невысокий такой, рыжеватый. Это был Василий Сталин. «Мы с папашей просим тебя выступить от летчиков, — говорит Вася и предлагает: — Давай, подойдем к отцу.

И вот пошли. Между столами. Столы стояли в два ряда, а на одном конце стол — поперек. Там сидели Иосиф Виссарионович и Молотов. А перед ними устроились Берия и Абакумов. Когда мы подошли туда, Берия неожиданно протянул руку, преграждая путь. Василий как ударит по ней — и пару слов Лаврентию: «П..! Вечно ты лезешь!»

Ну, а дальше с Ворожейкиным произошло следующее. Иосиф Виссарионович попросил его сказать принародно то, что он думал о наших первых реактивных самолетах. «Только свое мнение», — подчеркнул Сталин. Арсений Васильевич сел за стол собраться с мыслями, но тут к нему присаживается пожилой опричник из команды Берии и заявляет: «Не выступай! Прошу, как отец сына, не выступай!..» Полковник этот исчез, и Ворожейкин оказался в такой нештатной ситуации — хоть на Луну вой!

Вскоре снова подходит Василий: «Ну давай». И тогда боевой пилот, дважды Герой принялся разыгрывать театр да такой, что не поверить ему было нельзя.

— Не могу, еле слышно говорю Василию. Голос потерял. От волнения, — смеясь, рассказывал Арсений Васильевич. — Вася короткой как из пушки очередью прокомментировал случившееся, спросил: «Кого посоветуешь?» — и ушел. Но выступать тогда никто так и не стал, — закончил тот рассказ Арсений Васильевич. — Очевидно, боялись сказать Сталину правду о технике, которая совсем еще была не готова для частей. Я перед этим выступал на конференции и прямо заявил, что МиГ-9 и Як-15 — откровенная бутафория. Они не были даже вооружены...»

Ну и еще добавлю к рассказу генерала Ворожейкина. Свою реактивную машину Ла-15 пробивал тогда и конструктор С. А. Лавочкин. Когда на ней разбился летчик 32-го гвардейского истребительного авиаполка Александр Шишкин, бывший командир полка Сталин дал бой! Он доказал конструктору, что такой самолет никому не нужен! И «летающий гроб» сняли с производства.

Несколько слов насчет пилотажа на реактивных машинах.

Вообще искусство пилотировать — не самоцель, этого требует и современный воздушный бой. Маршал авиации Е. Савицкий в книге «Я — «Дракон». Атакую!..» рассуждает по этому поводу:

«Лично я был убежден, что опыт минувшей войны нам еще пригодится, что высокая тактическая выучка воздушного бойца во многом будет зависеть от его техники пилотирования, умения в совершенстве владеть самолетом. Поэтому, отстаивая свою точку зрения, на одном из совещаний у главкома Вершинина предложил, как некоторым показалось, шальную идею: к воздушному параду 1948 года, планировавшемуся на 18 августа, подготовить группу из пяти человек и показать высший пилотаж на реактивных истребителях. Таким образом, думалось мне, будут продемонстрированы не только возможности нашей боевой техники, но и дан достойный ответ оппонентам маневренного воздушного боя.

— Как же вы представляете себе такой пилотаж? — поинтересовался Вершинин.

Я принялся подробно объяснять то, что мы уже обсудили пятеркой, в состав которой, кроме меня, вошли подполковники Н. Храмов, В. Ефремов, П. Середа и майор П. Соловьев...

— А что думают по этому поводу аэродинамики? — после некоторой паузы снова спросил Вершинин.

Что думали аэродинамики? Не поддерживали они нашу идею, вот что...

И все же верилось мне: возможен групповой пилотаж! Выполним! Ведь мы с Храмовым в паре почти уже все фигуры на Як-15 открыли. А если парой получилось — почему бы тройкой не выполнить? Труднее, конечно. Но можно. Ну, а где тройка — там и пятерка».

Верно рассуждал Евгений Яковлевич. Какие проблемы! Не ясно только почему сомневался главком Вершинин и аэродинамики не поддерживали идею Савицкого. Уже год назад — 3 августа 1947-го — над Тушинским аэродромом впервые на реактивных истребителях совершили групповой пилотаж тройкой упоминаемые маршалом именно те летуны — Н. Храмов, В. Ефремов и П. Соловьев. Пилоты крутили и петли, и перевороты, и горки с бочками — об этом все газеты писали. Может, главком в то время на Канарах отдыхал? Или почта сплеховала и уважаемый Евгений Яковлевич 3 августа 1947 года газету не получил?..

Во всяком случае, и в августе 1948-го пилоты открыли те петли над Тушинским аэродромом. Их пригласили на трибуну, с которой за праздником в небе наблюдали члены правительства. Впятером четким военным шагом они подошли к центру трибуны, дружно остановились и Евгений Яковлевич доложил Иосифу Виссарионовичу:

— Пилотаж пяти реактивных истребителей в едином строю

«клин» выполнен. Ведущий группы генерал-лейтенант Савицкий.

Всех пятерых за пилотаж наградили орденами Красного Знамени, а Евгения Яковлевича назначили командующим истребительной авиацией ПВО страны...

Затем в составе девяти машин пилотировал однополчанин Василия Сталина Н. Шульженко. В 1951 году В. Лапшин и В. Фокин показали пилотаж на встречных курсах. На реактивных истребителях работать оказалось потяжелее, чем на винтовых: перегрузки на пилотаже стали длительней — многое решала скорость полета. Добрый совет фронтовых пилотов: «Качай пресс — в хвост никто не зайдет!» — помогал, да не слишком. Появились противоперегрузочные костюмы. Впрочем, и режим, и физическая подготовка летчика на второй план не уходили.

Генерал-полковник авиации С. Н. Гречко, вспоминая дни пребывания на Кубе Евгения Яковлевича Савицкого, рассказывал, как строг был маршал в выдерживании режима своего питания: «Когда ему было предложено отведать любимое блюдо французов, приготовленное из задних лягушачьих лапок, маршала потянуло на рвоту. В самом деле, знаменитый советский летчик, чтобы быть всегда в форме, многие годы питался пшенной кашей, предварительно поджаренной на сковородке, и пил только чай — в неограниченном количестве. Он даже возил с собой слабительное, чтобы в желудке не задерживались излишки продуктов питания. А тут — о боже! — предложили жирную лягушку!...»

К слову, Евгений Яковлевич был в отличной форме — долго летал, одним из первых освоил полеты в сложных метеорологических условиях. Для большинства читателей, видимо, мало что говорит эта фраза: ну летает, ну в облаках... Вот тут самое время рассказать об одном из воздушных парадов, на который пришлось те сложные метеорологические условия. Парад тот для Василия Сталина оказался последним, роковым. Еще раз круто изменилась его судьба, но уже навсегда и только к худшему, к безнадежно непоправимому...

Итак, в мае 1952 года готовился пролет над Красной площадью нашей новейшей боевой техники. Предполагалось, что пойдет дивизия Ту-4 от Дальней авиации, затем дивизия фронтовых бомбардировщиков Ил-28 и под занавес истребители МиГ-15. По разному потом будут описывать тот воздушный парад. Мне проще — я передам свидетельства его непосредственного участника, начальника главного контрольного пункта полковника Б. А. Морозова. Он был тогда одним из руководителей, принимал решения, так что прислушаемся к его рассказу.

...В тот день с утра небо затянуло облаками. Дул сильный

ветер. Командование сомневалось — поднимать ли в воздух такую армаду. Ведь малейшая ошибка, оплошность — и могло случиться непоправимое. Но расчет производился лучшими военными штурманами — с точностью до секунд, и Василий Сталин решил работать. К тому времени у него был большой опыт, он провел в воздухе уже свыше 3000 часов, и верил, что с заданием его соколы справятся. И вот...

— Первым взлетел и точно прошел над Красной площадью сам Василий, — вспоминал Борис Арсентьевич Морозов. — За ним следовала дивизия Ту-4. Но бомберы растянулись на «петле» — последний полк отстал секунд на тридцать и нагнать ушедших вперед было уже трудно. А летели низко: высота всего-то метров шестьсот. Тут, гляжу, появилась группа Ил-28 Сергея Долгушина. Что делать? Пустить — столкнутся. Скорость-то у «илов» больше, чем у «тушек». Я принимаю решение не пускать группу Долгушина. Даю команду: «Разворот влево!» — и отправил всех в Монино...

Дальше дело повернулось не лучшим образом. Полковник Морозов распорядился: «Пробивай эту пленку!» — рассчитывая, что «илы» соберутся как всегда на «петле». Но они решили выполнить это под облаками. В результате самолеты перемешались. Один на малой высоте зацепил за сосну да так и прилетел с ней, другой обломал на своей машине трубку ПВД — приемника воздушного давления. А два Ил-28 и того хуже — разбились на посадке...

Василий Сталин успел только спросить по радио: «Что там у тебя?» Морозов ответил: «Каша...»

Ну, а Алексей Микоян со своими истребителями все-таки прошел тогда над главной площадью страны. Сориентироваться в воздухе ему помог Морозов.

— Едва «илы» улетели, гляжу — Леша чешет целым полком! Появился он со стороны Каменного моста под углом в девяносто градусов к Красной площади, — вспоминал Борис Арсентьевич тот тяжелый день. — Я командую: «Разворот вправо на девяносто на-чали!..» Поставил на курс — и полк МиГ-15, едва не цепляя за шпили Исторического музея, с ревом и грохотом пронесся над площадью...

3 мая состоялось бюро Совета министров. Командир дивизии Долгушин сделал доклад. Слушал и задавал вопросы зам. председателя Совмина Николай Александрович Булганин. После выступления он заметил: «Да, досталось вам». Потом добавил: «Но, товарищ Долгушин, нельзя же так в воздухе ругаться»...

Сергей Федорович тоже на всю жизнь запомнил тот первомайский парад и разбор полетов:

«Докладывали тогда и Луцкий — мол, Микоян заблудился, и Лукин — мол, погода была плохая. Наш главком Жигарев сидел пунцовый и начал все валить на Васю: «Я доверил командующему ВВС округа Сталину...» — а то, что сам запрещал — ни слова. Так что итог был таков: мои действия, как командира дивизии, Булганин оценил правильными, а министру обороны Василевскому, главкому ВВС Жигареву и Васе Сталину досталось по строгому выговору».

Но все эти выговоры, как подсказывает житейский опыт, приходят и уходят. А вот командующего авиацией округа генерала Сталина наказание ждало потяжелее. В той напряженной обстановке, сложившейся в воздухе в минуты парада, Василий тоже закатил в эфир не слишком изысканную на слух фразу. Она долетела до отца. Сталин поинтересовался, кто так «нэкрасиво» ругается. «Ваш сынок...» — услужливо доложили Иосифу Виссарионовичу. Никаких дополнений и изменений Сталину больше не требовалось. Принято было за основу. И тут же последовало распоряжение — от полетов Василия отстранить, с должности командующего округом снять и отослать на Дальний Восток, в самый дикий угол!..

Потом что-то спасло Василия, может, смиловился отец. Во всяком случае письменный приказ ни от кого не поступил, и тогда его зачислили в Высшую военную академию имени К. Е. Ворошилова.

В одном из кагэбэшных протоколов дела Василия Сталина упоминается имя Капиталины Васильевой — известной рекорсменки нашей страны по плаванию. Судьбе было угодно познакомить с ней молодого генерала и сделать еще один заход на устройство их личной жизни. Именно Капиталина Васильева, одна из обаятельных женщин России, стала надежным и верным другом Василия Сталина. Так вот в том протоколе в адрес ее были брошены слова, тяжелые, как ядра. Сразу заметим, те слова — как бы укора — в череде бесконечных допросов, длившихся до приговора два с половиной года, были сказаны лишь однажды. А именно сразу — в начале судилища, чинимого прислужниками Бери. Больше имя Капиталины Георгиевны Васильевой по делу В. И. Сталина нигде не упоминалось. Казалось бы, напротив, жена «врага народа» должна стать, если не соучастницей всех преступлений и уголовных дел мужа, то уж свидетельницей по его — особо важному! — делу всенепременно. Но вот ведь ничего подобного не случилось. И словно не было годов совместной жизни, семьи, детей, которых воспитывали, не разделяя — свои, чужие. В чем же дело?

Тайна приоткрывается воспоминаниями Капиталины

Георгиевны. Они — то по-женски непосредственные, задушевные, то вдруг тревожные, до боли гнетущие, когда уж и сам не рад и винишься, что разбередил старые раны...

— Однажды я приехала в тюрьму очень уставшая — добираться было трудно, — вспоминала Капиталина Георгиевна. — Прилегла на железную койку отдохнуть, а Василь сел рядом и стал говорить. Говорил он долго, я слушала не слишком внимательно, но запомнилось, как он просил, чтобы я не всякому верила, что мне будут передавать о нем... Потом только поняла: Василь наговорил на меня, показал на следствии специально в невыгодном свете, чтобы не таскали за его «дело»...

О сыне Сталина и без протокольных допросов понаписано Бог весть что. Базарные призывы увлекают обывателя на газетное чтиво: «Только у нас!», «Впервые!», «Совершенно секретно!». Секретно. Да не совершенно. Вот, например, тешат народ побасенками, как Василий Сталин пьянствовал. Ну, конечно. Особенно последние 8 лет жизни — в тюрьме. Дозу ему приписали: в день, мол, выпивал бутылку водки и бутылку вина — вонючего хрущевского пойла. Причем закусывал он якобы только арбузными корками. Наш «всенародноизбранный» вон какой специал был по этой части и тот, поди, не взял бы на грудь такую дозу. Разве что в Горках, «работая с документами»...

В годы войны, известно, летчикам после напряженных воздушных боев ставили на стол «наркомовские» 100 граммов. Помню, и мы пели:

Эх, крепки ребята-ястребки!

С «мессершмиттом» справится любой.

Ты согрей нас жарко, фронтовая чарка,

Завтра улетаем в бой...

Из песни слова не выкинешь. Чем-то, значит, диктовался тот неписанный порядок. Впрочем, и писанный. Одно время в полку, которым командовал Василий Сталин, служил летчик В. И. Попков, ныне генерал, дважды Герой Советского Союза. Вот что заметил Виталий Иванович по этой деликатной теме: «Пили мы не больше обычного. Ну то, что было положено... Это Светлана расписала, что ее брат много пил. А я бы так не сказал. Вася пил, как почти все летчики».

Поденщики пера определили даже болезнь Василия от пьянства — цирроз печени. И люди верят их откровенной лжи. Но вот что свидетельствует человек сведующий в этом деле. У нас в Военном издательстве готовилась к изданию книга воспоминаний начальника медицинской службы Советской армии генерала

Е. И. Смирнова. Я расспрашивал его о Сталине, о Василии, и он решительно отверг всякие наветы на него — никаких болезней у Василия, связанных якобы с пьянством, не было. Практически он был здоров и только после 8 лет тюрьмы ослаб и у него болели ноги...

Однако и это не аргумент для людей в погоне за деньгами. Один пронырливый борзописец, пронюхав, что выходит в свет книга о сыне Сталина, пристал ко мне с уговорами опубликовать в их газете письма Василия из тюрьмы его любимой женщине Капе. На газетную публикацию требовалось согласие Капиталины Георгиевны. Но, чувствую в разговоре, подобные формальности моего собеседника меньше всего интересовали. Тогда еще более доходчиво я принялся доводить правду о судьбе летчика Сталина — яркой, но и трагической... Помню, говорил тому долбаку о лжи демократической прессы вообще, сочинительствах о сыне Сталина в частности — тех же пьянках. На том и разошлись.

Вдруг вижу «толстушку», где на весь газетный разворот сообщение: «Только у нас!» Подзаголовок — уже в духе демократов: «Письма сына вождя всех народов». Понятно, в газетенке снимки Василия, Капы. И тут же текст: «Ас Василий Сталин летал, пока не спился». Эх, до чего же блядовитые у российских демократов «толстушки»!..

Время безжалостно ко всем. Уходят из жизни свидетели тех лет, когда наша держава была поистине дружной семьей народов. Не было лиц ни кавказской, ни славянской национальностей. В дни лихолетья все были русские! И все гордились нашей общей историей, и в атаку бросались под одним общим призывом: «За Родину! За Сталина!»

Нынче Иосиф Виссарионович стоит в обойме бессмертных «дел». Помните, «дело Дрейфуса», «дело Бейлиса», «дело Тухачевского», «дело врачей»? Еще можно добавить «дело Иисуса Христа»!.. Но уходят в лучшие миры и правые, и виноватые. И уже мало осталось однополчан летчика Василия, тех, кто знал его близко. Именно потому считаю своим долгом передать то, что слышал о сыне Сталина, что сохранила в письмах его жена Капиталина Георгиевна Васильева или просто Капа. Порой ведь мысли вслух, случайно сказанная фраза или всплывший в памяти эпизод для понимания человека могут оказаться ценней самых добросовестных характеристик, а уж тем более, судебных приговоров.

Капа и еще две невестки Сталина

Родилась она в августе 1918 года в богатом купеческом городке Малинки Владимирской губернии. «Был комендантский час, а тут — роды. Патруль проводил маму до акушерки. Так я и появилась на белый свет», — весело рассказывала Капитолина Георгиевна о своем детстве, вспоминая всякие подробности и детали давней поры.

Вскоре семья переехала в местечко Выкса — это на другом берегу Оки. Вокруг Выксы леса, рядом пруд, река. Девочка рано научилась плавать, ходить на лыжах и так росла крепкой, жизнерадостной. В семье любили Капу. Раз как-то она задержалась с молодежью до 9 часов вечера. Пришла домой, а тут дочку отец поджидает. Ринулся, было, на нее в атаку с валенком, да мать защитила. А Капе от искаженного в гнев лица батюшки стало смешно, она расхохоталась, сказала: «Я хочу есть!» — вот и вся реакция дочки на гнев доброго отца. «Утром, гляжу, папка сидит и латает мою обувь для лыж. Я растрогалась, подошла, поцеловала его, а он говорит: «Ну, а как же тебе выступать в рваных-то...»

Капа занимала по лыжам уже призовые места и в городе, и в области, и самой памятной наградой среди золотых медалей за спортивные победы она считала скромный медный жетончик за шестое место в первенстве Советского Союза в 1937 году...

В войну Капа уже тренер — в горах, на юге, готовила допризывников. Работала на трех работах — надо было содержать больного отца, мать, дочку (с первым мужем жизнь не сложилась). «Ходила в маминых галошах, а земля — суглинок, галоши сваливаются. С работы возвращалась в 12 часов ночи. Тяжело приходилось, но не было такого отчаяния, как сейчас, в этой своей родной и какой-то чужой стране...»

В войну требовалась кровь раненым, и Капа сдавала ее по 400 граммов ежемесячно. За это донорам полагалось масло, кое-какие продукты — ими Капа и подкармливала семью. «Как-то принесла то, что дали, мама говорит, мол, подожди, поешь что-нибудь. Я отказалась, сказала, что сыта, а сама убежала к горной речушке, села и плачу, голова от голода кружится... В России-то хоть щавель есть, а там, на юге одна трава сухая. Пошла, помню, к сестре. Давай, говорю, хоть лепешку какую сделаем... Такой вот был Первомай 1943 года...»

Однако конец войне. Сразу после нее во Львове соревнования по плаванию. Там уже был открытый 50-метровый бассейн. «Я настроилась на рекорд Союза, — вспоминает Капитолина

Георгиевна и вот чего он стоил, тот ее первый рекорд свободным стилем:

— Вода в бассейне оказалась не просто холодной — обморочной. Член сборной страны известный пловец Китаев наотрез отказался плыть, а я и Артем Либель все-таки отважились. За мной стартовали несколько девочек, но они быстро отстали. Плыть было очень тяжело. Ноги от холода совсем не слушались, можно сказать, несли их за собой. И так полтора километра в ледяной купели...

Из бассейна самостоятельно выбраться я уже не могла. Тело онемело от холода и напряжения. Мне поднесли рюмку коньяка, выпила его залпом — не помогло. Но я победила — это был мой первый всесоюзный рекорд».

А в сентябре 1945 года в Берлин на международные соревнования с нашими союзниками по войне отправилась сборная команда легкоатлетов, пловцов и представителей других видов спорта. Все отправились поездом, а я задержалась и от Львова летела на По-2. Во Львове взяла масло, сало, чтобы обменять у немцев на какой-нибудь товар. Очень хотелось мне шубу привезти домой.

С небольшими приключениями утром мы все-таки прилетели в «Олимпиесдорф». Однако приключения были совсем небезопасные. Летчик, чтобы не угодить к союзникам, приземлился раз в каком-то месте — уточнить, где находимся. Пока ходил, выяснял, из леса появился человек в военной форме и спрашивает: «Кто вы?» Объясняю, мол, спортсменка, лечу на соревнования в Берлин. Разговорились. Когда летчик вернулся, тот таинственный человек его крепко отругал: «Здесь же власовцы бродят!..» Но, слава Богу, обошлось. Только вот мой товар основательно пропитался бензином.

В Олимпийской деревне, дивном спортивном городке, меня встретили друзья из нашей команды. Кричат: «Иди, тебя ждут!» — ну там всякая регистрация, оформление. Я, чтобы масло промыть, поставила его под воду, и побежала по делам. Когда вернулась — все в пару, последний кусочек масла растаял и нырнул в раковину. Кран-то оказался с теплой водой. Откуда было знать. Мы к такой роскоши непривычные.

Еще большее огорчение ждало уже всю нашу команду. Помню, диктор «Олимпиесдорф» объявляет: «Открываются соревнования оккупационных войск! Но русских вы здесь не увидите...» Дело в том, что заместитель командующего по строевой и физической подготовке генерал Тарасов дал распоряжение: не выступать! «Почему? Что случилось?» — спрашивали мы друг друга. Наша чемпионка по стометровке

побежала к генералу выяснять, в чем все-таки дело. Оказалось, что он засомневался в нашей победе, трусил — вдруг американцы нас обставят... Проигрыш — дело серьезное. Тогда генералу по службе не повезет.

Мы расстроились, конечно. Но что было делать. И отправились тогда все покупать на оставшиеся деньги тряпки. Врач, женщина в военной форме, подсказала место, где находился рынок. У самого рейхстага! Там, мол, немцы на сало меняют всякие вещи. Действительно, так и было. Девчата сразу налетели на красивое женское белье, у нас такого не видывали. Особенно не выбирали — кому-нибудь да подойдет, как подарок из Европы. И тут вдруг подходят двое и по-русски говорят: «Ваши документы». О каком-то там спорте и слушать не хотят. «Пройдемте в комендатуру!..» Сошлись на землячестве: среди нас оказались их земляки — ленинградцы. Отпустили всех. Так вместо спортивных наград я везла домой и сестрам целый чемодан женского белья.

С нами в поезде ехали возвращающиеся с войны бойцы. Вагоны были забиты до отказа. Велосипеды, мотоциклы, трофеи всякие висели даже снаружи. Почему-то долго держали наш поезд в Польше, и поляки по дешевке скупали у нас немецкие вещи. Думаю, специально держали — чтобы домой приехали в хорошем виде, не как наши горемычные «челноки» при Ельцине... Однако семнадцать суток в дороге! С едой стало туго. Когда в Москву-то прибыли, ни у воинов-победителей, ни у нас из «трофеев» почти ничего и не осталось...

В конце 1949 года Капа познакомилась с Василием. После очередной ее победы командующий авиацией округа вручал пловчихе Васильевой хрустальный кубок, в который вложил путевку в Дом отдыха. В то время это было редкостью. Но Капа от путевки отказалась, объяснив, что не с кем оставить дочь. Тогда молодой генерал пригласил Капу с дочкой на Первомайский парад, потом — на дачу, в Зубалово. «С тех пор моя спортивная звезда и закатилась», — Капитолина Георгиевна как бы подводила итог одной своей жизни — шутка ли, стать 18-кратной рекордсменкой СССР! — и вдруг осесть у домашнего очага. Но, похоже, Василий был прав. Кроме дочки Лины в новой семье Капе предстояло воспитывать и поднимать еще двоих детей Василия от первого брака — Сашу и Надю...

В советское время, что в Москве, что в Мухоморске для малышей были и ясли, и детские садики. Все, понятно, бесплатно. «Кремлевские дети» — дети родителей, занятых важными государственными делами, тоже проходили через эти заведения. После дачи — как только ребенку исполнялось пять лет его

определяли в интернат, то есть в детдом.

Кира Аллилуева, она дочь родного брата жены Иосифа Сталина Надежды Аллилуевой, так вспоминает то заведение: «Мою кузину, дочь Сталина Светлану, это «счастье» миновало, а вот мы с Васькой там побывали... Наш детдом был настоящим казенным советским учреждением. Его приспособляли под интернат в большой спешке. Комнаты переделали в спальни, отдельно для девочек и мальчиков. Поставили туда унылые железные кровати и деревянные тумбочки. Помню большую, ничем больше не примечательную столовую. Но мои воспоминания об этом периоде жизни связаны даже не с серостью и унылостью обстановки, а с людьми, которые там работали. Трудно понять, по каким критериям их туда набирали.

Воспитательницы там были ужасно злые. Жили мы как в казарме. Нас все время одергивали, то и дело раздавались команды — то этого нельзя, то того нельзя... Помню одну воспитательницу — тетю Зину, злующую, как ведьма. Методы воспитания она применяла своеобразные. Однажды, решив за что-то наказать, она схватила меня за волосы и стала трепать — это шестилетнего-то ребенка!»

А Вася, десятилетним мальчиком, остался вообще без матери — известно, что Надежда Аллилуева по собственной воле рассталась с жизнью. Спустя годы, откровенно говоря о своих недостатках, уже генерал, Василий Сталин писал однополчанину А. Котову: «Кто меня воспитывал-то? Милиционер, который водку научил пить, да рыжая немка-гувернантка...» Как знать, может, оттого Василий и просил Капу стать не мачехой, а доброй матерью для его восьмилетнего Саши и шестилетней Наденьки...

Почему брак сына Сталина с Галиной Бурдонской не состоялся сказать трудно. Летом 1940-го они познакомились, в декабре того же года по дороге с аэродрома будто заехали в какой-то ЗАГС и зарегистрировались. Отцу Василий сообщил об этом уже из Липецка, где проходил подготовку на курсах усовершенствования авиационных командиров. Он вроде бы как просил благословения. Иосиф Виссарионович и благословил сына правительственной депешей: «Что ты спрашиваешь у меня разрешения? Женился — черт с тобой! Жалею ее, что вышла замуж за такого дурака».

Отец, надо полагать, имел ввиду возраст жениха: Василию было только 19 лет. Но что поделаешь, как и большинство родителей, Сталин не только согласился на уже состоявшийся брак младшего сына, а и позаботился о молодых: выделил им в кремлевской квартире комнату, на свои деньги распорядился купить спальный гарнитур, обитый темно-бежевым бархатом,

повесить бархатные шторы на окна. По тем временам это была царская роскошь. У самого-то Сталина в спальне той же кремлевской квартиры стояла лишь походная солдатская койка, жесткая и по-казарменному заправленная. А вот что уже после войны заставило отца сказать сыну: «Ты должен разойтись», — речь шла о Бурдонской Галине — никто не знает...

В 1946 году в Доме на набережной у Василия появилась дочь маршала Тимошенко Екатерина. «Красивая она была, ничего не скажешь, только странная, — описывает вторую жену брата Светлана Аллилуева. — Сидит на кровати с ребенком на руках и ничего не замечает, распустив свои черные волосы, похожая на гоголевских колдуний». Кира Аллилуева вспоминает ее тоже не лучшим образом: «Дикость в ней ощущалась какая-то. Точно не помню, но говорили, будто ее мать была вольной цыганкой и, родив дочь, бросила ее, ушла за табором. Многие считали Екатерину красивой женщиной. Мне она никогда не нравилась. А когда улыбалась, ее красота становилась отталкивающей, в лице появлялось что-то зловещее. Ни дать, ни взять Медея...»

И вот о детях Василия от первого брака: «Дети, по воспоминаниям Капы, находились в странном состоянии: перепуганные, загнанные, как зверьки, бог знает во что одетые (их от Галины Бурдонской забрали. — С.Г.)... Прошло много лет, и однажды Надя показала мне плечо со следами от хлыста, которым ее — маленькую девочку — Катька била...» Действительно, мачеха Екатерина запирала детей в темный чулан — как наказание, по три дня не кормила. Потребовалось много времени, женского тепла и заботы, чтобы ребята, как напишет потом Капа на снимке детей с Василием, «уже научились улыбаться». А когда она услышала их детский смех — это была радость — победа над злом! — во сто крат сильнее всех ее рекордов...

Не случайно, надо полагать, так легко и быстро и пришлось по душе Иосифу Виссарионовичу Сталину его третья невестка, Капа. О том свидетельствует та же Кира Павловна:

«Сталин к Капитолине очень хорошо относился. Считал, что она на сына хорошо влияет. Он ведь все знал о Васькиных похождениях. К Василию, как и к Светлане, были приставлены соглядатаи из МГБ. Да и доброжелатели всегда все Сталину докладывали.

Рядом с Капитолиной в обществе отца Василий чувствовал себя более защищенным. Поэтому, как только Иосиф Виссарионович приглашал сына приехать к себе, тот тут же бросался к Капе: «Давай поедem к нему вместе! Тебя он так любит!» Надеялся, что при жене ему не так от отца достанется...»

Однако и Капина непосредственность, русская открытость да бесхитростность не всегда могли сломить государеву-то волю. Василий уже пробил для ЦСКА и построил немало спортивных сооружений. На очереди был водный бассейн, но на строительство его не хватало денег. Тогда командующий авиацией военного округа призвал на помощь неоднократную рекордсменку страны по плаванию:

— Если отец заведет речь о спорте, скажи, что на носу Олимпиада, а бассейн никак достроить не можем...

Случай такой вскоре представился. И Капа заговорила об Олимпиаде, мол, два года до нее осталось, американки, мол, постоянно тренируются в бассейнах, а у нас нет ни одного.

Сталин тогда спросил:

— А ты где сегодня плавала?

— В озере, вместе с лягушками, — ответила Капа, и услышала решение Сталина:

— У нас в Белоруссии люди и сегодня живут еще в землянках. Подождите немножко. Все будет. Будут и бассейны не хуже американских...

А однажды Иосиф Виссарионович поинтересовался семейным бюджетом нашей семьи.

— Какие у вас доходы? Сколько человек в семье?

Я стала перечислять: мы с Васей, Саша, Надя, Лина, — вспоминала Капитолина Георгиевна тот отчет перед Сталиным: — Потом началась арифметика. У Василия оклад 5 тысяч, у меня — 2,5 тысячи. Василий платит алименты Кате Тимошенко — это 1,5 тысячи. Потом партийные взносы, займ. Остается на семью около 4 тысяч.

— Это сколько же получается в день?

Я подсчитала, вышло около 25 рублей.

— Маловато, — заметил Сталин. — Вот когда будет сотня в день, да еще бутылка сухого вина к обеду, вот тогда жизнь можно будет назвать нормальной. А сейчас — неважная жизнь...

Через месяц в дом на Гоголевском бульваре, где жили Василий и Капа, приезжает водитель от Сталина с пакетом лично для Капы. Там была вся месячная зарплата генералиссимуса — 10 тысяч рублей. И стояла подпись: «Зарплата И. В. Сталина за декабрь 1950 года».

Василий, конечно, обрадовался:

— Слушай, мне нужно купить кобылу!

— Знаешь, у тебя нет костюма, даже штанов гражданских. У Саши руки вылезают из рукавов. Не говорю уже о себе. Так что эти деньги на семью! — возразила Капа. А тут Светлана звонит. О ней Иосифу Виссарионовичу Капа тоже сказала, мол, у нее с

деньгами еще хуже.

Словом, золовка предлагает дочке Сталина:

— Свет, отец дал нам десять тысяч. Прислал свою зарплату. Я поделюсь с тобой.

Та кричит в трубку:

— Ни в коем случае! Не придумывай! У тебя же семья...

Через месяц радостно сообщает:

— Капка, отец мне тоже прислал свою зарплату.

«Так, до конца 1952 года мы и получали зарплату Сталина», — закончила Капитолина Георгиевна рассказ на тему семейного бюджета и снова вспомнила о детях Бурдонской: — Моя мама помогала мне «откачать» Сашу и Надю. Косички ей заплетала, на горшочек усаживала, и с нескрываемой грустью добавила: — Они потом никогда не спросили о ней...»

Это уж так у нас водится. Не случайно, видно, у русских и пословица есть: «Иван, не помнящий родства». На Кавказе, бывало, женщина-мать на почетном месте за столом сидит. Платочек бросит — враги расходятся, битве конец. Нынче то ли платочков в той же Грузии не стало, то ли американские нравы по душе грузинам пришлись. Живут-то они, может, по-прежнему долго, но что-то уже не верится, что «мои года — мое богатство...» Князьки снова всплыли... из небытия. Но-но. Говорят ведь и другое. Будто в горах люди видели витязя, который одет в тигровую шкуру. Он будто готов сойтись в бою с пришельцами из-за океана — людьми алчными, коварными, людьми без веры, чести, совести и любви. А еще ходят слухи, будто в Гори у бедного сапожника как раз в год, когда нашу державу пропили «лесные братья», родился мальчик. Он подросток. Ему уже 17 лет. Но пока еще он помогает отцу в Тифлисе — чистит богатеям их фирменные ботинки...

Свекор Капитолины Васильевой

С сыном другого сапожника из Гори — его фамилия Джугашвили — Капа познакомилась, когда отдыхала с Василием в Сочи. В это же время Иосиф Виссарионович был неподалеку, в Рице, и пригласил их к себе. Думали, на день-другой, так что Капа, как была в одном платье, села в машину — и погнали в горы. Вот ее рассказ о той памятной встрече:

«Со Сталиным отдыхали некоторые члены правительства, и утром, когда все собрались на завтрак, Иосиф Виссарионович представил меня им, начиная с Молотова: «Вот моя невестка», — эти слова он произнес так, как будто мы были давным-давно знакомы. Потом Сталин спросил: «Что будем пить?» Я вдруг как сказану: «Коньяк!» Он взял маленькую рюмочку и налил. Рюмочка, конечно, так и простояла. Все пили грузинские вина — «Цинандали», «Цоликаури». Помню, у Сталина был узенький длинный бокальчик — этого ему хватало на весь завтрак или обед.

Меня Сталин посадил за столом слева от себя. Так две недели это место и было за мной. Однажды сидим, обедаем. День чудесный. Но вот к Сталину подходит секретарь Поскребышев и негромко так докладывает, что в Китае погибли наши летчики. Как же у меня вырвется: «Господи! Да до каких же пор наши ребята будут гибнуть!..» Все, кто сидел за столом, опустили головы и наступила тишина. Я не знала, что делать. Захотелось выскочить из-за стола и убежать куда-нибудь. На нервной почве принялась за форель. Деру ее, что-то не получается, и вдруг из-за спины к моей тарелке протягивается рука и я слышу голос: «Рыбу надо кушать вот так. Положить ее на бочок — у нее есть боковой шов, по шву провести ножом, потом на две части и разложить. Вот так...»

Это был, конечно, Иосиф Виссарионович. Я поблагодарила его. Сталин прошел на свое место, я подняла глаза от тарелки, а он зорко посмотрел на меня и говорит: «Война без жертв не бывает... А сейчас мы займемся вашими семейными делами...»

Пропагандистские проделки — то ли в михалковских кинушках, то ли в писаниях сталиноведов от российской демократии — подают Сталина в сознательно искаженном виде, в расчете на дурака. Если у него, скажем, застолье — то все ломится от обилия жратвы и питья. При этом он, как римский император, только пальцем шевельнет — и тут лица кавказской национальности такое в своих черных сапогах начинают выделять — невольно задумаешься, не перец ли у них там в ...

Известно, что Сталин был одинок. Трудно переносил он одиночество даже во время обеда. Кстати, типичная черта многих кавказцев. Так что Сталин не случайно обедал и ужинал с членами Политбюро, Ставки, с кем работал круглые сутки. И, если был повод для хорошего настроения, Микоян Анастас, например, выплясывал «лезгинку». Микитка, так Сталин называл Никиту Сергеевича Хрущева, наяживал в Кремле украинского гопака. Плешь блестит, лицо источает радость, брюшко трясется — и пошел, и пошел товарищ Хрущев вприсядку!.. Вот и все.

Что касается кухни, то доподлинно известно, что Сталин любил русские кислые щи, уху, пельмени, отварное мясо, рыбу и вареную лесную дичь. Скитаясь по ссылкам — не в буфетах Госдумы! — в глухой Сибири, он привык к простой, но здоровой пище — печеной картошке в мундире, русским квашениям, лесным ягодам. Южным фруктам он предпочитал клюкву, бруснику, грибы. И никакой ностальгии Сталин не испытывал по «кавказской» пище.

Сотрудник Главного управления охраны Г. Коломенцев вспоминает, как Сталин летом 1951 года в последний раз приехал отдыхать на юг. Значит, тот охранник, а с ним еще двое — Паша Жмычкин и Саша Алексеев — отправились рыбачить на Холодную речку.

«И вдруг вижу три черные машины, — рассказывает Коломенцев. — Выходят трое. Один — Власик, другой — Поскребышев. А третий... Сталин. Неожиданно Сталин идет к нам. А мы в одних трусах. Сталин подходит и говорит: «Здравствуйте, рыбаки! Как улов?»

Отвечал за всех нас Жмычкин, как старый его знакомый. Ни с того, ни с сего говорит: «Товарищ Сталин, согреться бы нам, замерзли мы тут...» Сталин так руку поднял. Гляжу, мужчина идет с чемоданчиком. Сталин говорит: «Есть чем рыбаков погреть?» «Есть, товарищ Сталин!» — раскрывает чемоданчик, а там уже все готово.

— Ну что будем пить: коньяк или водку? — спрашивает Сталин.

— Конечно, коньяк, — за всех отвечает Жмычкин.

Коршунов, который подошел с этим чемоданчиком, начинает разливать коньяк по рюмочкам. И тут опять Паша: «Не-е-е. Нам — в фужеры!»

— Что ж... Наливай им в фужеры, а мне в рюмочку, — говорит Сталин.

Паша берет фужер и спрашивает: «Товарищ Сталин, а можно я тост скажу?» «Давай», — соглашается Сталин. «За ваше здоровье!» — говорит Паша. «Ну спасибо», — говорит Сталин. Все

выпивают. Я же буквально проглотил свой 150-граммовый фужер, даже не почувствовал, что в нем. Разговор продолжается. Сталин спрашивает: «Много здесь рыбы?» «Мно-го, — отвечает Жмычкин. — Вода здесь чистая и такая холодная, что руку сводит судорогой...» И опять за свое: «Товарищ Сталин, а можно нам повторить?»

— Пожалуйста!

Нам снова наливают полные фужеры. И опять я ничего не почувствовал, как воду выпил. Триста граммов на голодный желудок, а будто ничего в рот не брал. Все градусы нервы «на нет» свели. Когда все выпили, Сталин сказал: «Ну, согрелись. Теперь можно продолжить рыбалку. И мне пора — у меня тоже дела. Надо ехать».

Тогда Жмычкин берет один из садков с рыбой и говорит: «Это ваша, товарищ Сталин».

— Как? Я же не ловил...

— Зато коньячком помогли, чтобы мы согрелись и могли дальше ловить. Так что берите, берите!

И Сталин взял рыбу».

Такие вот пиры-беседы происходили порой у Сталина. Капе же ее первое «застолье» со своим свекром запомнилось на всю жизнь. А еще в памяти от дней, проведенных в Рице, остались киношные вечера. Кинофильмы были и наши, и трофейные. Смотрели все вместе со Сталиным. «Раз крутили что-то непонятное для меня, — рассказывала Капитолина Георгиевна. — Мне даже спать захотелось. А тут Сталин после просмотра остановился рядом со мной и спрашивает: «Ну, как фильм, понравился?» Я, долго не думая, брякнула: «Ерунда какая-то!» Сталин посмотрел на меня внимательно и согласился: «Действительно, ерунда». Потом вдруг говорит Васе: «Василий, а тебе учиться надо. Хватит командовать». «Вот я дострою...» — то-то, то-то, начал перечислять Вася, но Сталин уже повернулся ко мне и повторил: «И тебе надо учиться...»

Думаю, не случайно Сталин посоветовал Василию и Капе учиться. Сын Лаврентия Берии Серго Гегечкори вспоминал, как внимательно Сталин следил за книжным миром, в том числе за новинками грузинской литературы, как настоятельно требовал того же и от молодых. «Я учился в одной школе со Светланой, дружил с ней. Мы часто ходили друг к другу в гости. Бывало, Иосиф Виссарионович приходит в свою кремлевскую квартиру на обед и зовет нас, приглашая к столу. Разговаривал он с нами как со взрослыми, рассказывал о прочитанных книгах, советовал, что нам прочесть.

У Сталина была большая библиотека. Но он настолько владел

своими стеллажами, что наизусть помнил, где какая книга находится. Допустим, ему понадобилась цитата для подкрепления какой-то мысли, он подходит к полке и безошибочно достает нужный том, читает соответствующий фрагмент. Но меня, честно говоря, больше всего потрясло в его библиотеке огромное количество грузинской литературы. У него была классика, он постоянно получал все новинки из Тбилиси. Иосиф Виссарионович остался очень недоволен, узнав, что я за этими новинками не слежу».

Вот еще ровесница Василия и Капы Нина Андреева, дочь секретаря ЦК ВКП(б) А. А. Андреева, рассказывала о встречах со Сталиным.

«Наша семья собирала коллекцию классической музыки. После поездки моих родителей в 1935 году во Францию они привезли радиолу, много пластинок в альбомах. Впоследствии у нас оказалась уникальная коллекция классической музыки, такой, думаю, не было нигде в стране.

Когда мы слушали музыку, а это бывало очень часто в вечерние часы, когда вся семья собиралась вместе, Сталин, проходя мимо, конечно же, слышал. Несомненно, он знал все или почти все о своих соратниках. Поэтому я ничуть не удивлялась, когда он меня частенько спрашивал: «Что слушаете сегодня?» А однажды спросил меня, какого композитора я люблю больше всего. Я ответила, что ближе всех мне Чайковский, но нравится и Григ, и Вивальди. Видимо, Сталину нравилось наше увлечение музыкой. Кстати, наша семья была почти единственной, которая не пропускала ни один концерт в консерватории.

Часто бывали мы и в театрах. Любили Художественный, Малый, особое место занимал Большой. Сначала, когда мы были маленькими, располагались в правительственной ложе, потом сидели рядом с правительственной. Помню, как на спектакли приходил Сталин. Обычно он здоровался со всеми, даже с детьми, за руку. Любил он слушать оперы Чайковского, Бородина, Глинки, но бывал и на балетах, когда танцевали Уланова, Семенова, Лепешинская. Разговаривал со взрослыми о музыке, исполнителях, декорациях, постановке... Сталин всегда сидел в глубине ложи, часто рядом с мамой или отцом... Да, жизнь в ту пору была не так богата, но богат был внутренний мир советского человека, вера в будущее...»

Спросите, почему я припомнил здесь именно сына Берии, дочь Андреева. Но они тоже дети кремлевского подворья и не придумывали себе биографий с пролетарским происхождением, как хрущевский сыночек — «слесарь» Леня. Об этом «слесаре» мне рассказывал Серго Лаврентьевич. Об одном из сыновей Микояна,

Володе, павшем в бою за Родину, — Нина Андреевна Андреева. Они знали Иосифа Виссарионовича, по-доброму вспоминали о нем, и я бы мог долго приводить здесь воспоминания людей, знавших Сталина, с кем судьба свела меня сначала, как летчика, а потом уже, как военного корреспондента, писателя. Поэтому так отвратно нынче читать, слышать и видеть о генералиссимусе Сталине поделки киношника Н. Михалкова, ужимки Э. Радзинского, подгонку под веление окаянных дней политработничка Д. Волкогонова, треп сонма борзописцев от российской демократии.

Но, скажите, кому лучше верить — всей этой компахе, улещенной всяческими наградами, почестями, лелеемой властью, или тем, кто знал Сталина, был рядом с ним в дни великих свершений на трудовом фронте и в годину лихолетья? Вот, к примеру, их имена: К. Рокоссовский, А. Василевский, И. Баграмян, К. Мерецков, С. Штеменко, А. Еременко, Н. Воронов, А. Голованов, Н. Кузнецов, Н. Яковлев — это маршалы и видные военачальники, творцы Великой победы. Или вот непосредственно тоже работавшие с ним — авиаконструктор А. Яковлев, конструктор артиллерийских систем В. Грабин, конструктор танков Ж. Я. Котин, нарком авиационной промышленности А. Шахурин, нарком сельского хозяйства Бенедиктов. А наши союзники и враги? Тот же премьер Великобритании У. Черчилль, посол США в СССР Аверелл Гарриман, представитель президента США Гарри Гопкинс, государственный секретарь США в годы войны Корделл Хэлл, Элиот Рузвельт — сын президента США. А президент Франции генерал Шарль де Голль? А министр иностранных дел Германии в 1938–1945 годах Иоахим фон Риббентроп? Может, покруче Эдварда Радзинского были и писатели Михаил Шолохов, французы Р. Роллан, А. Барбюс, англичане Г. Уэллс, Б. Шоу, немец Л. Фейхтвангер?

Тут вот, с «перестройкой-то» да реформами еще появились литераторы — из мэров. Гавриил Попов и Собчак, оказывается, тоже «сталиноведы»! Так, может, им верить?..

Сейчас, когда пишутся эти строки, в Москве собрался форум таких «сталиноведов», и ведущий телепрограммы «национальный интерес» Д. Киселев пригласил к экрану специалистов по «сталинизму». Перед камерами уселись писатель Даниил Гранин, Элен Каррер Д'Анкос — представительница, надо полагать, мировой общественности, и сошки помельче — С. Медведев, В. Мединский. Они выступали друг за другом, а группа молодых людей, студенты, сидевшие напротив, должны были слушать их умные речи, а заодно со студентами — и все, кто пристроился в тот субботний денек перед экранами в царственных коттеджах,

допотопных «хрущевках» и бедных русских избах-развалюхах, рассеянных по всей-то святой Руси от Москвы до самых до окраин...

Как выяснилось из телепередачи, некоторые из выступавших специалистов участвуют в создании 100-томной истории сталинизма. Мать честная, 100 томов! Больше, чем полвека прошло, как не стало Иосифа Сталина. После него, кто только не правил великой державой, кто только не рвался к кормилу-то да кормушке. Один Ельцин чего стоит! Но о нем говорят, еще рано писать, Бориса Николаевича с его «реформами» только через 100 лет поймут. А вот о Сталине нынче всякий волен писать и говорить, что ему заблагорассудится. Ну и понесли «сталиноведы»!

Мединский, например, поведал жуткую историю о погибших младенцах. Значит, выселяли кого-то в Сибирь. Матери, чтобы не мучить дорогой младенцев, сложили их у входа не то сельсовета, не то райкома партии. Начальство обнаружило подкидышей. Задумалось — что же с ними делать? И отправляют в вышестоящую инстанцию запрос, мол, орут младенцы-то, что делать? Из райкома документ пошел в горком, из горкома в обком, из обкома в Москву, в Кремль. Там — дошло или не дошло до Сталина, — но что-то решили и полетела депеша обратным путем — в обком. Из обкома — в горком, из горкома — в райком. Словом, пока все это происходило, младенцы взяли да померли.

Что и говорить, жуткая картина! Нынче такой бюрократической волокиты нет. Не нужен младенец, мешает в дороге — в целлофановый пакет его и на полном ходу поезда в окно, на свободу! Выживет, устроят добрые люди в детдом, а там, глядишь, американцы купят. Продали как-то мальчишку одной мисс, она принялась учить его по-английски молитвы читать. Никак не получалось у Ванятки без акцента слова тех молитв. Тогда мисс взяла ножницы и отрезала у негодного русского ухо, чтобы знал, как в Америке свободу-то любить!

Еще один жлоб — в 40-градусную жару закрыл малыша в автомобиле и ушел на 10 часов. Понятно, купил мальчика у русских — его частная собственность, стало быть, хоть тот и умер, задохнулся в машине — никакой тюрьмы не может быть.

В тысячелетней истории православной России всякое было: женщин и детей уводили в плен, насиловали, убивали. Но никогда — ни за что! — детьми, будущим своего народа не торговали...

К слову, о церкви. «Сталиноведы» перед телекамерами расписали, как «менеджер» Сталин «в своих интересах» — это в 1943 году — обратился к митрополитам с предложением избрать

патриарха. Понятно, хитрый кавказец только о своей шкуре и думал! Ох, и фарисеи! Да ведь еще в 1933 году секретарь ЦК партии Иосиф Сталин дал команду прекратить бардак безбожников — застройки за счет храмов и церквей. Потребовал от органов Советской власти и рабоче-крестьянской милиции принимать меры — вплоть до дисциплинарной и партийной ответственности! — по охране памятников архитектуры древнерусского зодчества.

А в ноябре 1939 года разве не Сталин замахнулся — и отменил! — «указание товарища Ульянова (Ленина) от 1 мая 1919 г. за № 13666-2 «О борьбе с попами и религией». Разве не Сталин потребовал прекратить «практику органов НКВД СССР в части арестов служителей русской православной церкви, преследования верующих», «произвести ревизию осужденных и арестованных граждан по делам, связанным с богослужительской деятельностью», «освободить из-под стражи, если деятельность этих граждан не нанесла вреда Советской власти»...

Что только не несли с экрана с виду вроде бы интеллигентные люди. Сталин и «менеджер по убийствам», Сталин и «чудовище». При нем вся страна, оказывается, и улыбаться-то разучилась! Ведущий программы Киселев подтвердил: «Действительно, люди на фотографиях не улыбаются!»

Да какие еще улыбки, если, как заметил Даниил Гранин, «до войны Сталин уничтожил весь офицерский состав». А когда война началась, писатель оказался в ополчении, к тому же без винтовки. Тогда он подумал и у какого-то красноармейца выменял ее на кусок мыла!..

Ничего не скажешь, круто поработал «менеджер» Сталин, если верить писателю. Однако, известно, что с 1 сентября 1939 года, когда был принят закон о всеобщей воинской повинности, и до начала войны наша армия выросла до 5,3 млн. человек (в 1938 году было 1,5 млн.). Это что, были одни рядовые красноармейцы? Разборка с заговорщиками во главе с Тухачевским закончилась увольнением — не обязательно расстрелом — 5 маршалов, 5 командармов 1-го ранга, 10 командармов 2-го ранга, 62 комкоров, 201 комдива, 471 комбрига, 1713 полковников, 5501 майоров, 14 369 капитанов, 26 082 старших лейтенантов и 58 502 лейтенантов.

Но с марта 1937 года по 1 марта 1938 года в РККА получили продвижение по службе 39 090 командиров и, соответственно, за это время в армии появились 6 новых командармов 1-го и 2-го ранга, 30 комкоров, 71 комдив, 257 комбригов, 1346 полковников, 5220 майоров. Хорошо это или плохо, если они

войну-то выиграли?

А хорошо или плохо, что армия РФ к 2012 году будет на 110 тысяч меньше армии Северной Кореи — крохотного в сравнении с территорией России полуострова?..

Генералов и адмиралов будет вместо 1107 — 886 человек; полковников разгонят основательно: вместо 15 365 останется 3114; подполковников вместо 19 300 — 7500; майоров вместо 99 550 — 30 000; капитанов вместо 90 000 — 40 000.

В 1941 году у нас было 203 военных училища, 19 академий, 10 военных факультетов при гражданских вузах, 7 высших военно-морских училищ. Нынче в порядке реформы, еще раз напомним, вместо 64 военно-учебных заведений должны появиться 10 каких-то учебных центров. А сколько ученых — докторов военных наук и кандидатов отвалятся — никого не волнует. К слову, те 120 000 молодых капитанов и майоров, обученных неплохо стрелять, чем займутся? Уж не БАМ ли отправятся строить? Или, может, Днепрогэс?..

Теперь по поводу бартерного обмена ополченца Гранина: за мыло — винтовку. Для обороны Москвы, известно, было сформировано 12 ополченческих дивизий численностью 120 тысяч человек. Работу эту москвичи провернули за 4 дня! Что касается боевой техники и вооружения, дай Бог, чтобы нынче такими темпами оснащали армию. К началу войны — это за два с половиной года — РККА получила 17,5 тыс. самолетов, 5,5 тыс. танков всех типов, 30 тыс. полевых орудий, 105 тыс. ручных, станковых и крупнокалиберных пулеметов. Ну, а выпуск винтовок «менеджер по убийствам» накануне войны обеспечил в среднем за год в количестве 1 млн. 800 тыс. единиц. Это сколько же мыла потребовалось бы наменять во имя Великой Победы!..

Слушали парни и девчата специалистов по «сталинизму», принимали их слова за чистую монету или сомневались в столь привычных для имени Сталина ярлыках, кто знает... Ведущий телепрограммы гнал лошадей, не давая долго задумываться молодым в потоке легковесной риторики. Расчет прост — мути воду, что-то да вдолбится в голову «25 кадром».

Но вот один студент прорвался к микрофону. Он спросил, какая разница между Сталиным в начале внезапного нападения гитлеровских полчищ на нашу страну и Ельциным, который посылал в Чечню 17-летних мальчишек — когда в России было все?.. Ответ, по сути, не требовался. Все и так должны были усвоить, что Сталин убийца, чудовище, источник несчастий «детей Арбата».

Господин Мединский попытался урезонить парня, мол, представьте, что кого-то из ваших родных арестовывают. На что

парень едва успел бросить в микрофон: «Мой дед был репрессирован в 37-м...» Тут микрофон быстренько уплыл с комментариями энергичного Димы Киселева, и казалось бы, уже закрыт «национальный интерес» его программы. Вдруг кто-то в последнем ряду настойчиво потянул руку с явным желанием что-то все-таки сказать.

Что произошло под занавес незатейливых рассуждений, а точнее злых, ставших привычными, реплик по поводу Сталина, никто из «сталиноведов» и организаторов субботней программы для миллионов телезрителей явно не ожидал. Поднялась девушка, скромно представилась: «Я из «Молодой гвардии» и так же скромно, без хищных повадок теток-политиканш, спросила: «Скажите, а почему Сталина все-таки любили и уважали?..»

На какое-то время на телеэкране наступила мертвая пауза. Мне это напомнило эпизод из жизни комиссара А. Луначарского. В начале 20-х годов, когда яростные борцы со «всеми, кто молится Богу», устраивали такие кампании, как «Комсомольские Рождества», жгли иконы, «блаженный Анатоль», как звал Луначарского марксист Плеханов, решил сразиться с церковниками принародно и вызвал на словесную дуэль известного митрополита А. И. Введенского. Краснобай, шоумен, вроде бывшего министра от культуры Швыдкого, «блаженный Анатоль» клеймил лицемерие христианской религии и, упиваясь своим положением, властью, в звонких фразах рисовал рабочим величие морали интернационализма с общечеловеческим лицом. Опыанный пошлыми фразами, комиссар следил за впечатлением, которое производил на окружающих и уже торжествовал свою победу над попом, когда из-за стола поднялся Александр Иванович Введенский. В черной рясе, с большим крестом на груди, митрополит подошел к краю сцены, где происходила дуэль, перекрестил собравшихся в зале и произнес только два слова: «Христос воскрес!» Зал на одном дыхании ответил: «Воистину воскрес!» Митрополит повторил: «Христос воскрес!» И люди еще громче выдохнули: «Воистину воскрес!». Третье славословие Сына Божьего Иисуса летело уже вдогонку комиссару Луначарскому. Дело был на Пасху.

А «национальные интересы» по телящику демократы прокручивали в 90-летие первой советской Конституции — Конституции РСФСР. Девушка из «Молодой гвардии» своим вопросом в святой простоте, думаю, и сама не рассчитывала на столь сокрушительный удар — нокаут! — компахе «сталиноведов». Ведущий программы опомнился первым — он метнулся к старому ополченцу. А тот, в растерянности от такой непосредственности девицы, вынужден был снизойти до

комплимента. «Хороший вопрос...» — сказал он.

Еще бы! Вот ответ получился — не очень. Если не сказать, никакой. Сначала писатель заговорил о монархическом сознании, которое якобы живет в народе. То есть, царь виноват, что Сталина любили! Царь, которого тот же народ сбросил с трона. Потом Даниил Гранин припомнил культ личности Сталина, конечно, забыв замечание по этому поводу другого писателя. «Был культ. Но была и личность!» — говорил тот. Михаил Шолохов его фамилия.

И, наконец, старый ополченец закрутил боевой разворот на высоты метафизики, чем окончательно запутал вопрос девушки из «Молодой гвардии», да не только для нее — для миллионов телезрителей. Он заявил, что именно страх перерождается в любовь! По Гранину, при виде матери малыш радостно улыбается и тянет к ней ручонки — от страха. Русские любят свою землю, ныне униженную, брошенную, стоящую как старуха на паперти с просьбой о милостыне. И к ней возвращаются, однако, как блудные сыновья, и каются на коленях — от страха?..

Мнится мне, от страха-то те 100 томов пишутся. Их готовы выкатить «дорогим расеянам» апологеты «реформ» — противники общества социальной справедливости, о каком мечтал в сибирских ссылках Коба Джугашвили. Строчат любезные тома о «сталинизме», торопятся. Да хоть 1000 томов понастрочат — не помогут! Не помогут избавиться им от их собственного страха потому, что Сталин — бич Божий.

«Сталин уничтожил почти всю «ленинскую гвардию», начиная с тех, кто прибыл в Россию в «пломбированных вагонах», вместе с Троцким на пароходе из Америки, кончая выдвиженцами революции и «героями гражданской войны» во главе с Тухачевским, подлая жестокость которого при подавлении тамбовского крестьянского восстания не поддается пониманию чистого разума... Достал в Мексике и Троцкого — того самого «вождя», который до конца своих дней переживал, что не смог превратить Россию в вязанку хвороста, чтобы бросить в огонь мировой революции.

Скажите, кто, кроме Сталина, смог бы избавить страну от этой чумы, этих бесов, наводнивших Россию, уничтоживших сословия, надругавшихся над нашими святынями?.. Сталин, хотел он того или не хотел, осознанно или не осознанно стал бичом Божьим, покаравшим сатанинское воинство, извергов, изуродовавших страну и обескровивших народ. И в этом историческое значение и личный подвиг Сталина».

На этой светлой мысли русского писателя и публициста Эдуарда Володина остановим экскурс в день нынешний с

поисками через сатанинский телеящик «национальных интересов»

«Кем держалась наша любимая Россия?»

Что касается Светланы, как заметил один мой знакомый американец, тут есть «маленький проблэм». Тот «проблэм» оказался киношник Каплер, которого все звали почему-то Люсей.

История эта известная. В конце 1942-го на даче в Зубалове Василий собрал боевых друзей. Крепкие парни-пилоты слетались с разных фронтов и не в штабных кабинетах, а в простецком летном застолье обсуждали свои дела, просили Василия Сталина в то время еще начальника инспекции ВВС, помочь обновить технику, побольше присылать в полки ракет вместо снарядов для малоэффективных пушек да пулеметов. Словом, решали различные вопросы фронтовых будней, и к ним нередко приезжали популярные в то время артисты кино, писатели, поэты. Бывали, например, Константин Симонов с Валентиной Серовой, Людмила Целиковская с Войтеховым, композитор Никита Богословский, кинооператор Кармен с женой Ниной Орловой.

Вот в ноябрьские-то праздники и сошлись на встречах курсах 16-летняя дочка Сталина и тот киношник, 40-летний Каплер. Он к тому времени был уже известный человек в мире кино — придумал что-то о Ленине, получил даже Сталинскую премию за ту агитку. Так что Светлане было интересней слушать сладкоголосого Люсю, чем рассказы о схватках с противником в небе войны боевых друзей Василия. Марта Шад, автор книги «Дочь Сталина», дает портрет ее первого ухажера: «Каплер был толстым, отвратительным внешне и, кроме того, далеко не лучшим писателем». Но, как говорится, любовь зла — полюбишь и козла. Светлана Иосифовна в этом «отвратительном» человеке видела сказочного принца на розовом коне. Вот, уже спустя годы, она пишет о себе и с этим нельзя не согласиться: «Должно быть, я была смешным цыпленком, но Люся заверил меня, что я танцую очень легко, и мне стало так хорошо, так тепло и спокойно с ним рядом! Я чувствовала какое-то необычайное доверие к этому толстому дружелюбному человеку, мне захотелось вдруг положить голову к нему на грудь и закрыть глаза...» «Бо пора прійшла», — как заметила героиня одной украинской пьесы...

«Мы все танцевали, все ставили новые пластинки — вспоминает дочь Сталина, — и никто не обращал на нас внимания». Это Светлане Иосифовне так только казалось. Кому по службе-то было положено — все видели. Так что вскоре у нее

состоялся крутой разговор с бабушкой. «Отец рвал и бросал в корзину мои письма и фотографии. «Писатель!» — бормотал он. — Не умеет толком писать по-русски! Уж не могла себе русского найти!» То, что Каплер — еврей раздражало его, кажется, больше всего...»

Думаю, не в этом дело. Любой отец среагировал бы не лучшим образом, узнав, что его несовершеннолетнюю дочку соблазняет прожженный, опытный в таких делах специалист. Как кавказский человек, Иосиф Виссарионович мог бы засунуть за пояс большой кинжал, прийти к осквернителю рода Джугашвили и резать его. Законы гор! А без гор — кирпич на башку товарища Каплера — хрясь! Разве не мог бы упасть?..

Каплера отправили в Воркуту. Там он нашел поле для своей творческой деятельности при опереточном театре НКВД, сошелся с артисткой Валентиной Токарской. А дочь Сталина вскоре вышла замуж за студента Г. Морозова. С ним она училась в одной школе, правда, в разное время. Но вот опять: «Он был еврей, и это не устраивало моего отца». Сказано опять слишком обывательски — для дяди Феди из ЖЭКа допустимо, но для Сталина...

Сталин, как и Ленин, к евреям относился вполне терпимо, порой даже ласково. Ильич как-то поручил Сталину проверить одно запутанное дело — по части инспекции. Сталин потом вспоминал: «Я, как нарком, пришел и говорю: я назначил такую-то комиссию. Перечисляю ему — того-то, того-то... Он мне говорит: «Ни одного еврейчика? Нет ничего не выйдет!»

Еврейчика... А не как-то там... А вот Сталин рассказывал Шолохову случай перед войной. Значит, к нему на дачу пришли два юных корреспондента: «Два таких щупленьких еврейчика вошли ко мне, и вот один озирается и говорит: «Плохо живете, товарищ Сталин, мой папа живет лучше». И тут — еврейчики!»

Не только в комиссии их назначали. В разгул, как принято считать «антисемитизма» на святой Руси — это в 1949–1952 годах — около трети общего числа удостоенных Сталинских премий по литературе были евреи. Барто, Брайнин, Вольпин-Горбатов, Долматовский, Казакевич, Кассиль, Кирсанов (Корчик), Маляревский, Маршак, Никулин, Орлов (Шапиро), Поляновский, Рыбаков (Аронов), Рыжей, Тубельский, Халифман, Чаковский, Шейнин, Штейн, Эльсберг. Скажите, а кто это такой Халифман? Или этот, Эльсберг. Но, как заметил известный историк, публицист В. Кожин, куда как достойней для тех же премий были другие имена: Михаил Пришвин, Андрей Платонов, Николай Заболоцкий, Ярослав Смеляков, которые премий «не удостоились»...

Или вот отмечают успехи на трудовом фронте. Наиболее

отличившимся при строительстве Беломорско-Балтийского канала — ордена Ленина. Их восемь человек: Ягода — зам. председателя ОГПУ, Коган — начальник Беломорстроя, Берман — начальник Главного управления исправительно-трудовыми лагерями ОГПУ, Фирин — начальник Беломорстроя и зам. начальника Главного управления исправительно-трудовыми лагерями ОГПУ, Рапопорт — зам. начальника Беломорстроя, Жук — зам. главного инженера Беломорстроя, Френкель — пом. начальника Беломорстроя, Вержбицкий — зам. главного инженера строительства. Ну, что тут скажешь?..

В середине-то 30-х годов видными работниками ОГПУ и НКВД считались: А. Абрамович, Я. Берман, С. Коган, М. Вейцман, И. Вейцман, А. Дорфман, В. Зайдман, М. Госкин, С. Гиндин, А. Минкин, С. Фирин, Л. Залин, М. Курин, М. Трилиссер, Л. Мейер, Я. Вольфгон, З. Кацнельсон, Ф. Кац, Ф. Курмин, Л. Вуль, С. Розенберг, А. Шапиро, Л. Шпигельман, М. Патер, Н. Френкель, Я. Дымент, Г. Абрампольский, В. Баумгарт, Е. Водарский, А. Вайнштейн, К. Гольдштейн, Л. Кудрик, И. Путилик, М. Лебедь, М. Иезуитов... Унылое однообразие специалистов «компетентной» организации, не правда ли?

Вот к сионистам Иосиф Сталин относился нетерпимо с первых лет революционной деятельности. Свое откровенное суждение о демократах-меньшевиках он высказал еще в 1905 году, на встрече с бакинскими рабочими. «В самом деле, что это за народ! Мартов, Дан, Аксельрод — жида обрезанные. Да старая баба В. Засулич... Ни на борьбу с ними не пойдешь, ни на пиру не повеселишься. Трусые и торгаши!» — возмущался «пламенный колхидец». Хотя, заметим, вскоре после октября 1917-го за слово «жид» давали 10 лет лагерей...

Между тем Г. Морозов, первый-то муж Светланы, был не столь категоричен по поводу «антисемита» Сталина. Он, например, напомнил, что в Политбюро при Иосифе Виссарионовиче бессменно был еврей Лазарь Каганович, на ниве пропаганды — нач. Политуправления Красной Армии — Лев Мехлис. Карательные функции выполнял Генрих Ягода. «Кстати, в НКВД, в Генеральной прокуратуре значительное число следователей по особо важным делам были евреями. В том числе такие страшные костоломы, как Шварцман и Родос, — пишет Морозов и подчеркивает: — Даже убить Троцкого Сталин доверил еврею Эйтингону»!..

Гриша Морозов и Светлана разошлись. Как она утверждает, отец ее к этому отношения не имел: «Мы расстались весной 1947 года — прожив три года — по причинам личного порядка...» Однако Светлана Иосифовна об отношении к Морозову не отца, а

великого государственника, который восстанавливал разрушенную троцкистами Российскую империю, многое могла и не знать.

В начале января 1948-го арестовали ее двоюродную сестру Киру Аллилуеву. Привезли на Лубянку. Дальше она рассказывает: «Открылась дверь в огромный, как зал, кабинет. Вхожу, вижу много народу — и какой-то важный начальник в центре за столом, ко мне спиной»... Кира Павловна — человек веселый, добрый, жизнерадостный. В детстве с родителями она жила в Берлине, в советском посольстве (отец Киры работал в Торгпредстве), ну и встречалась там с интересными людьми — Александрой Коллонтай, Александром Вертинским, ходила в танцевальную школу одной из учениц Айседоры Дункан. «Занятия проходили в большом зале с зеркалами под аккомпанемент рояля», — вспоминала Кира Аллилуева и, как знать, может, огромный зал на Лубянке чем-то напомнил ей тогда уроки хорошего тона, усвоенные в берлинской школе танцев. Чуть ли не отвесив книксен важному-то начальнику, она выдохнула: «Здрасьте!» А начальник ей: «Вы не на бал пришли!..» Потом помолчал и добавил: «Что же вы наделали?!» Кира и в самом деле не понимала, что она наделала, стала говорить, что она комсомолка, что в Малом театре чуть ли секретарем комсомольской организации не стала. Начальник с народом послушали ее немного, но вскоре монолог Киры прекратили: «Ну хватит!» — и ее увели.

«Привезли обратно в Лефортово. И тогда слезы потекли из меня рекой, — передает душевные страдания Кира Павловна: — Плакала я день и ночь. Плакала так, что казалось, будто все глаза выплакала. Плакала от бессилия, оттого, что никогда маму не увижу, оттого, что ждет нас обеих страшная участь. А за что — непонятно».

В самом деле, за что? Кирина мама, дочка новгородского священнослужителя, была человеком образованным. С гимназических лет хорошо знала французский, в Германии выучила немецкий, потом, уже в Москве, на курсах освоила английский язык. Знала она хорошо и русскую литературу, у нее была, как пишет Кира Павловна, «красивая, правильная русская речь и замечательное чувство юмора». Иосиф Виссарионович и сам великолепно знал русскую литературу, при случае беседовал с Женечкой Аллилуевой о новых книгах, советовался — что почитать. А она «к случаю», как замечает, Кира Павловна, любила сыпать новгородскими поговорками: «Сталин не был ни сухарем, ни угрюмым неучем, как о том многие сегодня говорят. Он заливался искренним смехом, услышав «в тему» мамино:

«Приходите к нам через подворотню задницей, чай пить, когда нас дома нету!» Или: «Да, да! Просто, просто срать с моста! Один срал — да в воду упал!», или: «В своем говне как в крепости»...

Кира Павловна так комментирует поговорки своей не лишенной юмора матушки: «Быть может, на чей-то вкус — слишком смачно, грубовато, но до чего же точно по смыслу!» Не согласиться с таким заключением трудно. А в русских-то тюрьмах ох, как просто убедиться в великой мудрости наших народных поговорок...

В декабре 1947 года в американской печати была опубликована статья о личной жизни Иосифа Сталина. Содержание статьи стало ему известно и он приказал разобраться, откуда всплыло все то понаписанное. Так, 10 декабря ребята из компетентных органов и увели под белы ручки Евгению Александровну. В ходе допросов она указала на близко знакомого ее семьи И. И. Гольдштейна, сотрудника Института экономики АН СССР, который был критически настроен, как бы нынче сказали, к «этой стране». В январе 1948 года арестованный Гольдштейн в свою очередь указал на Гринберга. Оказалось, что еще в 1946 году Гринберг, сотрудник аппарата президиума Еврейского антифашистского комитета, сообщил ему об антисоветской националистической работе, которую проводит комитет (ЕАК), и что возглавляет ту работу артист Соломон Михоэлс. Гринберг рассказал Гольдштейну также о широких связях Михоэлса с еврейскими буржуазными националистами в США. Все это, конечно, записали в протокол в том числе сообщение Гринберга, что Соломон Михоэлс «пользуется полной поддержкой у американских сионистов». А еще Гольдштейн показал, что артист и руководитель ЕАК пытался воспользоваться браком Светланы Аллилуевой с Морозовым, чтобы влиять на отношение Сталина к евреям.

Сталин не запретил дочери тот брак, но выговорил: «Сионисты подбросили и тебе твоего первого муженька». Она пыталась возразить: «Папа, да ведь молодежи это безразлично — какой там сионизм!» — «Нет! Ты не понимаешь! — сказал Сталин резко, — сионизмом заражено все старшее поколение, а они и молодежь учат...»

Именно тогда артист Соломон Михоэлс и поэт Ицик Фефер, вернувшись из поездки в США, вместе с рабби Эпштейном написали Сталину письмо с просьбой содействовать учреждению «Еврейской социалистической республики в Крыму». Только таким образом, по мнению авторов письма, можно было бы «по-большевистски в духе ленинско-сталинской национальной политики» разрешить «проблему государственно-правового

положения еврейского народа и дальнейшего развития его вековой культуры». Надо заметить, в этом вопросе так же резко совпали мнения большевиков Фефера и Михоэлса с мнением миллионера как тогда считалось, гада-капиталиста Дж. Н. Розенберга из Штатов. Фефер потом припомнит, как беседовали они о создании в Крыму такого самостоятельного государства. Тогда Розенберг заметил, мол, этот полуостров их интересует «не только как евреев, но и как американцев, поскольку Крым — это Черное море, Балканы и Турция»... Не случайно миллионер еще в 20-х годах ухлопал 30 миллионов «зеленых» на создание в Крыму еврейских колоний. Тогда Крым еврейским не стал.

Уже в наше время соратник Сталина Лазарь Моисеевич Каганович уточнит кое-что в связи с таким единомыслием — интернационалистов и сионистов: «Мы вполне разгромили еврейский буржуазный национализм, все эти сионистские организации еще в 1920-е годы. Однако, после войны, когда Красная Армия спасла евреев от Гитлера, и когда советское правительство помогло евреям, пережившим трагедию гитлеровского геноцида, образовать государство Израиль в Палестине, еврейский национализм в нашей стране снова поднял голову. Хорошо зная психологию и тактику сионистов, я обеспокоился и сообщил о своей тревоге Сталину, — вон ведь когда труба позвала в бой! — Иосиф Виссарионович согласился с моими доводами о том, что целесообразно свернуть деятельность еврейского антифашистского комитета, слишком тесно связанного с зарубежными сионистскими центрами в США, Израиле и Европе, и нанести удар по «космополитизму», прежде всего, по космополитично настроенной советской еврейской интеллигенции».

Лазарь Моисеевич прожил долгую жизнь, сохранил память, прекрасно ориентировался в современной ситуации — «перестройки» и реформ — и такой вот его вывод: «Я считаю, это была тогда правильная мера, она оздоровила идеологическую обстановку в партии и государстве. Сейчас же, в годы крушения коммунистических идеалов, нет ничего удивительного, что еврейские «возмутители спокойствия» снова в первых рядах».

А по поводу националистической деятельности Еврейского антифашистского комитета поэту Ицику Феферу напомнил поэт Перец Маркиш. «Оценивая сейчас деятельность ЕАК, я полнейшим образом утверждаю, что Комитет стал заповедником национализма, и когда я прочитал эти 42 тома, мне стало стыдно жизни моей». Понятно, подобные многотомные издания хранятся в единственном экземпляре — в самой компетентной библиотеке

— в то время на площади имени Дзержинского. Ну, а Маркиш эту беседу с Фефером вел уже в дни разборки Комитета с чекистами — в 1948 году. «Я считаю, что Еврейский антифашистский комитет был превращен в шинок, где изготавливались изысканные шпионские «блюда» для разведчиков», — заключил поэт и еще подчеркнул, что о националистической деятельности газеты «Эйникайт» и контрреволюционной деятельности Комитета он подавал заявление в парторганизацию Совинформбюро еще в 1944 году. Это как раз, когда Светлана на замечание отца по поводу ее первого муженька и сионистов заявила: «Молодежи это безразлично — какой там сионизм!» О сионистских делах, судя по всему, они и слушать не хотела. Уж замуж невтерпех!..

В последнем интервью одной нашей журналистке — это было уже в новом, XXI веке, совсем недавно, Светлана Иосифовна заявила, мол, ненавидит Россию, потом, правда, уточнила — советскую Россию. Еще объявила, что не является этнически русской. К чему это сказано? Сталин этнически тоже был «лицом кавказской национальности», но более русский, чем многие те, кто в лихие девяностые, скрываясь под русскими фамилиями, прорвались в Кремль, к кормилу-то да кормушке.

Еще вот, оказывается, Светлана Иосифовна уже и сны видит по-английски. Вероятно, по-английски во сне-то и храпит... Что ж, тут, пожалуй, уместно припомнить новгородские поговорки, которыми так бойко сыпала ее тетя, Евгения Аллилуева: «В своем говне как в крепости!»

Думаю, не по этой ли самой причине в те, теперь уже давние сороковые, ни Светлана, ни ее двоюродная сестричка Кира так ничего и не поняли, что тревожило тогда Сталина... «Я и теперь не могу до конца это понять и объяснить. Что им руководило — желание показать, «кто в доме хозяин», просто человеческая неблагодарность или коварство, не помнящее родства?» — это Кира Павловна рассуждает и приводит эпизод, как Светлана пыталась защитить родню перед Сталиным. «Пришла к отцу и говорит: «Ты за что моих теток посадил? Они ведь мне маму заменили!» На что услышала: «Много болтали! Будешь адвокатничать, я и тебя посажу!»

А вот о чем «болтала» любительница русского фольклора тетя Женя, можно только догадываться. В несколько своеобразной компании, которая сконцентрировалась вокруг нее, входили уже упомянутые И. Гольдштейн, З. Гринберг — помощник Михоэлса, а еще Л. Шатуновская, Л. Туберман, Э. Горелик...

Кира Павловна рассказывает об одном из своих двоюродных братьев — Володе, о том, что он, получив доступ к архивам КГБ, изучил дело своей матери А. С. Аллилуевой, материалы допросов

Кире и его тетки Жени, а потом написал то, что думает о том времени. «Просталинская Володькина книга», отзывается о «Хронике одной семьи» Кира Павловна. «Как никому не нужное, старое лоскутное одеяло!» Не слишком ли сурова критикесса? Вот к месту лишь одно логическое рассуждение автора — взгляд не из той «крепости», о которой сказанула его тетка, а на основании многих фактов, свидетельств и документов — не только архива КГБ.

«И. И. Гольдштейн в ходе следствия показал, что в 1943 году С. М. Михоэлс, находясь в США, вступил в контакт с сионистскими кругами, которые впоследствии проявили большой интерес к браку Светланы с Григорием Морозовым, почему, в сущности, Михоэлс и появился на нашем горизонте. После этих показаний арест Соломона Моисеевича был бы неизбежен. Трагическая гибель в январе 1948 года спасла его от тюрьмы, — пишет Владимир Аллилуев и задается вопросом: — Но вот кому эта гибель была нужна, это не пустой вопрос. Думаю, Сталин в этом был абсолютно не заинтересован. Скорее всего, опасались живого Михоэлса сионистские круги, которые могли быть засвечены в ходе неизбежного следствия. Тем более, что распад брака Светланы и Григория показал бесплодность их усилий».

В свое время вышла в свет исследовательская работа «Остров Крым. Загадка проекта еврейской автономии в Крыму». Автор ее Юрий Бокарев пишет: «Сейчас общепринятой является версия, что Михоэлс был убит сотрудниками МГБ по личному распоряжению Сталина. Не обошлись без нее и издатели стенограммы суда над еврейским антифашистским комитетом. (Единственными источниками, подтверждающими эту версию, являются протоколы допросов Л. Берии и В. Абакумова. Условия этих допросов были таковы, что многие показания подследственных оказались недостоверными.)... Из показаний художественного руководителя Московского Государственного Еврейского театра В. Д. Зускина выясняется, что как только труп Михоэлса прибыл в Москву, стало ясно, что хоронить его в таком виде нельзя. Поработать над трупом вызвался друг Михоэлса академик Б. И. Збарский, который взял его в своей институт для обработки. Збарский неофициально обследовал трупы и установил, что Михоэлс и Голубев, несомненно, стали жертвой дорожной катастрофы. Конечно, она могла быть подстроена сотрудниками МГБ. Но вот что интересно. Збарский говорил сотрудникам Еврейского театра, что смерть Михоэлса наступила не от полученных повреждений, а от переохлаждения тела в результате многочасового пребывания в сугробе. Можно ли представить себе, что сотрудники МГБ оставили Михоэлса на улице, не удостоверившись в его смерти?

По итогам допроса других членов еврейского антифашистского комитета видно, что результаты работы Збарского не вышли за пределы Еврейского театра.

Вот ведь что получается-то. И прав Владимир Аллилуев, подчеркивая, что арест Соломона Михоэлса, руководителя упоминаемого здесь комитета, конечно, состоялся бы. На Лубянке все знали о встречах его с лидерами сионизма — президентом Всемирной сионистской организации Хаимом Вейцманом, руководителем Всемирного еврейского конгресса Нахумом Гольдманом, лидером масонской ложи «Сыны Сиона» раввином Вайзом, представителем иудейской общины раввином Эпштейном. Встреча на вилле руководителя еврейской благотворительной организации «Джойнт» Дж. Н. Розенбергом вышла далеко за разговоры о какой-то помощи Советскому Союзу.

Так, что за необходимость была многоопытным мастеровым Лубянки в разгар разборки с евреями из того Комитета убирать самого главного, кто знал по тому «делу» больше всех остальных? В «деле», например, красных маршалов автомобилями никого не давили. Тухачевский до расстрела успел в камере еще и свои теоретические взгляды по военным проблемам изложить.

И вот еще. Ну, кого там путать-то было? Кому нужны были подобные инсценировки — в духе тайн мадридского двора? И с каких это пор мастера Лубянки стали столь застенчивыми, что укокошить человека решались только вдалеке от площади Дзержинского? Или патронов что ли на еврейский-то комитет не хватило?..

И Лазарь Моисеевич Каганович, и наш современник известный историк, автор книги «Тайна истории России» Олег Платонов объясняют ситуацию, складывавшуюся в стране вскоре после войны. «Осенью 1948 года Сталин понял огромные масштабы сионистского подполья в СССР, угрожающего самим основам Русского государства, — пишет Платонов. — В условиях холодной войны, которую западный мир вел против России, еврейские националистические организации ненавидящие русских и симпатизирующие Америке, представляли собой «пятую колону» Запада, готовую ударить в спину Русского Народа».

Именно тогда в белокаменной было явление первого дипломатического представителя Израиля Гольды Меир. Боец невидимого фронта информировал Лубянку: «По сведениям, полученным из Тель-Авива, в состав миссии Израиля в Москве, за исключением торгового атташе Бежерана, все ответственные сотрудники набраны из числа членов правительственной партии «МАПАЙ».

1. Посланник миссии — Мейерсон Гольда Мойшевна, 1898 года рождения, уроженка г. Киева, большую часть жизни провела в США, где получила свое образование. Убежденная сионистка с большим стажем практической работы. Не знает русского языка.

2. Советник миссии — Намир (он же Немировский) Мордехай Ицхакович, бывший руководитель правых сионистов-социалистов в г. Одессе. В Советском Союзе подвергался репрессиям, настроен антисоветски. В Палестине с 1928–1930 гг.

Гольда Мейерсон и Намир имеют персональное задание от руководства партии «МАПАЙ» — «наладить контакт с евреями в Советском Союзе и найти путь для включения их в активную общесионистскую деятельность»...

Контакт Гольда Мойшевна устанавливала и с простыми советскими евреями — в синагоге, и с дамами кремлевского двора... ЧеКа, известно, не дремлет. Все вычислили — и синагогу, и разговоры Мойшевы с Семеновной, женой министра иностранных дел. Обе при первой же встрече принялись изъясняться на родном идиш. Полина Семеновна с гордостью объявила израильской посланнице: «Ich bin a iddishe tochter!» («Я — еврейская дочь!»). Ахнули еврейские дочери по рюмке водки, Семеновна пожелала Израилю всяческого благополучия и со слезами на глазах, растроганная, добавила, мол, если Израилю будет хорошо, то и всем евреям в остальном мире тоже будет хорошо.

Гольда Мойшевна соглашалась, но о плацдарме столь заманчивом не только для евреев, но и для американцев — полуострове под названием Крым — не забывала. Вместе с Полиной Семеновной они разработали план обращения в ЦК с просьбой объявить все-таки этот кусочек огромного Советского Союза Еврейской республикой.

Сталину, понятно, докладывали о визите первых представителей Израиля — о том, как Мейерсон вручала в синагоге свиток Торы, как за теплый прием пожертвовала раввину 3500 рублей. Ну, а о том, что созданию еврейского государства в Крыму будут помогать «еврейские народные массы всех стран мира, где бы они не находились», Иосиф Виссарионович уже знал — из письма ему Ицика Фефера, Соломона Михоэлса и Шахно Эпштейна. Так что его реакция на явление «мессии», уроженки Киева, была однозначна: «Нам угрожает опасность сионизма!»

Это потом, спустя почти 30 лет, Организация объединенных наций примет резолюцию № 3379, в которой сионизм будет заклеямен, как «форма расизма и расовой дискриминации». Потом видный военачальник, дважды Герой Советского Союза Давид Драгунский будет обличать национал-шовинизм

сионистских лидеров: «Сионизм — это культ вседозволенности и безнаказанности в политике... Сионизм — это открытая ставка на индивидуальный и государственный террор... Сионизм — это непрекращающаяся война!» Потом, чтобы отменить резолюцию ООН № 3379, будут брошены баснословные суммы на подкуп политических авторитетов, носителей громких званий и титулов, популярных писателей и журналистов, социологов и кинозвезд, ориентированных на защиту сионизма от его «антисемитски настроенных» критиков. А тогда Сталин вызвал Молотова и спросил:

— Скажи, правильно ли это, если высокий иностранный гость живет дома у членов правительства?

Молотов ответил:

— Нет, разумеется.

— Скажи, а как следовало бы поступить с таким членом правительства?

— Наказать по закону.

И Сталин согласился со своим министром:

— Ну, так и поступай...

Полю арестовали и отправили подумать в стороне от кремлевского-то жития, кому ей все-таки служить — России, которая пригрела евреев от гонений иных стран и народов, или пятой колонии в ней — людям, которым, где хорошо, там и их родина.

К чести Полины Семеновны — бывшего наркома рыбной промышленности, а также управляющей треста высшей российской парфюмерии (фирма «ТЭЖЭ») — она признала свои ошибки и, когда один еврейчик из ее родни попытался однажды за столом осуждать Сталина, она резко поставила его на свое место: «Молодой человек, вы ничего не понимаете ни в Сталине, ни в его времени. Если бы вы знали, как ему было трудно сидеть в его кресле!»

Легко ли, трудно ли было Сталину управлять великим государством, не развалить Россию, а приумножить русские земли от Галиции, Закарпатья, Бессарабии до Сахалина и Курильской гряды, Семеновна — комиссарша Перл Карповская — вычислила и откровенно призналась дочери Сталина: «Твой отец был гений! Он уничтожил в нашей стране пятую колону, и когда началась война — партия и народ были едины. Теперь больше нет революционного духа, везде оппортунизм»...

На том, пожалуй, и закончим подзатынувшийся разговор об «idishe tochter» и деле, которое едва уложилось в 42 тома лубянской библиотеки. Тем более, что Светлана долго-то не горевала после развода с Гришей Морозовым и вышла замуж за

сына члена Политбюро А. Жданова — Юру. Кандидат химических наук, заведующий отделом и сектором науки и вузов ЦК КПСС Юрий Андреевич рассматривался на пост 1-го секретаря ЦК ВЛКСМ, как чуть позже, в наше неповторимое время, комсомолец-активист Миша Ходорковский...

«Светлана была на похоронах моего отца. Потом мы стали встречаться на нашей квартире. Я с утра до вечера на работе, мать одна в кремлевском заточении, Светлана разделяла ее одиночество. Наши встречи участились и дело кончилось союзом», — так рассказывал о браке с дочкой Сталина Юрий Андреевич Жданов.

Но «дело-то кончилось», заметим, не союзом, а разводом. Уже спустя три года, Светлана Иосифовна откровенно призналась Сергею Берии, в которого была влюблена: «Чаша переполнена, не могу больше выносить этого выродка...» Прямо скажем, довольно эмоциональна оценка того союза. А почему? Юрий Андреевич успешно окончил Московский государственный университет, где к химической теории его приобщали преподаватели А. Ребиндер и М. Ботвинник, к математике — В. Немыцкий, к политической экономии М. Мейман. Во время войны молодой химик-органик, проявляя страсть к философии, трудился в Политуправлении ЦК ВКП(б), где в беседах с востоковедами И. Брагинским, А. Куреллой и философом Э. Кольманом находил подход к методологическим вопросам естествознания.

Но тут женитьба. Сразу после свадьбы Юрий Андреевич, как он пишет, «засадил Светлану за выписывание библиографических карточек из Маркса, Ленина, Павлова для своей работы». Эти карточки он сохранил и, судя по всему, они пригодились в дискуссии на русские темы, которая разгорелась в 60-х годах с публикациями в патриотической печати и в первую очередь в журнале «Молодая гвардия». Именно туда Юрий Андреевич отправил письмо, в котором сразу оговорился: «Попутно придется коснуться и юбилейной статьи в «Огоньке» члена Вашей редколлегии М. Лобанова». Вот главное соображение ученого химика: «В «Молодой гвардии» возник странный патриотизм: без верного понимания отечественной истории, без уважения к другим народам, без понимания русской художественной мысли, без классового подхода, без русских просветителей и декабристов, без революционеров-народников, без ленинского подхода к нашей истории».

Далее ученый устраивает разборку члену редколлегии: «М. Лобанов пишет о нравственной силе русского народа, непонятной «для привычного европейского представления». Во-первых, что это за представление, — рассуждает Юрий

Андреевич. — Кем оно изложено? Представление ли это английского углекопа или немецкого бюргера, Стендаля или Гегеля, Байрона или Энгельса? Во-вторых, не вариации ли это на давно забытый мотив: умом Россию не понять?..»

«В отличие от Ю. Жданова, я полагаю, что этот «мотив» еще не забыт. Недаром нынешние погромщики России злобствуют, дивятся, почему «эта страна», ее народ не хотят принять «рыночного рая», вбежать в царство демократии и мировой цивилизации», — прочитав давнее письмо доктора химических наук в его книге «Взгляд в прошлое», пишет Михаил Петрович Лобанов и, невольно возвращаясь к дискуссии «молодогвардейцев» шестидесятых годов, приводит пример того «первородного, на чем «зарождаются нервные узлы нравственного бытия и откуда исходит мощь творческого духа», никак не укладывающаяся в угоду концепции русофобов прошлого века да и нынешнего: «Зайдите в храм, и какие светлые, благодатные лица вы увидите. И кто, как не такие женщины, своим стоянием, молитвами у здания суда спасли от недавнего судебного преследования тех молодых отважных алтарников, положивших конец выставке «художников-сатанистов» в так называемом сахаровском центре. И в социальной жизни, в самом быту: в свое время в начале 90-х годов я писал, как поразила меня встреча со старухой в моей родной деревне на Рязанщине, которая, говоря о своих мучениях при Ельцине, крикнула: «Я бы его, гада, подняла на вилы!» — и сделала такой выпад руками, что и до сих пор стоит она в моих глазах как символ народной ярости»...

Мужественный, стойкий в борьбе с ненавистниками России, ветеран войны, Михаил Петрович Лобанов пишет, как в годы гонений и погрома церквей, когда в русском народе вытравливали веру в святыни, даже у «красных военных» жила русская душа. Писатель приводит факт из воспоминаний сына известного философа Евгения Трубецкого — Сергея. «В 1920 году тридцати лет он был арестован за «контрреволюционную деятельность в пользу белых армий» и несколько дней находился в арестном помещении при кремлевском карауле. Потом через Спасские ворота стража повела заключенных в новую для них тюрьму на Лубянке. «Когда проходили через ворота, по старой московской традиции почти все мы сняли шапки. Я заметил, что большая часть нашей стражи тоже их сняла. С. П. Мельгунов, как принципиальный атеист, с интеллигентской цельностью и прямолинейностью, не снял шапки, и один из конвоиров ему заметил: «Спасские ворота — шапку снимите!» («Князья Трубецкие. Россия воспрянет». Воениздат, 1996, с. 327).

Ну, вот, пожалуйста — и «русская общественная мысль», и

«классовый подход», и «просветители» с декабристами — все почти до доктору Ю. Жданову. Да только душа-то русская, как видим, не укладывается в прокрустово ложе классовых позиций — тут хоть весь марксизм разложен по библиографическим карточкам!

Должен заметить, Юрий Андреевич был музыкален. От бабушки Горской он унаследовал любовь к Брамсу, Россини, но вот в мотивах о России его молодая жена разобралась тогда, куда как глубже. Даже долгие часы корпения над теми карточками по Марксу да Ленину не сбили Светлану Иосифовну в понимании того, что составляет «живую душу народа».

В тех же 60-х годах в «Молодой гвардии» были напечатаны «Письма из Русского музея» Владимира Солоухина, еще раньше — его же «Владимирские проселки», «Капля росы». И вот писатель получает письмо — школьную тетрадь в клеточку, исписанную от корки до корки. Отрывки из того малоизвестного письма, думаю, приоткроют душевный строй Светланы Аллилуевой — женщины, как ее назвал Владимир Солоухин, «благородной, умной, светлой, с, в общем-то, трагической судьбой». Вчитаемся в строки ушедшего времени.

«Милый голубчик Владимир Алексеевич!

Извините, такое вольное обращение к Вам, но, право, прочитав Ваши замечательные лирические повести, хочется называть Вас возможно более ласково, насколько это возможно в официальном письме читателя к писателю.

Позвольте прежде всего представиться: меня зовут Светлана Аллилуева, нас с Вами знакомил поэт Давид Самойлов на вечере в ИМЛИ (Институт мировой литературы им. М. Горького), который был в конце декабря 1960 года... Я выросла в Подмоскowie, в районе между Перхушковым, Одинцовым и Усовом и знаю здесь каждый овражек, каждую молодую елочку, которой не было раньше, каждую новую проложенную дорогу. Вырастила меня, в общем-то, моя няня, Александра Андреевна Бычкова, человек необычайный по судьбе и заложенным в ней талантам, очень любившая и знавшая природу и крестьянский труд, и хотя мне, конечно, не приходилось этим трудом заниматься, но рассказов я от няни наслушалась много. А она была (она прожила в нашем доме 30 лет и умерла 71 года в 1956 году) человеком необычайно веселым, добрым, жизнерадостным и деятельным: от нее исходил свет спокойствия, доброты и каратаевской «округлости»: она была истинным прирожденным поэтом в своем видении мира, природы, людей... Она умела так рассказать, например, как жнут серпами и как вяжут перевясла и как снопы укладывают, что все это было видно воочию. У нее

были золотые руки, умевшие все: и шить, и вышивать, и вкусно готовить не какие-нибудь там пироги, а «французскую кухню», и косить, и копать, и ткать, и пряхть, и вязать. И все это она делала с великим удовольствием, с радостью, и хотела эту радость передать и другим. Ее все любили, и когда мы праздновали в 1955 году ее 70-летие, то собрался огромный стол народу и каждый, поднимая бокал за ее здоровье и начав говорить, вдруг начинал глотать слезы. Это было величайшее счастье, дарованное мне судьбою, прожить почти 30 лет рядом с нею, вырасти на ее добрых руках, учиться у нее и читать, и писать, и считать, и, по-видимому, она передала мне, в какой-то степени, свою способность радоваться природе, голубому небу, солнечному лучу, цветам, травам, радоваться силе жизни, чистоте и здоровью. Если бы не эти качества, впитанные от нее, то я бы давно сломалась где-нибудь на полдороги своей бестолковой биографии...

Я повела о ней, чтобы объяснить Вам, что Вы вдруг возродили в душе такое же чистое чувство, какое испытывала я рядом с нею... Когда я читала «Владимирские проселки» и «Каплю росы», что-то открывалось во мне самой такое, о чем я не то чтобы позабыла, но отодвинула куда-то в дальний ящик души, такое, что перестало во мне блеснуть, сверкать и радовать. И это была любовь к тому, что существует здесь, рядом, вокруг меня, — не надо колесить по свету, надо только пошире открыть свои глаза и жадными глотками пить и пить родной воздух.

Ах, Вы, голубчик мой дорогой!

Вот я знаю теперь, что обязательно выполню свое давнее, заветное желание — проеду с сыном (ему уже 16 лет) по Волге, посмотрю старые русские города. Так давно этого хотелось, но не было какого-то внутреннего толчка, а теперь он есть. Есть у меня много хороших друзей и во Владивостоке, и на Урале, и в Калининграде, — зовут, приезжай, посмотри, а мне все чего-то лень и неохота. А сейчас так захотелось посмотреть свою страну от края до края, так стало интересно и так стыдно, что ничегошеньки еще не видела.

К туризму в автобусах и к галопом по Европам у меня давнее отвращение. Я бы с радостью пожила месяц во Франции, Англии, Италии, побродила бы по улицам так, как хочется, — но вид наших советских туристов, запихнутых в автобус и озирающих таким путем «запад», мне отвратителен. И московских снобов, посмотревших таким способом уже не одну страну и даже имеющих кое-какие скудные суждения о «жизни в Швеции» или о «жизни в Париже», — не переношу. И стихи Евтушенки о Париже, о парижском рынке и т. д. считаю позором для поэта. Такое

можно сочинять, сидючи за своим столом в городе Москве, посмотрев предварительно хронику о Париже и почитав Золя. Это поверхностное, наносное западничество хуже всякого славянофильства, и несет от него за версту провинциальностью и допотопными реверансами перед каждым французским парикмахером.

Вы, я надеюсь, понимаете меня, милый Владимир Алексеич. Я не против путешествий, связей, контактов и всего такого, я только за то, чтобы не терять своего лица и не забывать вкуса и запаха родного своего ветра в поле. Я за то, чтобы писатели не были дачниками в той деревне, где живет наш народ. Я за то, чтобы, исколесив Европу, Америку и Восток во всех направлениях, поэт сказал бы о своей России: «...мне избы серые твои, твои мне песни ветровые, как слезы первые любви...». Я за то, чтобы поэты говорили на трех-четырех европейских языках (как Пушкин, как Толстой, как Тургенев), но чтобы милую называли бы «любонька моя, голубонька, а не — «киса».

Простите мне, ради Бога, весь этот сумбур, но мне сейчас уже трудно остановиться и трудно следовать какой-нибудь логике...

А вы, мне кажется, могли бы писать великолепную прозу о вещах серьезных и больших, таких, как война, как любовь. Вы могли бы чудесно писать о любви, потому что у Вас есть чисто русское целомудрие, сложившееся и в русской классической литературе, целомудрие, с каким писали о любви Тургенев, Толстой, Чехов. В Вас (я разумею Ваше творчество) вообще очень много света, тепла и того глубокого душевного здоровья, которое составляет живую душу и нашей народной жизни и нашего лучшего, что создано в искусстве... В Вас очень много неподдельной искренности и чистоты в вещах больших, серьезных и главных. Снобов это раздражает более всего, так как раз этого им самим недостает, и они ополчаются на то, например, что человек любит свою родную деревню, стога сена, луг, маленькую речушку. Им кажется, что это — поза, выдумка, «идейное притворство» и всякое такое, — наплюйте, голубчик, «идите своей дорогой, и пусть люди говорят, что угодно»...

Лев Толстой писал о Пьере Безухове (а может быть, и об Андрее): «И в душе его что-то мягко распустилось». Такое ощущение было у меня после прочтения Ваших повестей. Что-то распустилось, размякло, отошло, отлегло. Какие-то засохшие слезы отогрелись и пролились. Засияли белоснежные облака в небе, и простейшие вещи стали прекрасными.

И что-то окрепло в душе. Какие-то сухие листья отлетели. Какие-то слова перестали трогать душу, и раскрылась их холодность и бездушие, надуманность и поза. Душа потянулась к

искреннему, здоровому, безыскусному. И великой, недостижимой правдой снова встал передо мною простой человек, мудрый, чистый, сильный духом, тот, кем держалась, держится и будет держаться наша любимая Россия. Тот человек, что полетел в Космос, и сделав это, — не сказал ни единой цветастой фразы, не сделал ни одного неделикатного жеста»...

В конце письма стояла подпись: «Аллилуева Светлана Иосифовна».

Вот тебе, бабушка, и Юрьев день да карточки по Марксу молодой жены ученого химика! К слову, Юрий Андреевич в конце 50-х годов был уже ректором Ростовского университета. А Лобанов от редакции газеты «Литература и жизнь» приезжал в Ростов на собрание местных писателей — перед Учредительным съездом Союза писателей России. К тому времени Жданов отписал против Михаила Петровича статью и передал ее в ЦК партии. «Я дивился, читая его статью, сколько, оказывается, в этом скромном на вид человеке идеологической агрессивности, — вспоминает о Юрии Жданове известный общественный деятель, писатель и публицист. — Ведь сам химик, а поучает, как непогрешимый философ. Разносил меня за бесклассовость, славянофильство. Запомнилась энергичная тирада, что-то вроде этого: «довольно с России всяких идеалистических призраков, наша философия основывается не на откровениях и прозрениях, а на рационалистическом познании законов общественного развития...»

Михаил Петрович пишет о встречах с сыном и другого политического деятеля, кандидата в члены Политбюро А. С. Щербакова — Константином. «Через руки его как редактора отдела литературы «Комсомольской правды» прошли мои статьи в этой газете в 1965–1967 годах. Тогда еще не бросалась в глаза мое «почвенничество», и Щербаков не только охотно печатал меня, но и защищал от критики... Отношение ко мне Щербакова и всей газеты резко изменилось, когда отчетливо выявилось мое «русское направление»...

Знаменателен путь детей выдающихся политических деятелей. Оба отца — и Андрей Александрович Жданов, и Александр Сергеевич Щербаков — были государственниками, патриотами. Не случайно до сих пор они вызывают ненависть либеральной интеллигенции... И вот их дети. Юрий Жданов, — как и «либеральные шестидесятники» — нетерпимый к русскому национальному самосознанию. Константин Щербаков — всегда целиком в их (как писали русские классики — «ихнем») лагере, что и подтвердил своим усердным служением «демократам» в функции первого заместителя министра культуры России».

Путь детей политических деятелей Кремля с переходом от обещанного Хрущевым «коммунизма» в 1980 году к светлому будущему с Чубайсом и Абрамовичем, действительно, знаменателен. Вон Никитин младший сыночек Сережа гражданином Соединенных Штатов Америки стал, служит ей — присягу на верность давал. В день принятия той присяги, желая как-то проявить свои верноподданнические чувства, новоявленный американец Серж Крушчофф обещал освещавшим «событие» журналистам сюрприз. И вот, взволнованный после присяги, объявляет, что его родный батюшка под сводами здания ООН, когда грозился показать Штатам «кузькину мать», стучал по столу ботинком... американского производства! Все американцы, конечно, рыдали в патриотическом-то порыве. А работники экспериментального производственного комбината Министерства обороны СССР, узнав о том событии, только руками разводили да вспоминали, как широкопятому Никите готовили те «знаменитые» штиблеты у них в цеху...

В 60-х годах я не раз встречал то на полигонах, то на летно-технических конференциях в Липецком Центре молодого генерала с изящными усиками, которого между собой мы звали просто «Степа»: «Вон Степа Микоян пошел...» Да, это был один из сыновей члена Политбюро Анастаса Ивановича Микояна. Так вот уже при «развитом капитализме» на святой Руси генерал издал воспоминания, в которых много страниц посвящает отцу — 27-му бакинскому комиссару. Автор, понятно, рассказывает и о своей летной судьбе. Она была расположена к Степану и отметила этапы его жизненного пути высокими званиями, наградами.

На книгу генерала С. Микояна в одной из столичных газет был опубликован читательский отзыв. При этом читатель С. Иншаков, сын военного штурмана-фронтовика, рассказывает о подвигах отца, его боевых вылетах, последние из которых он совершал уже в небе Берлина. «За эпизод с отвлечением огня зенитной батареи отец и капитан Зезюлькин были награждены орденами Красной Звезды. Эта боевая награда отца дороже всех микояновских побрякушек», — пишет читатель Иншаков и вот цитирует генерала С. Микояна: «В начале 50-х годов военнотружущих награждали за выслугу лет, и я получил за 15 лет службы орден Красной Звезды, но когда подошли 20 лет моей службы, за что офицеры удостаивались ордена Красного Знамени, эти награждения отменили».

Дальше орденскую тему читатель мемуаров передает своими словами: «К пятидесятилетию института, где работал автор (С. Микоян), к различным наградам было представлено много сотрульников, а он сам — к званию Героя Советского Союза, но и

тут не повезло — вышло вполне разумное постановление, что по случаю юбилея организации она и награждается и больше никто. В итоге автор жалуется, что за 24 года работы он не получил ни одного ордена. Правда, в 1975 году ему вдруг дали Героя Советского Союза. За что — не уточняет.

Орден-то у Степана Анастасовича Микояна, действительно, хватает. Тех же «Красных звездочек» аж четыре штуки. А золотую звезду Героя генералу присвоили, как обычно формулируют в Указах, «за овладение новой техникой», справедливо добавляя: «и проявленное при этом мужество».

Замечу одну деталь. В разговорах о полетах с давних пор бытует выражение: «Совершил посадку». Не приземлился, не сел как-то там — ворона тоже садится, — а именно совершил! Потому что встреча с землей, возвращение из полета не птицы, а человека, рожденного жить на этой земле, в которую он уйдет и снова вернется, но уже полевым цветком, деревом или пыльной тропинкой к ногам бегущей девчонки, — всегда свершение. Совершение! А земля в жизни летчика всегда участвует: она то матерински бережно принимает тебя, вернувшегося из дальних странствий, бурь шестого океана, то наотмашь, всей-то твердью может так шарахнуть, что уже никакая броня и никакие защитные шлемы не помогут... Так не от матушки ли земли и мужество летуна? Не случайно Иосиф Виссарионович когда-то говорил: «Летчик — это концентрированная воля, характер, умение идти на риск».

Вот о Сталине-то летчик Степа не слишком высокого мнения. Сын военного штурмана Иншакова, заметив, что свои мемуары генерал Микоян сначала издал в Англии, а потом уже на родине, разбирает содержание русского текста:

«Теперь собственно по поводу книги, — пишет он. — Большей частью текст содержит воспоминания об отце — Анастасе Микояне, о родственниках, знакомых, ну и так далее¹. Много уделено внимания репрессиям 30-х годов, самый авторитетный источник — книга Конквеста «Большой террор» и семейные предания о «невинно пострадавших». Про катынское дело, естественно, сказано, что это НКВД казнил невинных поляков (про немецкое оружие, которым поляки были расстреляны, Микоян не упоминает). Хрущев — великий военный стратег (при этом ссылки на американского журналиста Д. Гунтера). Сталин — злодей и антисемит, папа — верный (пока Никиту не сняли) хрущевец, разоблачитель коварного Сталина».

Воспоминания о былом генерал С. Микоян завершает эпизодом поездки в Штаты. Признаюсь, «событие» это чем-то напомнило мне присягу Сергея Хрущева, когда он с чувством

глубокого восторга выступал перед журналистами — стал американцем!

Так вот и финальный аккорд воспоминаний генерала С. Микояна. «В 1997 году произошло неожиданное и приятное событие в моей жизни, — сообщает он. — Летчик-испытатель авиабазы ВВС США «Эдвардс» полковник Терри Томени, с которым мы познакомились годом раньше на приеме делегации с этой базы в моем родном ГНИКИ ВВС в Чкаловской, сообщил мне, что я избран почетным членом Общества летчиков-испытателей-экспериментаторов...»

Генеральный конструктор «мигов» Артем Микоян, дядька Степана, как-то сказал по поводу одного нашего испытателя: «Больше нет такого летчика. И долго не будет»... Это об Александре Васильевиче Федотове, выдающемся покорителе неба, на счету которого было 18 мировых рекордов, в том числе 3 абсолютных. Пилоты понимают, что значит одолеть высоту в 37 650 метров на серийном истребителе. Это за нее русского летчика чествовали в Канаде и вручили там Золотую авиационную медаль — такой наградой отметили только Юрия Гагарина да еще двух-трех авиаторов. Золотая звезда Героя Советского Союза, Ленинская премия, звание заслуженного летчика-испытателя СССР — все-то заслужил мой добрый товарищ Саша Федотов. Трудно было даже придумать, как еще оценить поистине мужество этого сильного человека — сына простого автоматчика, павшего в годы войны смертью храбрых. Сашу Федотова — почти сразу! — с капитана запаса произвели в генералы. Но в одном из полетов летчик был отобран небом. Остались его «миги», вот уже больше 30 лет никем неодолимые мировые рекорды скорости, высоты полета и память в сердцах людей о верном сыне Отечества...

Штазовские-то экспериментаторы в сравнении с Федотовым — это как «семь-сорок» или два прихлопа-три притопа в сравнении с балетом «Лебединое озеро»! Да, скажу откровенно, знаки и наших-то заслуженных летчиков-испытателей на деле ох, как разнятся. Чем занимались, например, летуны ГК НИИ ВВС, в том числе С. Микоян? Отрабатывали, например, на серийных самолетах стрелково-пушечное, ракетное вооружение или там радиолокационные системы перехватов. Так наша эскадрилья — это в исследовательском истребительном авиаполку Липецкого Центра — первыми выполняли пуски ракет ночью и описывали все те чудеса «светомузыки», а уж только потом за дело принимались корифеи из ГК НИИ. Им за это хорошие бабки платили, а нам — по должности — светила лишь одна дополнительная звездочка на погонах.

Так вот, значит, Степа в Америке. Привезли его на ту базу под названием «Эдвардс», показали музей, устроили встречу с газетчиками. Затем была сессия Общества экспериментаторов и банкет. Гостю там вручили диплом, подтверждающий, что и он стал членом того Общества, даже почетным. И генерал пишет: «Это были дни, которые навсегда останутся в моей памяти: дни знакомства с США, где довелось побывать впервые, и встречи со многими интересными людьми из другого мира, особенно летчиками-испытателями».

Что это за мир — миру известно. Корейская война, Вьетнам, Египет, Ирак, Афганистан, Югославия, снова Ирак... А ни о чем не говорят названия: 1-й Прибалтийский фронт, 2-й Украинский, горные стрелки операции «Эдельвейс»?..

Степан Анастасович Микоян, сын сталинского наркома, генерал, получил документ от профсоюзной организации американских летчиков-экспериментаторов и вот как заканчивает свои воспоминания: «О таком венце моей летной жизни можно было только мечтать»... Трогательно, ничего не скажешь.

Впрочем, книга не обязана нравиться всем читателям — на каждого не угодишь. Те же «Заложники времени», упомянутые вначале, одним были понятны, и я получил из разных концов нашей страны много признательных читательских писем. А вот Сан Саныч Щербаков, как пилоты тоже без особого пиетета звали этого испытателя, «сочинение на свободную тему, где главным героем летчик Василий по фамилия Сталин», раздолбал. Так что же мне — сердиться на него что ли? Он, например, считает смуту 1905 года пролетарской революцией. То есть, лапотная Россия якобы пробудилась от тысячелетней спячки, почесала репу и стройными рядами вместе с рабочим классом пошла против царя навстречу пролетариям всех стран! А я вот больше верю свидетелям тех давних событий. Скажем, известный французский писатель Эдуард Дрюмон в том 1905-м о «драме, разыгравшейся в Петербурге», пишет следующее:

«Если во Франции, которая пережила столько революций, которая первая провозгласила «всеобщее голосование», народ еще сегодня дает вести себя, как стадо, меньшинством плутов, торгашей и шарлатанов, то что должно быть в России?»

Неосновательно думать, что происходящее сейчас в России есть действительно национальное движение и что земство, требующее реформ, в самом деле опирается на 130 000 000 Русских воодушевленных вроде бы и готовых идти за возгласом «да здравствует свобода!»

Русская революция подготовлена несколькими сотнями недовольных и честолюбивых людей, более или менее

сгруппированных по партиям, и поддержана из-за границы; главная же их опора, во-первых, в еврействе и затем в культурной среде профессоров, докторов, инженеров, студентов, словом, — так называемых «интеллектуэлей» (интеллигенции).

Что же касается крестьянина, составляющего основу населения, он меньше всего проникнут сочувствием к якобы либеральным реформам, предвещаемым земством, по той простой причине, что мужик не знает никакого либерализма. Спросите любого крестьянина, что он предпочитает: земские реформы или пару сапог? Он, ни минуты не колеблясь, предпочтет сапоги. И он будет прав, т. к. пара сапог — польза неоспоримая и немедленная, тогда как революция, организованная на почве народной наивности несколькими *roublad'*ами, приносила только убытки, а в большинстве случаев влекла за собой усиление произвола...»

Современник Э. Дрюмона, поэт, лидер сионизма Владимир Жаботинский, человек, похоже, наблюдательный, не случайно по этому поводу заметил: «Речистый добрый молодец не появлялся, а выходили больше «знакомые все лица» — с большими круглыми глазами, с большими ушами и нечистым «р»... Выходили евреи, говорили о чем-то, и толпа слушала их без злобы, но без увлечения; чувствовалось, что с появлением первого оратора-еврея у этих русаков и хохлов мгновенно создавалась мысль: жиды пошли...»

Один из речистых, и с большими ушами по фамилии Бронштейн — Лейба Давидыч Троцкий — держал и такую речь: «Мы должны превратить Россию в пустыню, населенную белыми неграми, которым мы дадим такую тиранию, какая не снилась никогда самым страшным деспотам Востока... Если мы выиграем революцию, раздавим Россию, то на погребальных обломках ее укрепим власть сионизма и станем такой силой, перед которой весь мир опустится на колени. Мы покажем, что такое настоящая власть!..» Лейба круто поработал в 1905 году. Приехав в Петербург, он и его подельники создали там рабоче-крестьянское правительство, готовое, конечно, занять царские палаты и править Россией. Вот те рабочие и крестьяне: Израиль-Гельфанд-Парвус, Хрусталеv-Носарь, Фейт, Гольдберг, Бревер, Брулер, Бруссер, Мацейев, Эдилькин...

Номер тогда не вышел. «Крестьяне» возвратились в покой маленьких парижских кафе, выжидая развития событий в заснеженных полях России. А в 1917-м, почуяв жареное, кто за паровозом в запломбированном вагоне, кто на всех парусах через океан с тем же Лейбой — это целая-то орда маркитантов! — рванула к дележу пирога. Заметим, в феврале семнадцатого уже в

сборе была и местечковая компаша — так называемый Совет рабочих и солдатских депутатов. Ее состав тоже весьма оригинален для многонациональной-то России:

Председатель ЦК Совета Чхеидзе — грузин

Члены: Гуревич (Дан) — еврей

Гольдман (Либер) — еврей

Гоц — еврей

Гендельман — еврей

Каменев (Розенфельд) — еврей

Саакиан — армянин

Крушинский — поляк

Никольский — национальность не установлена.

Сан Саныч по этому поводу давит на басы: «Насколько неисторично и в конечном счете оскорбительно для русского и всех других народов, населявших Российскую империю, предположение, что поднять их на революцию могла небольшая кучка злоумышленников». Вот это реверанс в сторону русского народа! Ну, конечно же, «и всех других народов». Позволительно спросить: а исторична ли за восторженными строками Сан Саныча о блестящем исполнении «своего воинского долга» вчерашним подпоручиком Тухачевским пролитая кровь русского народа?..

В конце 1917-го, в момент полного развала России, Тухачевский прибыл из Швейцарии и встреча с дружкой Колей Кулябко — членом ВЦИК! — с которым совсем недавно музицировал и ставил трогательные домашние спектакли, круто изменила его судьбу. Кулябко представил Мишу Тухачевского в Смольном, там его по-быстрому приняли в ряды РКП(б) и определили на должность инспектора формирования Красной Армии. «Когда на Волге вспыхнул мятеж белочехов, я имел случай доложить о Тухачевском В. И. Ленину. Владимир Ильич очень заинтересовался им и попросил привести «поручика-коммуниста», — вспоминал потом Кулябко. Ну, а как ему рассказывал Миша, Владимир Ильич посидел с ним, побеседовал и... «очень скоро вчерашний подпоручик получил назначение на пост командующего 1-й Революционной армией Восточного фронта»!

28 июня 1918 года подпоручик Тухачевский становится командармом — не командуя даже ротой. И вот в начале августа его первый приказ начальнику штаба армии И. Захарову: «Примите все меры к остановлению отступающих. Назначьте линию, за которую никто не имеет права отойти. Отошедшие за эту линию будут расстреляны броневиками. Бронированный дивизион этот вполне надежен... Пришлю и подрывную команду».

В марте 1921-го Тухачевский вместе с Троцким расправляется с восставшим Кронштадтом. В Ораниенбауме полк красноармейцев отказался выступить против кронштадтских матросов — там тогда каждый пятый был расстрелян.

Одно из страшных проявлений геноцида против русского народа — подавление Тамбовского восстания крестьян. В октябре 1920 года из 20 тысяч повстанцев оружие имели только 3 тысячи, в январе — 7,5 тысяч. А в распоряжении Тухачевского было 32,5 тысячи штыков, 8 тысяч сабель, 463 пулемета и 63 орудия. Мало того, «виднейший военачальник» против лапотных крестьян с берданками да вилами затребовал броневики, бронепоезда, авиацию, а также поддержки войсками ВЧК, ВОХР, ЧОН. Ему прислали пять интернациональных команд — из латышей и китайцев.

Да, так вот жителей тамбовских деревень поголовно расстреливали — за родство с восставшими, за укрывательство членов их семей, за недоносительство, за отказ назвать свое имя — за то, что ты просто русский! Семьи, доведенных до отчаяния крестьян, в качестве заложников сгоняли в концентрационные лагеря и держали там вместе с грудными детьми за колючей проволокой прямо на голой земле.

Две тысячи химических снарядов завершили расправу с деревенскими мужиками. Новоявленный Навоуходоносор оставил для истории приказ о травле восставших крестьян. В нем со знанием дела указывалось, как рассчитывать облако удушливых газов — чтобы уничтожать все живое. Инспектору артиллерии предписывалось немедленно подавать на места «потребное количество баллонов с ядовитыми газами и нужных специалистов». Полководец Тухачевский был строг с войсками и в том приказе подчеркивал: «Начальникам боевых участков настойчиво и энергично выполнять настоящий приказ».

Они так и действовали. Только в районе села Пахотный Угол от ядовитых газов погибло 7 тысяч человек. Крестьяне-заложники две недели закапывали трупы своих родных и близких. После этого их расстреляли и закопали в общей могиле...

Пишу вот и никак не возьму в толк — как можно было всю эту расчетливую жестокость карьериста, шагающего по трупам доведенных до отчаяния людей — кронштадтских ли матросов, тамбовских ли крестьян, — сравнить с воинской доблестью, мужеством и благородством, русского солдата Александра Суворова!.. Сам ли Сан Саныч додумал или, ушедший в лучшие миры, его соавтор Галлай надоумил, но ведь поднялась рука оправдывать одного из «виднейших наших военачальников». Вот пишут: «Если осуждать за выполнение своего воинского долга в

этих операциях Тухачевского, то логично было бы осудить и Суворова...» Да о таком не то, чтобы писать, а и думать-то стыдно!

Операции Тухачевского... Что это? Единожды собрался барин в поход за мировой революцией: «Даешь Варшаву! Даешь Берлин!» — и поляки так лихо ему поджопник дали, что и сейчас лучше бы не вспоминать. 66 000 русских жизней остались в чужой земле. 330 орудий, 1000 пулеметов взяли себе трофеями братья-славяне. Вот и все Канны да Ватерлоо «одного из виднейших»...

Честно скажу, неловко даже приводить здесь, для сравнения, что ли, — да сравнимы ли величины! — факты из жизни Александра Васильевича Суворова. Похоже, его тезка, в молодости увлеченный авиацией и поднаторевший на «штопорах» в небе, не слишком-то силен в истории Российского государства. Так, хотя бы бегло, напомним несколько цифр из биографии — вот здесь, именно нашего! — великого полководца, чье имя поистине национальное достояние русского народа.

Одиннадцатилетним мальчиком Суворов был записан в лейб-гвардии Семеновский полк солдатом-мушкетером. Первый офицерский чин он получил только в 25 лет. В мировой истории войн это единственный пример карьеры от солдата до генералиссимуса.

Шесть крупнейших войн, шестьдесят три сражения — и все с победами, ни одного поражения! Итальянские и швейцарские походы, знаменитый переход через Альпы, почти все битвы — с численно превосходящим противником, после которых у ног Суворова легло 609 неприятельских знамен, его войсками захвачено 50 000 пленных, 2670 пушек, 107 судов...

Вот титулы Александра Васильевича Суворова: граф Римникский, светлейший князь Итальянский; граф Российской и Римской империй; генералиссимус российских морских и сухопутных войск; фельдмаршал австрийских и сардинских войск, Сардинского королевства гранд и принц. За тридцать лет службы Отечеству Суворов был шесть раз ранен и за боевые заслуги награжден высшими орденами России и прочих стран: святого апостола Андрея Первозванного; св. Георгия I, II и III степеней; св. Владимира I степени; св. Александра Невского; св. Анны I степени; св. Иоанна Иерусалимского; австрийским орденом Марии Терезии I степени; прусскими — Черного Орла, Красного Орла и «За достоинство»; сардинскими — Благовещения, святых Маврикия и Лазаря; баварскими — св. Губерта и Золотого Льва; французскими — Богородицы Кармельской и Св. Лазаря.

Сан Саныч видит логическую связь в выполнении «своего

воинского долга» Тухачевским и Суворовым. По нему выходит так: если, мол, осуждать красного маршала, который расстреливал восставших кронштадтцев, душил ядовитыми газами обманутых обещанием мира, хлеба, воли и земли крестьян, бросал за колючую проволоку женщин, стариков и детей, то и Суворова можно судить за подавление польского восстания 1794 года...

Нет, штопор в небе, видно, не на пользу умственным занятиям. В штопор-то Сан Саныч вошел, да с выводом подзапутался. Не Суворов ли отмечен польским орденом Белого Орла? А св. Станислава? Не ему ли признательные поляки коленопреклоненно вручали свои шпаги, а Варшавский магистрат преподнес золотую табакерку с лаврами из бриллиантов и надписью на польском языке «Варшава своему избавителю, дня 4 ноября 1794»? Так Щербакову ли осуждать великого полководца!..

Тут пора, пожалуй, сказать, что отставной полковник А. А. Щербаков не однофамилец упомянутого выше первого зам. министра нынешней российской культуры, а его родной брат. Бывший министр от культуры шоумэн Швыдкой поразвлек «дорогих расеян» поисками среди них фашистов. Ну, а Константин Александрович, шагая в ногу со временем, похоже, насторожился еще раньше — когда на святой Руси выявилось, словами ветерана-фронтовика Михаила Лобанова, «русское направление».

Русское направление

То время отчетливо обозначил яркий публицист, один из стойких бойцов — защитников последней линии русской обороны Валерий Николаевич Ганичев. Вчитайтесь в откровенные, выстраданные строки его интервью: «Вместе с троцкизмом, реанимированным Хрущевым и затем продолженным отдельными партийными чиновниками и деятелями культуры, вместе с поднявшимися после так называемой «оттепели» антинациональными, антинародными, антигосударственными и неолиберальными тенденциями набирала силу и наша русская национальная мысль, наша русская национальная литература, — пишет Ганичев и перечисляет известные всем имена русских писателей и поэтов: — Во-первых, появились писатели фронтового поколения М. Алексеев, Ю. Бондарев, В. Астафьев... Затем все увереннее о себе заявляли Ф. Абрамов, Е. Носов, В. Солоухин, В. Белов, В. Распутин, появились и Н. Рубцов, и А. Прасолов, и А. Передреев, и Ст. Куняев, а позже и Ю. Кузнецов...

Наша национальная литература в лице самых совестливых, самых высоких и по таланту, и по духовной основе писателей начала по-русски осмыслять и минувшую войну, и текущую жизнь. Она впервые вполне осознанно в лице наших критиков и публицистов М. Лобанова, В. Чалмаева, О. Михайлова, П. Палиевского, А. Ланщикова, В. Кожина, Ю. Селезнева, С. Семанова вступила в противостояние с растлевающим, предательским, больше всего ненавидящим именно Россию либерализмом...»

Замечу, это были бои далеко не местного значения. Когда лес принимались рубить чиновники из ЦК партии, летели не только щепки. Валерий Николаевич не случайно просит обратить внимание на работу тайного агента, будущего идеолога приснопамятной «перестройки»: «Перечитайте статью тогда еще скрытого, а затем и форсированного неолиберала со Старой площади А. Яковлева «Против антиисторизма», вспомните всю ту полемику, которую новые либералы вели с почвенническими и консервативными журналами «Молодая гвардия», «Наш современник», и сразу убедитесь, что никто из них не собирался оставлять в живых не только наше великое русское имя, но даже и память о нем.

Да и «оттепель» была по отношению к кому? К церкви? К крестьянам, у которых, чтобы они не ощущали себя собственниками, вырубались сады, которым был опять, как при

военном коммунизме, возвращен продналог?

А разве шоковая терапия Гайдара не напоминает нам по своей бесчеловечности продразверстку и раскулачивание?

Это нам только кажется, что история страны к концу XX века началась с новой страницы. На самом деле и революция, и перестройка имеют общий исторический контекст, одни и те же мировоззренческие противостояния. С одной стороны, на едином ресурсе — на народной вере в справедливость, в возможность лучшей жизни — революция и перестройка получали широкую поддержку. С другой стороны, единая орда маркитантов присваивали себе их результаты».

В самом деле, кто знал до перестройки России на новый лад таких людей, как Рома Абрамович, Толик Чубайс — по кличке «Ваучер»? Да того же Гайдара, если кто и знал, то лишь как внука известного детского писателя. А эти, так называемые «олигархи», — они-то откуда свалились? Писатель Э. Тополь, еврей, проживающий в Штатах, перечисляет кое-кого из той орды маркитантов: «В жизни есть российское правительство — Ельцин, Кириенко, Федоров, Степашин. Но главный кукловод имеет длинную еврейскую фамилию — Березовско-Гусинско-Смоленско-Ходорковский и так далее. То есть впервые за тысячу лет с момента поселения евреев в России мы получили реальную власть в этой стране. Я хочу спросить вас в упор: как вы собираетесь употребить ее? Что вы собираетесь сделать с этой страной?»

Да ничего, хотелось бы ответить Тополу. Навешать Ивану-дураку лапши на уши, наложить алчную лапу на Сибирь, присвоить Богом данные нашему многострадальному народу богатства ее земли, словом, ободрать как липку матушку-Россию и рвануть подальше от «этой страны». Пусть Иван да Марья умиляются своим березкам и засраной Волге. Родина у Березовско-Гусинско-Смоленского там, где им хорошо...

Однако одно уточнение к покаянной статье Тополя. Власть-то впервые в «этой стране» евреи получили не при Ельцине, не в конце XX века, а действительно, с революцией 1917-го, которая залетела в заснеженные поля России, как «призрак» и не без помощи бесов.

Рассказывая о жизни летчика Сталина, мне пришлось невольно открутить витки диалектической спирали ко времени его рождения. А родился Вася в дни расстрела восставших матросов Кронштадта. И моя книга о нем не случайно названа «Заложники времени». Возник ли вопрос о маркитантах? Конечно, возник! Как было не узнать, что это за «движущие силы революции», о которых мы годами бездумно талдычили на уроках

истории в школах, на марксистских семинарах по установкам ГлавПУРа. Откуда свалились те силы на крестьянские-то избы да казачьи станицы? Хитро разделив народ на «белых» да «красных», как потом столкнули в кровавой сечи отца против сына, сына против отца, брата против брата?..

В начале книги приводятся имена «германских путешественников» и тех, кто бежал за паровозом: «В коммуне остановка!» Остановились, однако, раньше объявленной остановки. Затем паровоз развернули и почесал он с веселенькой компашей «перестройщиков» России в обратную сторону!..

Иван да Марья — люди доверчивые. Да как не верить-то? Вон ведь шахматист Гарри Каспаров что говорит: «У коммунистов нет багажа. Идеи Маркса — это отработанный пар...» Или тот же Познер: «Андропов был коммунистом до мозга костей с очень узким кругозором. Если честно, я очень рад, что он не прожил дольше...» Все, вроде, понятно. Только вот почему злой старик Мордехай, внук раввина Маркса-Леви, до сих пор стоит в центре первопрестольной? Почему столичная улица носит имя карателя Тухачевского, а в ста метрах от Кремля охраняется законом мемориальная доска палача Белы Куна?..

И еще. Известный паровоз вот уже почти 20 лет летит в обратную сторону. А из всех вагонов — чуть что — палят как в «буйные дни восторга» так называемой пролетарской революции. Привел, например, автор «Заложников времени» список маркитантов с длинной еврейской фамилией «Троцкий-Бронштейн...» и так далее — попался. Антисемит! Тут, оказывается, и отработанный марксистский пар не мешает. Усоп арбатский гитарист и, как предвидел в своей песне, мол, «комиссары в пыльных шлемах склонятся молча надо мной», — они тут как тут, хотя уже с другой длинной фамилией — «перестройщиков» и освободителей России от комунок в «пыльных шлемах».

Лозунг у фарисеев старый: «Кто не с нами — тот против нас». Штампы в таких случаях однообразные, но проверенные. Шовинист, националист, черносотенец, охотнорядец, наконец, просто фашист! Министр печати Борис Миронов как-то сказал, что все советники Ельцина евреи. Все. Сливай воду. Выперли министра из Белого дома навсегда с ярлыком «фашиста». А, спрашивается, кто дал право фарисеям решать и говорить от имени всего еврейского народа?

Вон тот же Окуджава, внук кантониста, побывал в Израиле, и вот рассказывает: «Вспоминаю, как я выступил в Тель-Авиве в первый раз. Я прочел какие-то стихи о Сталине, и вдруг в зале поднялся старый еврей с орденами и крикнул мне: «Как тебе не

стыдно порочить гениального генералиссимуса?!» Я буквально остоленел...»

Приставкин, литератор, тоже как-то встретился с ветеранами — где-то в Амурском крае. И после его выступления встает в зале читатель Илья Штрахман и, как еврей еврею, интеллигентно так говорит: «Что же ты, сука, порочишь Сталина? Ты ведь при нем вырос и льешь грязь на то время, период, эпоху. Это кому надо? Посмотрите на его (Приставкина) портрет в газете — это же откормленный эсэсовец»...

Ни под гитару, ни стихами, а философическими размышлизмами ведет тему о Сталине и поднебесный штопорист Сан Саныч. Он предлагает этакие виртуальны весы, на которых и взвесить генералиссимуса. То есть на одну чашу весов положить все его хорошее, а на другую — плохое. Перевесит, мол, «с полной очевидностью», ясно, какая чаша. Это, мол, видно из воспоминаний людей, знавших Сталина. Тут Сан Саныч оговаривается и рекомендует цитировать их не тенденциозно. Проще говоря, если кто скажет о Сталине не так, как ему и его единомышленникам хочется — это тенденциозный подход. И наоборот. Весы такие. Как у тети Софы на одесском Привозе.

А, между прочим, прикид такой состоялся — только что подведены итоги голосования по телепроекту «Имя России. Исторический выбор — 2008». Еще летом, по сообщению еженедельника «Итоги», «когда одним из лидеров народного голосования стал Иосиф Сталин, набравший почти два миллиона голосов, страсти накалились не на шутку».

Главный редактор «Эха Москвы» А. Венедиктов признает, что факт выхода Сталина на первое место был воспринят как скандал — авторы проекта надеялись на результаты совсем иного рода. Но тут же оговаривается, делает ход конем, мол, социология в этом проекте не ночевала, значит, результат голосования не отражает мнение России. «В этом смысле очень радует присутствие в «победителях» Бориса Николаевича Ельцина», — делится своим настроением демократ Венедиктов и закручивает такую «косую петлю», до которой Сан Санычу Щербакову даже с подсказкой соавтора Марка Лазаревича век бы не додуматься! «Проект стал своеобразным зеркалом, — заявил демократ. И тут же уточнил: — Но не общественного мнения, а наиболее агрессивной и организованной части российского общества».

Может, и так. Слетел ведь с ходу из списка того проекта обрадовавший было Венедиктова «всемирноизбранный». А вот поистине агрессивная часть ее, действительно, отразилась — как в кривом зеркале! К примеру, — тоже еще в начале проекта, — узнав, что с большим отрывом в историческом выборе лидирует

Иосиф Сталин, писатель В. Ерофеев тут же выступил в «Огоньке»: «Вы голосуете за Сталина? Я развожусь с моей страной! Я плюю народу в лицо и, зная, что эта любовь неизменна, открываю циничное отношение к народу. Я смотрю на него как на быдло, которое можно использовать в моих целях...»

Ерофеев задергался, как нервная гимназистка. Ему, сытому, холеному мальчику, вальяжно пожившему в Париже под крышей батюшки — чиновника от советской культуры, могло ли стать доступным понимание морального духа политрука Ивана Стаднюка, который в первые же дни войны бросался в атаки и вел за собой бойцов с кличем: «За Родину! За Сталина!» Витя член Пен-клуба. В знойных странах он успел почитать лекции по современной советской литературе. О книгах Набокова Витя писал в свое время рецензии в «Нью-Йорк таймс Бук Ревю» да в «Нью-Йорк Ревю оф Букс». А во Франции французы давно не читают ни Бунина, ни Цветаеву, ни Мережковского, а читают сборник рассказов Вити Ерофеева под названием «Тело Анны или Конец русского авангарда», а еще его повесть «Жизнь с идиотом». Как сообщает один энциклопедический справочник времен перехода России к развитому капитализму, В. Ерофеев «во Франции является самым читаемым русским автором после Б. Пастернака».

«Я долгое время презирал всех тех, кто любит Сталина. Мне казалось, что любить Сталина могут только одни идиоты...» — не понимает Ерофеев, а тут оказалось: «Половина страны любит Сталина! Что мне делать с любящей половиной?»

Да уж, трудная задачка для российского либерала. Ведь, какие интересы у идиотов? Ерофеев пишет, мол, Сталин для них живой, а коли так, то и живет он «в переделанном советском гимне, в продажных журналистах, в наших церковнославянских коммунистах, в монашеской ностальгии по византийским хитросплетениям. Сталин жив — он живет в школьниках, которые насилюют своих одноклассниц, в силовиках, которые порядок нередко путают с кодексом тюремного поведения. Сталин жив, потому что мы — жертвы нашей несчастной истории, которую мы никогда не хотели узнать. Сталин жив, потому что садомазохизм — это наша народная игра. О, как много у нас скопилось Сталина! Любить Сталина — это прежде всего глумливо мстить тем, кто не похож на тебя. Сталин — это смердящий чан, булькающий нашими пороками...»

Кажется, хватит. Представитель «наиболее агрессивной части российской общества», похоже, вполне отразился в «зеркале проекта». Как оно только не лопнуло от злости! А Сталин-то, между прочим, дошел до финала «исторического выбора». Те два

миллиона голосов, которые он набрал еще в июле 2008 года, понятно, исчезли. Присяжные заседатели проекта — многие из той «агрессивной компании» — под занавес затеи принялись вписывать Сталину свои голоса даже со знаком минус! Казалось, еще день — и на проект пожалуют кантемировские танки...

Классическая немая сцена из бессмертного «Ревизора» повторилась в последние минуты подсчета голосов. Когда уже ничего нельзя было изменить — не зачеркнуть, не выбросить несущиеся на табло цифры, наши присяжные заседатели замерли... Наконец, у портретов лидеров проекта высветились результаты голосования. На первом месте оказался Александр Невский, на втором — Столыпин, на третьем Иосиф Сталин. За каждого проголосовало больше полумиллиона человек. Разница между первым и третьим местом была около четырех тысяч голосов. Эх, и заерзали тогда господа-заседатели!.. А Сталин смотрел с портрета на эту братву и, казалось, посмеивался над «утомленным солнцем» киношником, гармонистом с окаянным взглядом пахана-реформатора и уже постаревшим за годы этих «реформ» шоуменом, который совсем недавно радостно уверял, что «молодое поколение выбирает пэ-эпси»...

Выходит, напрасно Ерофеев уговаривал «полстраны идиотов» не любить Сталина, мол, «человек непонятной для России культуры, пришедший издалека, Сталин ничего хорошего для России не сделал. Ничего. Все то хорошее, что народная молва приписала Сталину, от сытой жизни до победы над Германией, недостоверно». Конечно, конечно. Уралмаш построили Чубайс с Гайдаром. Челябинский тракторный завод — Боря Немцов. Магнитку — Кох с Грэфом. Днепрогэс запустил Явлинский. Он еще обещал построить светлое будущее с капиталистами за 500 дней, если станет у руля России. Но кресло премьера российского правительства ухватил товарищ Черномырдин, который и стал организатором и вдохновителем всех наших побед. Понятно, вместе со «всенародноизбранным».

У Ерофеева, похоже, не все в порядке с «пятым пунктом». Он от имени русских заявляет: «Мы сами по себе ничего не можем. Нам нужен то грузинский диктатор, то голландский тренер». Ох, ты мать честная! Как это Екатерину II автор «Жизни с идиотом» не припомнил. Прибыла тоже издалека. И полюбила русский народ. И народ признал ее, и стала Екатериной Великой — русской царицей!

Если писатель Ерофеев считает Кавказ слишком далеким для России краем с непонятной для русских культурой, то пора бы знать, что ученик духовного училища Сосо Джугашвили еще мальчиком великолепно руководил православным хором, а в

училище вообще все исполняли произведения русских композиторов, в том числе Чайковского, Бортнянского, Турчанинова...

Сын главного маршала артиллерии Н. Воронова для переиздания мемуаров отца принес мне его блокнот с личными записями. Так вот там Николай Николаевич передает разговор со Сталиным по поводу бессмертного «Слова о полку Игореве». Иосиф Виссарионович поинтересовался, чье стихотворное переложение «Слова» нравится маршалу и вдруг по памяти зачитал всю сцену «Игоревой брани» в переложении и А. Майкова и В. Жуковского.

Ерофеев, говорят, умудрился как-то даже учить студентов Литературного института. Неужели не знал педагог, что именно при Сталине, когда в стране уже ощущалось дыхание войны, вышло уникальное издание «Academia» — вся русская классика, сказки «Тысячи и одной ночи», тома произведений немецких поэтов Гете, Гейне. Что же тут непонятного писателю?

«Сталин ничего не сделал для России...» Все хорошее — «от сытой жизни до победы над Германией» — лишь народная молва. Так прислушаемся к той молве.

В. Грабин, конструктор, создатель знаменитой 76-мм пушки: «Он душевный был человек, он заботился о людях, Сталин. Хрущев сказал, что мы не готовились к войне. А я все свои пушки сделал до войны. Но если бы послушали Тухачевского, то их бы не было...»

Н. Яковлев, маршал артиллерии: «Работу в Ставке отличала простота, интеллигентность. Никаких показных речей, повышенного тона, разговоры вполголоса. Сталин не любил, чтобы перед ним вытягивались в струнку...»

С. Штеменко, генерал армии: «Командный пункт Жукова в период угрожающего положения находился ближе к линии обороны. Жуков обратился к Сталину с просьбой о разрешении перевода своего командного пункта подальше от линии обороны, к Белорусскому вокзалу. Сталин ответил, что если Жуков перейдет к Белорусскому вокзалу, то он займет его место».

А. Василевский, маршал Советского Союза: «Неправильны утверждения, что он не переносил советов других и игнорировал их. От нас, военачальников, работавших во время войны под непосредственным его руководством, от командующих фронтами он всегда требовал оценки происходящих на фронте событий и предложений по ним и строго взыскивал с каждого из нас при малейшем нарушении этих требований».

А. Шахурин, нарком авиационной промышленности СССР: «Со Сталиным можно было спорить, как я уже говорил, по

практическим вопросам хозяйственной деятельности, доказывать нецелесообразность того или иного мероприятия, даже предложенного им, и спорить настойчиво».

Г. Жуков, маршал Советского Союза: «К моему глубокому сожалению, мои личные отношения со Сталиным не сложились. Но он уважал мою военную голову, а я ценил его государственный разум...

Сталин меня снимал, понижал в должности, но попробуй меня кто-нибудь при Сталине обидь — Сталин за меня голову оторвет!»

Кордел Хэлл, государственный секретарь США в годы Второй мировой войны: «Сталин — удивительная личность. Он наделен необыкновенными способностями и разумом, а так же умением схватывать суть практических вопросов. Он один из тех лидеров, наряду с Рузвельтом и Черчиллем, на плечи которых ложится такая ответственность, какой не будет знать ни один человек в ближайшие 500 лет».

А. Гитлер, фюрер, рейхсканцлер и главнокомандующий вермахта: «Сила русского народа состоит не в его численности или организованности, а в его способности порождать личности масштаба Сталина. По своим политическим и военным качествам Сталин намного превосходит и Черчилля, и Рузвельта. Это — единственный мировой политик, достойный уважения.

Наша задача — раздробить русский народ так, чтобы люди масштаба Сталина больше не появлялись».

Вот ведь что получается-то. Выходит, дело не в том, что Сталин «пришел издалека». Светлана Аллилуева, дочь его, пишет: «Сталин уехал на север, много раз попадал в Сибирь в ссылку и навсегда полюбил Россию и русских». Думаю, грузин Сталин был намного более русский, чем Витя Ерофеев...

Ну, и еще из «молвы идиотов». Никита Хрущев, человек недалекий, злопамятный, но хваткий, как-то предложил маршалу Рокоссовскому написать какую-нибудь гадость о Сталине. Константин Константинович ответил ему: «Товарищ Сталин для меня святой...»

На этой ноте, думаю, и закончим разговор о человеке, который вернул России некогда захваченные соседями русские земли — Закарпатскую Русь, Галицию, Западную Белоруссию, Бессарабию, потом — Сахалин, Курильскую гряду, который из разрушенной и ограбленной маркитантами страны создал великую сверхдержаву мира! Это он сказал однажды: «Спасибо русскому народу!» Больше такого русские ни от кого не слышали.

«Если плохо русским...»

Кажется, самое время прибегнуть к авторскому отступлению, которое, надеюсь, поможет понять то зазеркалье, которое четко выразилось в упомянутом выше телепроекте «Имя России».

Больше полвека назад газета «Правда» готовилась опубликовать письмо 58 представителей передовой еврейской интеллигенции. Оно было о вероломной сущности политики Израиля, проводимой в интересах группы богатых евреев, преступных действиях их помощников-сионистов и буржуазных националистов, завербованных организацией «Джойнт». Вот основные фрагменты его:

«В этом письме мы считаем своей обязанностью выразить свои чувства и мысли, которые беспокоят нас в связи со сложными международными обстоятельствами. Мы хотели бы собрать евреев в разных странах мира и поразмышлять над некоторыми вопросами, касающимися настоящих интересов евреев.

Есть люди, которые, представляя себя «друзьями» и даже представителями всей еврейской нации, заявляют, что существуют объединение и общие интересы среди всех евреев, что евреи объединены общей целью. Эти люди — сионисты — помощники еврейских богатеев и злейшие враги еврейских трудящихся.

Каждый человек понимает, что существует разница между одним евреем и другим, что нет и не может быть ничего общего между людьми, которые зарабатывают на хлеб своим трудом, и финансовыми боссами...

Сбивая с толку малокритичными словами об «общем пути», «общих интересах» всех евреев, лидеры государства Израиль позволяют себе заявлять, что именно они выражают интересы всех евреев... Очевидно, что лидеры государства Израиль, лидеры организации «Джойнт» и другие сионистские организации выполняют желание властных еврейских империалистов и тех, кто является их действительными учителями. Ни для кого не секрет, кто эти учителя — американские и английские миллиардеры и миллионеры, жадные до крови людей во имя новых прибылей. Мы, нижеподписавшиеся, отклоняем смехотворные заявления милитаристов представлять интересы евреев. Мы глубоко убеждены, что даже те еврейские рабочие, которые до сих пор верят в показное объединение всех евреев, по порицанию, объединятся с нами в нашей оценке вероломной сущности политики еврейских богатеев и их сторонников.

Превращая государство Израиль в родную страну Америки, лидеры сионизма воображают, что империалистическая Америка является «другом» евреев, и они ведут кампанию клеветы и ненависти против Советского Союза — поборника социального равенства среди всех людей...

Враг свободы национальностей и дружбы народов, которые стремятся отнять у евреев сознание высокого морального долга советских граждан, хотят повернуть нас к шпионажу и сделать врагами русской нации и, помимо этого, создать фон для возрождения антисемитизма, ужасного пережитка прошлого. Но русская нация понимает, что большинство еврейского населения в СССР являются друзьями русской нации. Враг, используя любые хитрости, никогда не сможет натравить нас на разногласия с великой русской нацией...

Позвольте всем трудящимся евреям, которые хотят работать на благо мира и демократии, объединить усилия и представить однородный широкий объединенный фронт против опасной политики еврейских миллиардеров, миллионеров, лидеров Израиля и международного сионизма. Считая важной консолидацию всех прогрессивных сил еврейского народа, в дополнение, с целью наличия достоверной информации о положении трудящихся евреев в разных странах, о борьбе народов за усиление мира, мы предполагаем, что публикация (данного письма) в журналах Советского Союза будет скорой, будет предназначаться для широкого слоя еврейского населения в СССР и за границей.

Мы уверены, что наша инициатива встретит сильную поддержку со стороны всех трудящихся евреев в Советском Союзе и по всему миру.

Вольфович С. И., Файер Ю. Ф., Рубинштейн М. И.,
Драгунский Д. А., Гроссман В. С., Рогинский С. З., Эренбург И. Г.,
Гуревич М. И., Кассиль Л. А., Крайзер Ю. Г., Крамер С. Д.,
Хавинсон Ю. Г., Харитонский Д. Л., Алигер М. И., Лейдер А. Г.,
Каганович Л. М., Трахтенберг И. А., Чижиков Д. М., Рейзен М. О.,
Носовский Н. Е., Вейтс В. И., Ванников Б. Л., Ойстрах Д. Ф.,
Фихтендольтс М. И., Пандо Л. Д., Каганович Мария,
Колтунов И. Б., Маршак С. Ю., Лифшиц М. Я., Ерусалимский А. С.,
Ролем М. И., Буль Б. М., Гельфанд А. О., Минц И. И.,
Лифшиц С. Б., Мессерер С. М., Райзер Д. Я., Прудкин М. И.,
Шапиро Б. С., Лавочкин С. А., Смит-Фолькнер М. Н.,
Золотар К. И., Цурлин А. Д., Ланцман Н. М., Брук С. И.,
Чурлинонская О. А., Гилельс Е. Г., Смирин М. М.,
Дунаевский И. И., Розенталь М. М., Локшин Е. Ю.,
Брискман М. Н., Блантер М. И., Шафран А. М., Райкин Д. Я.,

Гальмуд Д. Л., Ландсберг Г. С., Ямпольский А. И.».

Письмо это, к сожалению, не было опубликовано. После смерти Сталина в Кремле развернулась подковерная борьба за власть, а под шумок на Равнине Русской чертополохом поперло поколение людей, которых ждали и тайно пестовали ненавистники России. Чубайсы, гайдары, немцовы, березовские, абрамовичи... — это для них, а не для Юрия Гагарина! — сразу после войны была разработана американская доктрина, известная под названием «План Даллеса». Как просто и ясно излагался ее смысл: «Человеческий мозг, сознание людей способны к изменению. Посеяв там хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности верить. Как? — расчетливо, хладнокровно прикидывали в Вашингтоне наши вчерашние союзнички и, похоже, расчет тот был сделан наверняка! — Мы найдем своих единомышленников, своих союзников в самой России.

Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного на земле народа, окончательного, необратимого угасания его самосознания. Из литературы и искусства, например, мы постепенно вытравим их социальную сущность, отучим художников, отобьем у них охоту заниматься изображением... исследованием, что ли, тех процессов, которые происходят в глубинах народных масс. Литература, театры, кино — все будет изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства. Мы будем всячески поддерживать и поднимать так называемых «художников», которые станут насаждать и вдалбливать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма, предательства — словом, всякой безнравственности. В управлении государством мы создадим хаос и неразбериху.

Мы будем незаметно, но активно и постоянно способствовать самодурству чиновников, взяточников, беспринципности. Бюрократизм и волокита будут возводиться в добродетель. Честность и порядочность будут осмеиваться и никому не станут нужны, превратятся в пережиток прошлого. Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркомания, животный страх друг перед другом и беззастенчивость, предательство, национализм и вражду народов, прежде всего вражду и ненависть к русскому народу — все это мы будем ловко и незаметно культивировать, все это расцветет махровым цветом».

Ничего не напоминает?..

Первыми союзниками творцов американской доктрины стали верные ленинцы из Политбюро М. Горбачев, А. Яковлев, Э. Шеварднадзе, Б. Ельцин. За ними потянулись сошки помельче

— комсомольские божки типа М. Ходорковского, С. Кириенко, Ю. Афанасьева.

Вот интересно, как Миша Ходорковский перестраивался из члена ЦК ВЛКСМ в буржуя-толстосума, которого сам «царь Борис» приглашал в Кремль на душевные беседы. По образованию Ходорковский — химик-технолог. После окончания Московского химико-технологического института таблицу Менделеева товарищ Ходорковский дополнять не стал и в 23 года он — с лучезарной улыбкой, с профессиональным комсомольским огоньком в глазах! — заместитель секретаря комитета ВЛКСМ того же института. А через пять лет Михаил Борисович — уважаемый московским Кремлем миллионер. Вот это — химия!..

Или вот комсомольский выпестовец 50–60-х годов Юра Афанасьев, один из компашки «межрегиональщиков»-демократов. При советской власти Юра работал в Центральном совете Всесоюзной пионерской организации, секретарем горкома комсомола, секретарем крайкома комсомола, затем секретарем парткома Высшей комсомольской школы при ЦК ВЛКСМ. Поэт Б. Олейник, вспоминая 1-й съезд народных депутатов СССР, сказал об Афанасьеве в прозе: «Взгляды, позиция и понятийно-категориальный аппарат Афанасьева настолько быстро менялись и обновлялись, что он взшел на трибуну съезда уже в третьей инкарнации — от партократа и соцдемократа — до прямого антисоветчика. За порогом еще звучало эхо его «марксо-ленинского» голоса, а с кремлевской трибуны он уже поливал и Маркса, и Ленина, и депутатов как «агрессивное большинство», стоящее на пути демократизации...»

Крепкие телом (насчет духа не уверен), эти функционеры от комсомола быстро сориентировались, где им будет сытнее — по какую сторону баррикад пристроиться, и пока Ельцин забирался на танк, пока он там играл голосовыми связками, они уже вовсю разворачивали коммерческие банки, «совместные предприятия» с западными «друзьями» и даже торговлю видеокассетами с порнухой, убийствами и садизмом...

При этом вечно передовой отряд интеллигентов спец. назначения тоже не дремал. Лихие бойцы припомнили под какими лозунгами в 1918-м их предки выселяли из собственных домов хозяев Арбата. Хорошо действовал все тот же: «Кто не с нами — тот против нас!» Тех, кто был против, называли «белыми». Нынче окраску заменили: вместо «белых» появились «краснокоричневые». Говорят, лично сам «всемирноизбранный» придумал. Выходит, не такой уж он и дурак был.

Ну, а дальше совсем просто: «Если враг не сдается, его уничтожают!» «Царь Никита» хорошо усвоил этот лозунг и, не

шибко терзаясь, отстреливал бунтующих смердов. Правда, для «инокомыслящих» предпочтение отдавал «психушкам». Там диссиденту как запендрячат пару уколов с лошадиной дозой сульфазина — тотчас наступает гармония мысли «одинокого белого паруса» с общественным сознанием. Проще говоря, и волки сыты, и овцы замолкают...

Борис Николаевич Ельцин до такого не опускался. Борис Николаевич бил просто из танков — прямой наводкой! «Надежды маленький оркестрик под управлением любви...» — как певал Булат Шалвович Окуджава.

Не по этому ли поводу польский писатель Казимеж Пытко в декабре 1993 года — вскоре после расстрела «дорогих расеян» — и высказал свое суждение в газете «Пшеглянд тыгодневны»: «Группа из 33 выдающихся российских писателей, включая Булата Окуджаву, Василя Быкова и Григория Бакланова, — это было в заявлении литовского писательского клуба — потребовала от президента Ельцина закрытия нескольких десятков журналов, роспуска радикальных оппозиционных партий и осуждения «предводителей мятежа таким образом, чтобы это не напоминало позорного фарса, в который превратился процесс над руководителями августовского путча 1991 года». Могло показаться, что долгом писателя, особенно известного, является исследование человеческой души, поиска подоплеки каждого явления или процесса, как говорится, умения разделить волос на четыре части, — рассуждал Казимеж Пытко, с горечью признавая диктатуру демократов над духом, мыслью и словом писателя: — Все чаще литераторы начинают выражаться короткими солдатскими словами. Посадить, запретить, ликвидировать!...»

Любитель изящной словесности, больше известный под псевдонимом «Толик Рыжий», как-то признался: «Я перечитал всего Достоевского и теперь к этому человеку я не чувствую ничего, кроме физической ненависти. Он, несомненно, гений, но когда в книгах я вижу его мысли о том, что русский народ — народ особый, богоизбранный... мне хочется порвать его в куски»!..

Чубайс не одинок. Дух «комиссаров в пыльных шлемах» витает над Россией, и с иезуитским коварством вечно передовой отряд российской интеллигенции разыгрывает трагедию гибели терпеливого, но «самого непокорного на земле народа».

Вот одно письмо-обращение патриотов России ее президенту: «Господин Президент! Невзирая на объявленные Конституцией Российской Федерации права и свободы, гарантом которых Вы являетесь, в нашей стране, где русских 82 процента, устанавливается режим антирусского тоталитаризма, нарастает

геноцид русского народа, продолжается его катастрофическое вымирание. Против русских развязана широкомасштабная война, орудия которой — ужасающая нищета, не ограниченные ничем аборты, повальное спаивание населения, безудержная травля молодежи наркотиками, дебилизация и развращение народа через средства массовой информации, лишение граждан России бесплатного образования, здравоохранения, жилья.

Всех тех, кто имеет мужество говорить об этом, обличать преступников во власти: коррупционеров, грабителей общенародных богатств, предателей национальных, государственных интересов России, — тех, кто возвышает голос в защиту русского народа, бросают за решетку по 282-й статье, которая стала преемницей печально знаменитых 58, 70 и 72-й политических статей. Тюремь вновь наполняются политзаключенными.

Нас, русских, за то, что мы хотим по-русски жить на своей родной земле, быть хозяевами своей земли, гноят в тюрьмах, уничтожают. Расстрелян русский офицер, полковник ГРУ, главный редактор газеты «Казачьи ведомости» Владимир Наумов, тяжело ранен главный редактор газеты «Я — русский» Александр Иванов-Сухаревский, брошены за решетку писатель Юрий Екишев (г. Сыктывкар), писатель Юрий Шутов (г. Санкт-Петербург), писатель Иван Миронов (г. Москва), публицист Игорь Терехов (г. Благовещенск), редактор газеты «Родная Сибирь» Игорь Колодезенко (г. Новосибирск), издатель журнала «Русский хозяин» Александр Червяков (г. Москва), петербургский журналист-правозащитник Николай Андрущенко, осуждены главный редактор газеты «Русский вестник Кубани» Надежда Донская, главный редактор самарской газеты «Алекс-информ» Олег Киттер, искалечен ОМОНОм известный правозащитник, доктор юридических наук Олег Каратаев, под судом и следствием директор издательства «Витязь» Виктор Корчагин, главный редактор газеты «Русь православная» Константин Душенов, директор петербургского клуба «Русская мысль» Татьяна Андреева, руководитель издательства «Царское дело» Сергей Астахов (г. Санкт-Петербург), главный редактор газеты «Московские ворота» (г. Обнинск, Калужская область) Игорь Кулебякин, редактор новороссийской газеты «За Русь!» Сергей Путинцев, главный редактор хабаровской газеты «Край» Борис Толщин, публицист, доктор технических наук Владислав Никольский (г. Санкт-Петербург), журналист из Северодвинска Георгий Знаменский. Взорвана редакция газеты «Русский вестник», сожжена редакция газеты «Патриот», запрещены газеты «Дуэль», «За русское дело», «Русская Сибирь», лишены выхода в

эфир питерские радиогазеты «Слово», «Православное радио Петербурга», прекращено вещание «Народного радио» на Санкт-Петербург, под шквалом предупреждений о закрытии издательство «Алгоритм» (г. Москва), газеты «Завтра» (г. Москва), «Отчизна» (г. Новосибирск), «Новый Петербург», «Волжская заря» (г. Самара), «Русь благословенная» (г. Волгоград), разгромлены издательства «Пересвет» (г. Краснодар), «Белые альвы» (г. Москва). Под запретом прокуратуры книги писателей Юрия Петухова, Бориса Миронова, Олега Платонова. И это далеко не полный список преследуемых по 282-й статье русских писателей, журналистов, издателей».

С таким письмом к президенту РФ обратились всемирно известный академик Игорь Шафаревич, депутаты Государственной Думы — бывший министр обороны России Игорь Родионов, Виктор Алкснис, Андрей Савельев и Юрий Савельев, многие писатели, публицисты, общественные деятели. В письме подчеркивается:

«282-я статья стала гильотиной для русских патриотов, топором палача в руках ненавистников русского народа. Мафия протащила эту статью в Уголовный Кодекс, чтобы пресечь огласку своих преступлений. Абсолютно незаконная статья, потому что по сути своей противоречит Конституции Российской Федерации, Всеобщей декларации прав человека, Европейской конвенции о защите прав человека и основах свобод, Международному пакту о гражданских и политических правах, подписанных нашей страной! — И от имени общественности — людей совести и долга, которые не могут молчать, когда попирается само право на жизнь русского народа, письмо-обращение к президенту России заканчивается словами:

— Мы требуем отменить 282-ю статью Уголовного Кодекса Российской Федерации как способствующей геноциду русского народа!

Мы требуем немедленного освобождения писателей и журналистов, ставших в России политзаключенными!»

Упомянутый выше писатель Э. Тополь, откровенно назвавший фамилии маркитантов очередной «перестройки» России, тоже не выдержал и по-своему обратился к соплеменникам: «В стране нищета, хаос, отчаяние, голод, безработица, мародерство чиновников и бандитов. Наши возлюбленные, русские женщины, на панели. Так скиньтесь же, черт возьми, по миллиарду или даже по два, не жидитесь!..»

Слова эти улетели на ветер. Не доходят до толстосумов и слова московского рабби А. Шаевича: «Когда плохо, любой еврей это понимает, любой еврей: если плохо русским, не будет хорошо

и евреям». Как в давнем 1918-м, патриотам России летят угрозы судами, расправами, тюрьмами. И не пустуют на святой Руси ни «Кресты», ни «Матросская тишина», ни множество других тюрем и СИЗО. И словно на переключке эпох — режимов? — долетают до нас строки писем Василия Сталина из камеры Владимирского централа. Думаю, именно он стал первой жертвой оцепенения народа от холода, который как точно заметил патриарх Алексей, почему-то называют «потеплением»...

Дело «Флигера» и других

«После смерти И. В. Сталина отец каждый день ожидал ареста. И на квартире, и на даче он был в полном одиночестве. Друзья и соратники в одночасье покинули его. — Это из воспоминаний Надежды Васильевны. — С. Аллилуев кривит душой, когда говорит, что отец провел последний месяц в пьянстве и кутежах. Он знал, что в ближайшие дни последует его арест. Видимо, поэтому он и просил меня быть с ним. Однажды, вернувшись из школы, я обнаружила пустую квартиру, отца уже увели, а дома шел обыск...»

Василия Сталина под кличкой «Флигер» упрятали в тюрьму на Лубянке. Почти два года боевого генерала возили в «воронке» на допросы Военной коллегии, а потом Василия поместили в Лефортовские казематы.

Кира Аллилуева оставила воспоминания об этом заведении: «Лефортово — страшная тюрьма... Во времени я ориентировалась благодаря еде. Кормили два раза в день. В 6 часов утра давали полбуханки черного хлеба и чайник — на весь день. Никакого ножа, конечно же, не полагалось, приходилось отламывать ломти хлеба руками. В 6 часов вечера был одновременно обед и ужин...

Раз в день минут на двадцать-тридцать выводили на прогулку. Двор круглый и разделен на сектора, как велосипедное колесо спицами. А в центре на сторожевой вышке часовой с оружием. Так и ходишь по своему загончику...

Все в тюрьме было страшно. И одиночество, и мысли. И допросы. Допрашивали следователи глубокой ночью и в предрассветные часы. Возможно, потому что человек в это время особенно беззащитен и не способен ясно мыслить — он словно обезоруженный... Никакого стула нам, арестованным, не полагалось. Допрашиваемый человек по несколько часов мог стоять навтыжку перед столом, за которым сидел следователь. Сильный свет лампы бил прямо в лицо, и начиналось...

Вопросы, которые задавал мне следователь, были самыми разными, часто откровенно дурацкими... Кроме меня и следователя в кабинете во время допроса всегда находилась и стенографистка. Она записывала мои показания. Я отвечала, как могла. И вдруг обратила внимание на то, что говорю два слова, а она строчит и строчит. Потом подает мне листы, исписанные мелким, неразборчивым почерком, чтобы я их подписала. А ты находишься в таком состоянии, что прочитать это не в силах. Да и вообще, — подпишешь — не подпишешь — какая разница? Они все равно писали то, что хотели. Но когда не подписывали,

начинали издеваться, пытаться...»

Так, до января 1956-го и арестант «Флигер» подписывал в Лефортовской тюрьме всякую чертовщину, вошедшую в историю его «Дела», как протоколы допроса. Да и сам-то Василий Иосифович постарался — такого нагородил следователям по Особо Важным Делах МВД СССР, что верить его показаниям могли только полные идиоты. Заявил, например, что авиацией округа командовал плохо — это при том, что несколько лет подряд защитники московского неба были лучшими среди равных. А как показали себя в Корейской войне!..

Чиновники от правосудия — исполнители воли кремлевской верхушки — расспрашивали бывшего командира полка, бесстрашного летчика, участника Сталинградской битвы, о его боевой работе и сбитых самолетах противника. Василий Сталин не стал даже говорить с ними по этому поводу. «Ничего не сбивал!» — бросил он холеным, попрысканным «Шипром» чекистам — и все. Да, конечно. Он вообще не воевал. А воевал за сына Сталина лицедей Каплер, Светкин хахаль. Прямо со сцены лагерного музыкального театра взлетал с девочками — и в бой!.. Вон он, вернулся в белокаменную жив-здоров.

Все записывали следователи по Особо Важным Делах — что нес им летчик Василий. Например, как на даче он завел трех коров — одного ведра молока на день ему не хватало. А чтобы прокормить их, использовал «фураж из ВВС МВО». То есть, командующий приворовывал сено, приписанное по 5 «А» продовольственной норме летчикам реактивной авиации. И еще траву свежую отбирали у нас от летной нормы.

Опять же, на даче сына Сталина куры яйца несли и овощи росли всякие. Так вот, как записано в протоколах допроса, Капитолина, жена генерала Сталина, вместе со своей матушкой и сестрами торговали на рынке натуральными продуктами с той дачи-то. Телегу картошки навалят — и покатили в столицу, на Тишинский рынок. А то и капусты воз везут дорогим москвичам. Яички свежие от невестки Иосифа Виссарионовича хорошо шли. Это нормально. Это как бы — тоже вот «царевна» — Танечка Дьяченко наберет в альпийских-то лугах, неподалеку от фамильного замка, скажем, редиски — и в Расею, самолетом! Как ее батюшка говаривал: «Паньмашшта-а...»

Василий Сталин мог бы насмешить высокую шишку по Особо Важным-то Делах — генерала Владзимирского — имей тот хоть чуточку юмора и здравого смысла. Речь по поводу занесенного в протоколы охотничьего хозяйства командующего ВВС округа. На заброшенном полигоне авиаторы установили три финских домика, добираться до которых можно было только автодрезиной

по узкоколейке или связным Як-12 — он же служил для связи с Москвой. Вот и все хозяйство. Василий Сталин всего-то два раза был там.

А вот генерал Владзимирский, если бы его в 1953 году не расстреляли, мог бы с большим интересом посмотреть хозяйство для охоты «нашего дорогого Никиты Сергеевича», которое он сгнобобил в заповедных белорусских краях вскоре после взятия власти. Под шифром «стройка номер один» там возвели царственный павильон — с каменными колоннами, мраморными стенами, дубовым паркетом на полу. Рядом, по Его велению, построили двухэтажные коттеджи, где были и камины, и ваннные, и отдельные туалеты. А для стрельбы «царь Никита» поднимался на дерево со специально оборудованной там площадкой. Через амбразуру было видно, как на водопой приходили косули. Говорят, их даже приучили являться туда в определенное время. Так что Никите оставалось только нажать на курок — и пошел пир горой! Благо, на дереве по леву и праву руку от амбразуры в готовности стояли лучшие коньяки и прочие напитки для отважного охотника...

Короче, следователи старались. Дело «Флигера» для безопасности и процветания страны было Особо Важное, так что в начале августа 1953 года министр карательного аппарата С. Круглов уже докладывал Президиуму ЦК КПСС: «Сталину В. И. было предъявлено обвинение в том, что, являясь командующим ВВС МВО, в течение 1947–1952 гг. совершал уголовные преступления, выражавшиеся в незаконном расходовании, хищении и присвоении государственного имущества и денежных средств, склоняя к этому подчиненных ему по службе лиц.

Кроме того, допускал враждебные выпады и антисоветские клеветнические измышления в отношении руководителей КПСС и Советского государства, а также высказывал намерение установить связь с иностранными корреспондентами с целью дать интервью о своем положении после кончины Сталина И. В.

Во всех предъявленных обвинениях Сталин В. И. признал себя виновным и следствием совершенные им преступления полностью доказаны.

Свою преступную деятельность объяснял тем, что ему легко удавалось осуществлять все свои прихоти, поэтому в нем развились дурные качества, такие как зазнайство, тщеславие и карьеризм, результатом чего и явились его морально-бытовое разложение, а затем и политическое падение...»

Умели слуги Фемидовы под нужные статьи формулировочки накручивать. Командующий ВВС округа генерал Сталин лошадиный манеж строил? Строил. Команде мотоциклистов

вместо валенок ботинки купил? А шапки-ушанки на шлемофоны заменил? Забор вокруг КПП в Куркино поставил? А на даче у себя свинью Борьку за чей счет откормил? А капустой да картошкой с огорода Сталина теща торговала?..

Министр Круглов понимал — на приличную статью все это, конечно, не тянет. Вот обвинение в «политическом падении» — уже звучало. Тут подходила, скажем, статья 58–10 ч. 1 УК РСФСР. Шибко ведь много знал Василий Иосифович о кремлевской-то братве. Нехорошо. Получается, что враг народа. А с корреспондентами из-за бугра грозился встретиться? Зачем? Шпион, выходит. Да. Английский шпион. А может, японский. Или тот и другой. Чтоб наверняка — если не «вышку», то в кандалы, в темницу на долгие годы вражину эдакого!..

Нынче совсем другое дело. Нынче демократия. Шпионов не стало. Что у нас шпионить, что еще тайного-то скрывать от задушевных партнеров? Тех, кто лоялен к политике да интересам чужих стран, подрабатывает на них, величают теперь агентами влияния. Их не трожь — у них двойное, а то и тройное гражданство.

С врагами народа нынче тоже не все так просто. Они, конечно, есть. Полторы тыщи в октябре 1993-го отстреляли в белокаменной, а сколько таких — неотстрелянных — по всей-то Руси осталось... Сидят, пань-маш, страдают над сериалами. Поля колхозные за двадцать-то лет дикими кустами заросли, фермы развалились, заводы, доставшиеся с советской поры почадили-почадили да сдохли. Что на уме у электората? Жрать ведь хотят!..

Выручил «всенародноизбранный». Придумал: вместо «враг народа» в обиход дорогих расеян запустить термин «краснокоричневые». Красный, значит, от большевиков. Коричневый — от фашистов. Удобно-то как. Все, кроме демократов, и под колпаком!.. А они, быстро сообразив, еще небольшую доработочку внесли — фашизм назвали русским. Как говорится, мелочь, а приятно. Мафия, скажите, какая? Русская. Дуры-старухи на эстраде, которые кобелятся, несут людям пошлятину, безграничное жлобство — их номер как называется? «Русские бабки». Почему русские? К месту и не к месту наши либералы любят напоминать, что в стране РФ проживает 160 всяких народов и народностей. Так почему фашизм русский, а, например, не еврейский? Или любой другой — из тех 160. Почему мафия русская, если все московские рынки в руках кавказцев и азиатов? Пройдите улицей, по которой президент России каждый день на работу пролетает в бронированном автомобиле — Новый Арбат называется, развернитесь и загляните на старый Арбат, еще на Остоженку, Пречистенку — названия-то какие? А кабаки там

почти сплошь грузинские. Вах, «Генацвали» там, вах, «Генацвали» сям, «Шеш-беш», кавказская кухня, «Шашлык-Машлык»...

Еврей Кобзон поет по-еврейски песню еврейской маме. Прекрасно. Хотя не понято, что он там хочет сказать. Что-то тоскливое. Но почему публику должны смешить вертлявые «русские бабки»? Ведь когда началась война с немцами, появился плакат с образом именно русской женщины. Там был призыв: «Родина-мать зовет!» И на своих плечах русская женщина вынесла всю тяжесть войны: в прямом смысле вместо лошади пахала — тянула стальной плуг, в холодных цехах снаряжала снаряды для фронта. После войны русская женщина восстанавливала разрушенные врагом дороги, укладывала неподъемные шпалы, поднимала хозяйство в колхозах — на свинофермах, в полях...

Над чем же смеетесь, братие? Простым русским женщинам, раньше времени стареющим, нашим терпеливым, многострадальным матерям надо низко-низко поклониться, покаяться и просить прощения за то, что так и не создали им достойной жизни...

«Демократические» реформы довели Россию до ручки, и с душевной болью к соотечественникам обращается бывший министр печати Борис Сергеевич Миронов: «Сейчас против России ведется самая опасная и коварная война, какой она еще не знала. Всегда был ясен и четко обозначен враг, были рубежи, были фланги, была передовая, был тыл, были, наконец, союзники. Сейчас же нас убивают, а врага как бы и нет. Убивают продуманно, спокойно и уверенно, и будут убивать до тех пор, пока русский народ не исчезнет совсем. Нас убивают за то, что мы, русские, встали поперек дороги тем, кто рвется к мировому господству».

Видный общественный и политический деятель, Борис Миронов имел однажды неосторожность — «страха ради иудейска» — объявить на весь белый свет, что у мужа Наины Иосифовны Ельциной все кремлевские советники — евреи. Мать честная, что же поднялось-то в демократической прессе! — та-акой хипишь, куда на хрен. А, казалось бы, из-за чего шум-то. Что тут плохого, если умные люди наставляют бывшего секретаря обкома коммунистической партии, как жить и работать, учат, как вести себя в культурном обществе, а министр это заметил и рассказал всем.

Вот, скажем, помочился президент за хвостом самолета после посадки — и тут же идет руки жать встречающей его делегации. Не очень хорошо. И вчерашним партийцам-единомышленникам деревянными ложками выстукивать ритмы по лысым нехорошо. Они ведь уже и сами с усами — султаны, президенты такие же. А

упиваться вусмерть в самолете, готовясь к встрече с руководством чуждальной страны — разве допустимо такое?..

Вон старик Киссинджер, на что, казалось бы, все знает и все понимает, а регулярно летает к нам, в Россию, через океан да Европу. Сядет дедушка рядом с президентом за кремлевским-то столиком, президент скажет дедушке пару слов перед телекамерой — он и улетает довольный. Культура!.. Зачем летает к нам этот дедушка? А Бог его знает...

Бориса Сергеевича Миронова из министров, понятно, убрали. Назвали фашистом, а у него против фашистов и отец, и мать воевали. Тогда он написал статью «Россия жаждет идеала». Ну, тут, как нынче говорят, воше! Бывшего министра принялись обвинять и в национализме, и в антисемитизме. Он подал в суд — хотел узнать, все-таки за что уволен. Тогда ему прямо и сказали: «по политическим соображениям...»

Вот здесь и вернуться бы к эзку Сталину. Главная-то статья, по которой его упрятали за колючую проволоку, была по тем же «политическим соображениям». Сыну Сталина дали срок — 8 лет тюрьмы. Читатель может спросить, ну а министр Миронов-то как? А что, как: был бы человек — статья найдется. Она нынче хорошо идет под циферкой 282 УК РФ, это значит разжигание розни между народами да еще под фанфары борьбы с экстремизмом!

После незаконного задержания Б. Миронова и быстрого этапирования его в Новосибирск Главный Совет Союза русского народа выступил с заявлением, принятым на съезде Союза. В заявлении говорилось о политических репрессиях против русских патриотов, подчеркивалось, что в России нынче трудно найти регион, где не арестовывали бы и не судили русских людей за их политические и религиозные взгляды, которые противникам нашего народа вздумалось объявить «экстремистскими» и «разжигающими».

«Меня сегодня судят за то, что я посмел коснуться самого запретного в стране с 1918 года — преступной еврейской мафии... — уже на суде говорил Борис Миронов и подчеркнул, что раскрути незаконные действия губернатора Новосибирской области Толоконского, привлеки за преступления, которые он совершал на этом посту — завтра может встать вопрос о преступлениях Фридмана, Авена, Смоленского, Вексельберга, Когана, Абрамовича, Кириенко, Чубайса, находящихся сегодня под надежным непробиваемым панцирем своей этнической принадлежности. Сегодня тронуть кого из них — значит, вызвать вой и визг об антисемитизме, которого все так страшатся с кровавых 20-х годов, когда без суда и следствия ставили к расстрельной стенке только за то, что кто-то неодобрительно

отозвался о евреях...»

Узнав о преследовании бывшего министра печати, харьковский раввин Эдуард Ходос выступил в его защиту: «Отдавая должное смелости и таланту русского человека Бориса Миронова, не могу не отметить особо ту невероятную, предельную, где-то даже надрывную обнаженность изболевшейся русской души, которая присутствует в каждом слове его книг. Я, еврей, чувствую эту русскую боль, как чувствую и боль украинскую и свою собственную боль за то, что происходит сегодня на нашей земле. Голосом Бориса Миронова говорит сегодня русская совесть и если кому-то покажется, что говорит слишком резко, то нужно просто понять — резкость эта оправдана, тема обязывает».

Что и говорить, тема сурова — тема маркитантов кровавого 1918 года и внуков их, вспорхнувших над Равниной Русской в конце ушедшего века...

«Прочитав изданную в 2002 году книгу «Иго иудейское», автором которой является Борис Миронов, я обнаружил поразительное совпадение нашего видения происходящего, выводов, к которым мы оба приходим, и главное — взглядов на возможность освобождения от Зла, которое Миронов называет «игом иудейским», а я — иудео-нацизмом, — делится своим сокровенным председатель Харьковской еврейской религиозной общины Э. Ходос и, как капризных, неразумных братьев своих, рабби учит: — Не надо толерантно морщить нос при слове «жид», которое часто употребляет Миронов, — еще сравнительно недавно это обозначение еврейской национальности никого не коробило, а было языковой нормой. Вспомните известный рассказ Александра Куприна «Жидовка»... и автора рассказа никому не приходило в голову обвинять в антисемитизме».

А Марина Цветаева, ее дневниковый очерк «Вольный проезд» с комиссаром Иосей Капланом и невозмутимой «тещей»? «Да что ж это вы, голубчик, всхорохорились? Подумаешь — «жид». Да у нас вся Москва жидом выражается, — и никакие ваши декреты запретные не помогут! Потому и жид, что Христа распял!..»

Или стих Марины Ивановны «Евреям», написанный в том 1920 году, когда, как замечает Борис Миронов, «без суда и следствия ставили к расстрельной стенке только за то, что кто-то неодобрительно отозвался о евреях». Приведу тот стих полностью.

Так бессеребренно — так бескорыстно,
Как отрок — нежен и как воздух синь,
Приветствую тебя ныне и присно
Во веки веков, — Аминь. —

Двойной вражды в крови своей поповской
И шляхетской — стираю письма.
Приветствую тебя в Кремле московском,
Чужая, чудная весна!

Кремль почерневший! Попран! — Предан! — Продан!
Над куполами воронье кружит.
Перекрестясь — со всем простым народом
Я повторяла слово: жид.
И мне — в братоубийственном угаре
— Крест православный — Бога затемнял!
Но есть один — напрасно имя Гарри
На Генриха он променял!

Ты, гренадеров певший в русском поле,
Ты, тень Наполеонова крыла, —
И ты жидом пребудешь мне, доколе
Не просияют купола!

Критик Л. Ашкинази по поводу Цветаевой высказал такое соображение: «Антисемитами были многие великие российские (и в том числе — русские) писатели и поэты. Ну еще один...жалко, ежели так, но надо ли стулья ломать?..»

В Израиле, в местечке Афуле живет ветеран Великой Отечественной войны Генрих Натанович. Его суждения о жизни тоже далеки от воплей маркитантов, ностальгирующих по расстрельным Указам Лейбы Троцкого да Янкеля Свердлова. «Мы живем среди людей, мы выросли среди русского языка, среди мировой культуры на русском языке — и что же нам теперь предлагают?! Отказаться от Гоголя, Достоевского, Чехова, Бунина, Толстого, даже Пушкина и Цветаевой, потому что натываемся у них на то, что нам, как евреям, неприятно слышать?..» — эго ведь здраво рассуждает старый солдат!

И в Израиле Марину Цветаеву всю читают на иврите — в переводе М. Литвак. Там, в местечке Реховот, действует Культурный центр, где традицией стали Цветаевские чтения, и никто «толерантно» не морщит нос при слове «жид». Так что не в этих трех буквах причина тревоги наших либералов — вечно передового отряда, дозорных орды маркитантов.

«Меня судят и обвиняют сегодня не за действия, как того требует законодательство, не за дела и поступки, меня судят сегодня за честно сказанное слово русского человека на своей

родной русской земле. Меня посадили на скамью подсудимых, пропустив через тюрьму, а в устрашение бросили и уже больше года держат без единого следственного действия в застенках «Матросской тишины», самого тяжелого изолятора в стране 99/1, специально жестоко оборудованного для самых страшных преступников власти — членов ГКЧП, моего сына, держат его как политического заложника, — все это беззаконие творят те, кто всерьез возмечтал, чтобы мы, русские, забыли и свое родное имя, и свое право жить на русской земле по законам и правилам правды и чести, завещанным нам нашими отцами и дедами, открывшими эту землю, освоившими и защитившими ее»...

Кира Аллилуева в общих чертах рассказала, что это за тюрьма «Лефортово», как там добывались от эков нужных признаний. Мой хороший приятель, коллега по редакции военных мемуаров Костя Телегин, сын известного члена Военных советов ряда фронтов минувшей войны, как-то показал мне письмо отца Молотову. Оно было из лагеря Переборы, где генерал уже отбывал наказание. А перед этим с ним работали по тому же столичному маршруту, который хорошо запомнился и Василию Сталину.

Вот генерал К. Ф. Телегин пишет: «26 февраля 1948 года я был спешно переброшен из внутренней тюрьмы МГБ в Лефортовскую тюрьму и в тот же день дважды был подвергнут чудовищному, зверскому избиению резиновыми дубинками следователями подполковником Соколовым и ст. лейтенантом Самариным. Эти истязания продолжались ежедневно до 4 марта 1948 года, у меня были вырваны куски мяса (свидетельство этому у меня на теле), сильно поврежден позвоночник, боль в котором преследует меня и по сей день, бедренная кость. Ум, воля, сердце были парализованы. Единственным моим желанием и просьбой к палачам было, чтобы они скорее убили меня, прекратили мои мучения...

Палачи, истязая меня, садились мне на голову и ноги, избивали до невменяемости, а когда я терял сознание — обливали водой и снова били, потом за ноги волокли по каменному полу в карцер, били головой об стену, не давали лежать; сидеть я не мог, в течение полугода я мог только стоять на коленях у стены, прислонившись к ней головой. Меня морили голодом, мучили жаждой, постоянно не давали спать — как только я засыпал, мучители начинали все сначала. Я даже забыл, что у меня есть семья, забыл имена детей и жены, за что подвергался новым истязаниям. Полтора года после этого я был буквально невменяемым; к своей судьбе, дальнейшей жизни я был не только безразличен, но горячо желал, чтобы она возможно

скорее закончилась.

Вот в этих условиях, при глубочайшей травме нервной системы, в состоянии сильнейшей душевной депрессии, я подписывал протоколы в их формулировках, по их желанию, даже не читая их...»

Как и Василия Сталина, генерала Телегина обвиняли по ст. 58–10, но на первом судебном заседании эту статью и ст. 58–11 с Константина Федоровича сняли, оставив только ст. 193-17. Осудили его на 10 лет. Вскоре, однако, суд «переквалифицировал» ст. 193-17 на «Указ Президиума Верховного Совета СССР от 7 августа 1932 года» и обвинение пошло по делу расхищения социалистической собственности во время пребывания генерала в Польше и Германии.

В одной из московских газет в канун 60-летия Великой Победы бывший мэр Гавриил Попов закатил несколько статей под рубрикой «Правду, только правду, всю правду!» «Надо рассказать уже известное мне обо всей Отечественной войне. Бездумно кланяться «великим тем годам» я больше не хочу, точнее, не могу. Накланялся...» — пишет Гавриил и погнал известное ему «обо всей Отечественной войне» (назвать Великой ту войну, как это принято считать нашим народом, Гавриил не мог — для него она не Великая).

Любопытное исследование получилось у демократа. В преддверии юбилея мэр Попов напомнил ветеранам, как из покоренной Германии волокли те на святую Русь 190 000 ковров, 60 000 роялей, 940 000 кроватей, шкафов, табуреток, 265 000 настенных и настольных часов, «а также 186 вагонов отборного вина».

«Но не только кофточки были солдатской добычей. Ею стали немецкие женщины и девушки. — пишет бывший в молодости секретарь комитета ВЛКСМ МГУ им. М. В. Ломоносова Гавриил Попов и, ссылаясь на книгу какого-то К. Райана «Последняя битва», рассказывает «москowsким комсомольцам», как четверо русских солдат загнали родителей и троих детей немки Урсулы в подвал и «затем, по очереди, изнасиловали ее»...

Вот он, один из многочисленного хора маркитантов — преподаватель политэкономии социализма, доктор экономических наук, профессор, действительный член Российской академии естественных наук, председатель Российского движения демократических реформ, — для которого, поди, если фашизм, то непременно, русский, если мафия, то русская, солдат-насилник — тоже русский! Гавриил Попов не хочет больше «бездумно кланяться «великим тем годам» и продолжает «все эти сведения»:

«Бомбоубежище в Кренцберге кишело русскими солдатами, выискивающими девушек и женщин. Девушек загоняли в квартиры наверху и насиловали. Всю ночь раздавались их крики...» Рассказал бы Гаврила, что сделали с великой Россией — униженной, оскорбленной, вымирающей — реформаторы-демократы, в какую клоаку превратилась белокаменная столица в годы его правления, как на старинном Арбате генералы сдавали торгашам свои шинели и боевые ордена, чтобы выжить, как беспризорные мальчишки торговали порнографическими журналами, как в мусорных ящиках русские интеллигенты искали обеды с барского стола.

Гавриил Попов не хочет кланяться «великим тем годам» и вот ущучил, как «за счет немецких строительных материалов и руками военнопленных» маршалу К. Рокоссовскому и маршалу И. Пересыпкину строили дачи. Ах, окаянная душа Гаврила! — до чего договорился... Ну, об «алчности» маршала Жукова кто нынче только не писал. А вот, оказывается, что чекисты конфисковали у члена Военного совета его фронта К. Ф. Телегина: 16 килограммов изделий из серебра, 218 отрезов шерстяных и шелковых тканей, 21 охотничье ружье, гобелены французских и фламандских мастеров... Гавриил не верит, что все это трофейное для себя и для родни можно было купить в поверженной Германии. «Жуков юлит и лукавит. Забрал, не покупая и не оплачивая. То он «забыл» о мебельном эшелоне, отправленном в Одессу, то многое считал «подарками от разных организаций», то обвиняет своего охранника, что тот не выполнил его указания сдать гобелены в какой-нибудь музей».

Внесу некоторую ясность по поводу встревожившей душу мэра-буржуя «добычи» победителей. В сорок пятом, одновременно с вступлением союзных войск в Берлин, в Германии была введена в обращение оккупационная марка — единая для всех зон. Тогда же из Москвы пришло разъяснение А. Микояна по этому поводу: оккупационная марка на территории Советского Союза хождения не имеет, не принимается и не обменивается, поэтому должна быть потрачена на территории Германии. Две тогдашних марки составляли один рубль. Цены в немецких магазинах оставались старые — как «при Гитлере». И вот некоторые из них:

Шелк (в отрезках по 4 метра) стоил от 5 до 10 марок за метр.

Шерсть — от 30 до 35 марок.

Драп на пальто — 40–45 марок.

Обувь дамская — 25 марок пара.

Ботинки мужские — 35 марок.

Чулки шелковые — 3 марки пара.

Белье трикотажное (женское) — 12–15 марок гарнитур.

Ковры (фабричные) — 120–250 марок (в зависимости от размера).

Ковры (шерстяные) — 1000–3000 марок.

Шуба — 2500–5000 марок.

Горжетка из чернобурок — 120–250 марок.

Спальный гарнитур — 1500–1800 марок.

Столовый гарнитур — 2000 марок.

Рояль — 1500 марок.

Аккордеон «Hohner» — 400–600 марок.

Хрустальная ваза — 30–80 марок.

Сервиз из саксонского фарфора — 250–350 марок.

Фужеры хрустальные цветные — 5–10 марок штука.

За четыре пачки сигарет в обменных магазинах можно было взять большую хрустальную вазу в серебре. За две буханки хлеба — японский сервиз. Продукты после капитуляции немцы получали по карточкам — из запасов продовольствия советских оккупационных войск.

Так вот Костя Телегин, в конце войны он был старший лейтенант, имел боевые вылеты на истребителях, рассказывал, что его отец, как член Военного совета фронта, получал в месяц 20 000 марок. Командир дивизии — 10 000 марок. Все оклады были установлены лично Сталиным.

Что же получается: жги те марки на костре, обклеивай ими, как в свое время керенками, стены или все-таки покупай, что хочешь? На одну месячную получку генерал Телегин мог без всяких проблем купить 13 спальных гарнитуров, 700 шерстяных отрезов, 20 великолепных ковров, 4 дорогих шубы (из нутрии), 250 самых дорогих хрустальных ваз, 4000 хрустальных фужеров! А неплохие картины неизвестных художников стоили 200–400 марок. Стало быть, одна месячная зарплата — и готова домашняя галерея из 50–100 картин.

Гаврила горюет — у маршала Жукова оказалось 44 дорогостоящих ковра. Эх, мэр... Заглянул бы лучше в кошельки незабвенной «семибанкирщины». Где нынче все эти фридманы, авены, кохи, гусинские, смоленские?.. На сколько миллионов потянул замок президентовой дочки Танечки, остров в Балтийском море сына одной питерской начальницы?.. А флотилия яхт орденоносца Ромы Абрамовича на чьи деньги построена?..

Костя Телегин рассказывал, как чекисты при личном участии министра Абакумова вывозили из дома все их имущество — вплоть до кухонной посуды и грязного детского белья из корзинки в ванной. Несколько заказных охотничьих ружей чекист взял как дрова, с тех пор вещи Телегина и Жукова навсегда и

пропали. Даже добро, приобретенное семьей Константина Федоровича за 30 лет совместной жизни, было записано как «трофейное, награбленное».

Вернувшись из заключения, генерал Телегин обратился в ЦК партии с вопросом о возвращении конфискованного имущества. Ему тогда тонко намекнули — а не желает ли генерал снова посидеть в северных лагерях?.. Костя передал реакцию Жукова по поводу того запроса отца: «Дурак! К кому обратился? Ты их не знаешь! Да если к ним в лапы что попало — с зубами не вырвешь. Я не обращался, пусть подавятся этим барахлом...»

Замечу, Костю и его сестру Августину после ареста отца с работы уволили и семь месяцев никуда не принимали. Дома — больная мать, малолетняя племянница, приемный брат-школьник. Продать нечего — все вывезли после обыска, как было кормить семью?.. В такой обстановке — уже гражданский безработный пилот — сын члена Военного совета Телегина обратился к «дяде Косте» — маршалу Советского Союза К. К. Рокоссовскому.

«Константин Константинович на мой телефонный звонок ответил твердо: «Заходи!» — вспоминал Костя подробности той встречи и нелегкого разговора о судьбе отца. — Рокоссовский прямо сказал, что ни в какую вину моего отца, с которым прошел от Сталинграда до Варшавы, не верит. Спросил, где бы я хотел работать, а потом положил на стол несколько листов бумаги, ручку и сказал: «Пиши мне, тезка, как депутату Верховного Совета».

Вскоре Косте предложили работу — летать в Якутии на аэрофотосъемки экспедиций геологов. Сыну Сталина — террористу, антисоветчику, расхитителю народного добра и вообще врагу народа! — такого защитника не нашлось. А конфисковать «в пользу нищих» у боевого генерала оказалось нечего. Автомашина, мотоцикл, охотничьи ружья, подаренные отцом, шашка Ворошилова, да седло от «дяди Семы» Буденного — вот и все было богатство сына вождя.

«Поклонимся и мертвым и живым»

Зэк «Флигер» 3 января 1956 года спецэтапом был доставлен в тюрьму № 2 Управления МВД Владимирской области, более известную, как Владимирский централ. Построенная еще при Екатерине II, как пересыльная тюрьма для каторжников, мрачным видением с непереносимым смрадом сотен параш и человеческих тел стояла Владимировка вот уже не первую сотню лет. Толстые стены сооружения, окованные сталью дубовые двери камер, крохотные окошечки — отсюда никому не удавалось бежать. Приговоренный к пятнадцати годам тюремного заключения начальник иностранного отдела НКВД генерал П. Судоплатов вспоминал:

«Режим в тюрьме отличался строгостью. Всех поднимали в шесть утра. Еду разносили по камерам: скудную пищу передавали через маленькое окошко, прорезанное в тяжелой металлической двери камеры. Голод был нашим постоянным спутником. При царе, это в 1907 году, узников централа кормили согласно такому вот меню: на завтрак — чай, сахар, хлеб. На обед — щи, в котором мяса было больше, чем капусты, или окрошка. На второе — котлета с картофелем или жаркое. А вечером — каша гречневая или ячневая с салом. Кто-то из эстрадных хохмачей однажды заметил, что у нас нынче одна половина всех мужиков сидит в тюрьме, а вторая их охраняет. Думаю, с таким раскладом меню по тюрьмам рванула бы и вторая половина российского электората...

Все остальное в центре осталось, как при царе. Постель поднималась к стене и запиралась на замок. Сидеть можно было — на стуле, привинченном к цементному полу камеры. Туалет заменяла параша. Зэков выгуливали от получаса до сорока минут во внутреннем дворике тюрьмы — боксе площадью метров двадцать с высокими стенами и без потолка.

«Флигер» во всех официальных документах Владимирского централа стал значиться по фамилии его последней жены Васильевой. Отчество сыну Сталина тоже заменили. Словом, теперь он стал Васильев Василий Павлович. И вот первое его письмо Капе:

«9 января 1956 г.

Нахожусь: город Владимир (Владимирская тюрьма).

По приезде обратиться надо к начальнику тюрьмы или его заместителю. Это письмо предъявить и оно сослужит службу пропуска. Короче, меня вызовут.

Добираться до Москвы можно:

1. Автобусом — 5 часов езды.

2. Поездом — 6 часов езды.

3. Автомашиной — 3–3,5 часа езды. Хорошо бы тебе приехать вместе со Светланой. Но, если она не сможет или задержится, приезжай одна, не оттягивай приезд из-за нее. Захвати для меня денег. Без денег здесь туго. Купи сигарет «Ароматные» (пачек 100) и спички, и сахару.

Об остальном объясню и договоримся здесь, на месте. Ни с кем (даже с родными) пока не говори ни о чем. То же скажи Светлане. Сначала нужно повидаться.

Жду Василь.

Имей ввиду, во Владимире 2 тюрьмы. Надо ехать в ту, которая находится на вост. стороне города рядом с городской поликлиникой и больницей (лучший ориентир — кладбище). Помирать я не собираюсь, но хороший ориентир.

Запомни — Васильев Василий Павлович.

Не станем однако торопить время. У Василия Павловича долгий срок — ему еще сидеть да сидеть в тюремной-то камере. Восстановим диспозицию сторон лихого воздушного бойца в его последней — неравной схватке...

Владимирский централ тех дней славился отбывавшими здесь разные сроки знаменитостями. Певица Лидия Русланова, киноартистка Зоя Федорова, известный руководитель диверсионной работы за рубежом Судоплатов, специалист по ядам для тайных убийств Майрановский, племянник Оси Брика, близкого друга поэта Маяковского Владимир Брик, чуть было не рванувший в Штаты резидент Штейнберг, бандеровки Дарья Гусак и Мария Дидык — нелегальные курьеры подполья незалежний Украины, большие шишки-гэбисты из команды Лаврентия Берии — Мамулов, Шария, Людвигов, комендант Берлина Вейдлинг, начальник личной охраны Гитлера Раттенхубер.

Сидел вместе с Василием Павловичем во Владимирском центре и его тезка, депутат еще трех царских Государственных дум — с 1907 по 1917! — принимавший отречение от престола государя императора, Василий Витальевич Шульгин. Лубянка охотилась за ним лет двадцать. И вот в 1945 году после взятия нашими войсками Белграда бывший заместитель председателя Государственной думы был арестован и предан суду за антисоветскую деятельность. Как и Василий Павлович. Словом, компания собралась крутая...

Зою Федорову Василий знал не по тусовкам киношников. Известная киноактриса и командир 434-го истребительного авиаполка Иван Клещев любили друг друга. В канун нового, 1943 года Иван решил лететь в Москву на боевой машине. В

воздушных боях не было равных 23-летнему истребителю. За полтора года войны Клещев одержал 51 победу! Казалось, от огня противника его берегло само небо. Небо-то и подвело Ивана...

...Погода была явно не летная. Холодная свинцовая облачность нависла над самой землей, но командир полка решительно настроился встретить новогодний праздник с любимой. Иван Клещев заранее достал в соседней деревушке гусей, затолкал их за бронеспинку истребителя и взлетел. Все видели, как боевую машину, едва она оторвалась от земли, поглотили облака. А утром на аэродром пришел крестьянин и сказал: «Там, в поле, самолет, в кабине летчик и два гуся...» Машина майора Клещева обледенела, рули в таких случаях не действуют, и, неуправляемая, она упала...

Спустя годы, Зоя Алексеевна вспоминала тревожные часы той предновогодней ночи. Рассказывая о лихом летуне, она грустно-грустно заметила: «Да, хороший был парень Ванечка...» Скажет и с этими простыми словами навсегда унесет с собой тайну двух любящих сердец...

Зою Алексеевну упрятали в тюрьму за связь с иностранцами. Она — артистка, выступала во фронтовых бригадах перед нашими бойцами и союзниками по войне. Познакомилась как-то Зоя с военным советником американского посольства Джексонсом Тейтом и связь эта, с позиций Лубянки, вышла за допустимые рамки. Федорову арестовали, дали ей 25 лет. И это было объяснимо по законам военного времени.

Осенью 1941 года была арестована, например, жена Якова Джугашвили Юлия Мельцер, выясняли — не предатель ли старший сын Сталина? Когда убедились, что Яков в плену не по доброй воле, не продался противнику, что Мельцер к случившемуся не имеет отношения, ее выпустили на свободу. Но полтора года Юлии Исааковне пришлось все-таки отсидеть. А вот жена штрафника Леонида Хрущева Люба Сизых получила и пять лет тюрьмы, и пять лет ссылки. Не спасло, что невестка члена Политбюро. Были, стало быть, на то серьезные основания...

Вот Лидия Андреевна Русланова, славная русская певица, угодила в Озерлаг, а затем и во Владимировку уже после войны. Обвинение было как и у генерала Телегина — «грабеж и присвоение трофейного имущества в больших масштабах». Масштабы-то, откровенно говоря, действительно, оказались не малыми. При обыске в тайнике на кухне Руслановой были изъяты шкатулка с 208 бриллиантами, изумруды, сапфиры, рубины, жемчуг, платиновые, золотые и серебряные изделия. Кроме того у Лидии Андреевны были две дачи, три квартиры, четыре автомобиля, антикварная «павловская» мебель, кровать

карельской березы — некогда собственность царицы Екатерины II, редчайшие сервизы и 132 картины всемирно известных русских художников — Нестерова, Кустодиева, Маковского, Шишкина, Поленова, Репина, Серова, Васнецова, Верещагина, Сурикова, Федотова, Тропинина, Брюллова, Сомова, Крамского, Айвазовского...

«Трофейного»-то здесь, скажем, ничего не просматривается. При обыске в квартире певицы были обнаружены километры дорогих тканей, сотни шкур каракуля и соболя, рояли, сервизы. Это добро могло быть из поверженной Германии. Так и у маршала Жукова чекисты насчитали 323 шкурки обезьян, соболей и котиков, 160 шкур норок, 7 ящиков с фарфоровой и хрустальной посудой, 85 ящиков мебели, 5 тысячи метров шелковых, шерстяных и других тканей, 2 ящика с серебряными столовыми и чайными приборами. Но выше были приведены цены всей этой мирской суеты. По некоторым сведениям, лично Сталин дал установку всем генералам выделить из трофеев по машине «Опель» и «Мерседес». Причем бесплатно! Офицерам, так же бесплатно, — по мотоциклу или велосипеду. По заниженным ценам генералам разрешалось купить рояль, пианино, радиоприемник, охотничье ружье, часы — настольные, карманные, наручные. Офицерам без всяких ограничений продавали и ковры, и меха, и сервизы, и фотоаппараты. Потом полковникам разрешили покупать любые автомашины.

А муж Лидии Андреевны Руслановой, В. Крюков, между прочим, Герой Советского Союза, генерал, командовал гвардейским кавалерийским корпусом, дошел до Берлина. Да и сама она у стен разрушенного рейхстага — сразу же после его падения — дала свой 1120 фронтовой концерт! После него командующий 1-м Белорусским фронтом Жуков наградил Русланову орденом Отечественной войны I степени. На Лубянке и это поставили в укор великой певице. Будто не она песней своей на всех фронтах воодушевляла бойцов перед боем, пела в землянках, под крылом самолета, в полевых медсанбатах. Будто не она подарила артиллеристам, построенные на свои средства, две батареи «катюш»...

Бывший московский мэр Попов, взывая «перестать бездумно бить поклоны», рассуждает о добытчиках трофеев, мол, обарахлиться тогда не было проблемой. «Но как увезти?» И приводит пример такого мероприятия. Значит, мужики одного авиационного конструкторского бюро на двух эшелонах отправляли на свой завод трофейное промышленное оборудование. Заодно пристроили купленные у немцев 4 легковых автомобиля, 5 мотоциклов, 9 пианино и роялей, 199

радиоприемников и 46 предметов мебели. А заместитель начальника этого бюро прихватил еще швейную машинку да 10 отрезов на костюмы.

Если авиационный конструктор А. Яковлев в звании генерал-полковника, то его зам. тоже генерал. Те 9 пианино и роялей, которые потряслись на платформах куда-то в Сибирь или на Урал, может, пойдут в Дом культуры авиазавода, эвакуированного туда еще в начале войны. Да цена-то им всем — одна генеральская получка!

Экие лукавцы эти наши расейские демократы!..

Мой тесть Виктор Иванович Приймак — царство ему небесное — талантливый инженер, руководитель ряда цехов знаменитой авиационной фирмы О. Антонова, рассказывал, как в Иркутске создавали для фронта боевые машины. Всю войну — без выходных, голодные, часто ночуя прямо в цеху, при свете коптилок вычерчивали один к одному профили новых самолетов те конструкторы, инженеры и рабочие. Поистине проявляя трудовой героизм, они все рвались на фронт. Но кому-то надо было ковать победу и в тылу...

Так, вот, Гавриил Попов и возбужден: это же надо, 10 ящиков с чем-то отгрузил себе начальник цеха завода! А три велосипеда — для начальника главка и гэбэшникам, курирующих их работу, кто пристроил незаконным путем? Что и говорить, профессор политэкономии социализма на страже законности — пример для подражания строителям светлого будущего с общечеловеческим лицом. Об одном из них кое-что поведал публике журнал «Профиль»:

«Дело было в 1992 году. Некая фирма «Авекс-Коми» из Сыктывкара и Ухтинский нефтеперерабатывающий завод заключили договор о поставке в Москву 5 тысяч тонн зимнего дизельного топлива. Всего на 3 млн. 800 тысяч рублей (в 1992 году — очень большие деньги). В назначенный день 55 цистерн с топливом прибыли в столицу, где их встретил Абрамович, который переадресовал груз в Калининградскую область. В итоге эшелон оказался в Латвии.

Когда же Ухтинский завод потребовал деньги за топливо, выяснилось, что «покупатель» ни сном, ни духом ни о какой сделке не знает. В том же году зампрокурора Москвы Пономарев санкционировал заключение Абрамовича под стражу. И ничего. Известно лишь, что из Москвы уголовное дело было отправлено в Ухту на следствие. Где и заглохло»...

Роме Абрамовичу в ту пору шел 26 годок. Он вскоре стал управлять финансовыми потоками президентовой семьи, оплачивал гульбу на курортах Швейцарии дочери Ельцина

Татьяны с бывшим шефом кремлевской администрации В. Юмашевым, покупку для нее дома в Германии, регулировал в нужном семье направлении сырьевые и финансовые потоки компании «Сибнефть», фактическим владельцем которой был.

Через 12 лет Рома решил и свой квартирный вопрос. Он купил бывший замок виндзорского герцога на юге Франции — это вилла Шато де ля Кро. Рома отдал за нее 30 млн. долларов, столько же, по мнению специалистов, потребовалось для того, чтобы привести жилище в порядок. За 126,5 млн. долларов купил особняк в лондонском районе Найтсбридж, стал владельцем загородной резиденции с 440 акрами земли — за 33,6 млн. долларов. А еще Рома приватизировал квартиру (называется пентхаус) в лондонском районе Кенсингтон общей площадью 9000 квадратных метров — 54 млн. долларов, пятиэтажный григорианский особняк в районе Белгравия — 20 млн. долларов, дом в Сан-Тропе (это Лазурный берег во Франции) — 18 млн. долларов, гостиницу в Каннах — 1 млрд. долларов.

Во дает пацан!

В Москве Рома редко бывает — хрена ли тут делать. Но, на всякий случай, поставил Рома под охрану дачку в Подмоскowie. Она тянет на какие-то 15 млн. долларов. Ну такие избушки разве что для михалковых, коротичей да евтушенок. Так, сельпо!..

Конструктор бюро финансовых потоков господин Абрамович любит стихию грозных морей и воздушного океана. Для этого ему по спецзаказу сделали самолет с защитными системами и связью на уровне лайнера президента США. Лондонская «The Times» пишет, что на борту его есть «несколько ванн и душевых комнат, плазменные телевизоры», салон «отделан красным деревом и золотом». Первоначально этот самолет оценивался будто бы в 1 млрд. долларов, но потом газета уточнила — 100 000 000 долларов. Словом, обошелся во много дешевле. У Абрамовича есть еще «Боинг» бизнес-класса — этот 52 млн. долларов, два вертолета по 65 млн. долларов каждый.

Ну, а яхты... Яхты, простите, слабость Ромы Абрамовича. По спецзаказу в Нидерландах Роме отгрохали посудину под названием «Extasea» с бассейном, турецкой баней — 134 млн. долларов. Еще есть яхта «Pelorus» с вертолетными площадками, системой обнаружения ракет, подводной лодкой — на случай обрыва с яхты. Вдруг красные придут!.. Короче, три яхты Абрамовичу обошлись в 374,7 млн. долларов. Не забыть бы еще одно его увлечение — футбол. Клуб «Челси»! Роме он стоил 261 млн. долларов. Но однажды Рома проговорился, что клуб-то не совсем его. Не одному ему принадлежит. Однако распространяться по этому поводу больше не стал.

Надо полагать, профессора политэкономии Г. Попова добыча ударника капиталистического труда Р. Абрамовича не заинтересует. Он возмущен и выводит на чистую воду «добычу советской номенклатуры». У маршала-то Жукова, оказывается, был целый воз всяких шкур! А маршалу-то Рокоссовскому пленные немцы дачу строили!..

Один из вечно передового отряда российской интеллигенции, демократ первой волны «перестройки», Гавриил Попов, воспитанный на бессмертных творениях древних греков, никак не поймет и «манеру поведения» русских солдат в отношении женщин. Газетные откровения Гавриила по этому поводу сопровождают его портрет и репродукции двух плакатов военных лет. На одном женщина и надпись: «Фашизм — злейший враг женщин». На другом такой вот рисунок: солдат с лицом славянской национальности, через плечо у него шинельная скатка, он улыбается и натягивает сапог. Под рисунком два слова: «Дойдем до Берлина!» На том толерантность бывшего мэра Москвы заканчивается и дальше он пишет открытым текстом, как русские солдаты насиловали немок. «Когда одна немка выбежала на улицу и пожаловалась советскому офицеру, тот холодно сказал: «Немцы в России вели себя гораздо хуже. Это просто месть».

Что ж, известное дело, маркитанты, когда им выгодно, тычут пальцем в сторону маленьких народов — 160 национальностей, однако. И национальность из паспорта выбросили, однако. Хорошо, чтоб и заговорили-то все не по-русски. Для этого брошены силы целых министерств. На черта отроку русская классика? Поначитается: «Горжусь, что я русский!» «И какой же русский не любит быстрой езды!» «Скажите спасибо, что вы — русский!» — и в skinхеды полезет. Пусть вместо литературы да сочинений в загадки играет. Угадает, кто «Евгения Онегина» написал — и хватит. К примеру, три ответа: Черномырдин, Новодворская или Пушкин. Угадал с трех раз — молодец. На тебе диплом бакалавра, а хочешь — магистра и ступай на фиг — охраняй тело гусинско-березовско-смоленского!

Одного пятиклассника спросили: генерал Багратион герой какой битвы? Пацан, не дрогнув, ответил: «Сталинградской!» Вот и московский мэр-профессор дал хороший урок истории «московским комсомольцам» в канун Великой Победы. Да по-научному, со ссылкой на авторитетный источник — писания самого К. Райана! А тот Райан знает ли, кому посвящен мемориал в берлинском Трептов-парке? А воин с мечом и спасенным дитем на руках — он кто, откуда пришел? Подсказал бы мэру Гавриле. Да профессор мог бы и сам порыться в архивах, почитать, скажем,

директивы ГлавПУРККА с указанием тематики бесед, докладов и лекций для защитников Родины.

Вот, например, были такие:

«Национальная гордость русского народа — старшего брата в братской семье Советского Союза».

«Великие русские писатели Ломоносов, Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Белинский, Герцен, Чернышевский, Некрасов, Маяковский — преданные патриоты нашей Родины».

«Величие и мировое значение русской культуры».

«Великие русские полководцы Александр Невский, Дмитрий Пожарский, Александр Суворов и Михаил Кутузов — гордость нашего народа».

«Русский солдат в истории нашей Родины».

«Командир 32-го гвардейского Сталинградского истребительного авиаполка В. Сталин и его комиссар Стельмашук получили однажды директиву еще более требовательную и категоричную: «Систематически с личным составом проводить беседы и политинформации, в которых пропагандировать великие традиции русского народа... Прививать личному составу чувство русской национальной гордости». И, знаете, ничего. Щеки-то на тему толерантности в сорок первом году никто не раздувал.

Вот что писал в 1941-м товарищ И. Эренбург: «Советский патриотизм — естественное продолжение русского патриотизма. Русским всегда было чуждо пренебрежение к другим народам... В самые тяжелые времена русский народ не отчаивался в судьбе своей родины, горячо любил ее, отважно ее защищал — без злобы к другим народам, без дешевого зазнайства, без мнимогорделивых, а по существу рабских выкриков: «Мы превыше всего!» Да уж никогда русские не кричали: «Мы — избранные! Нам сам Бог сказал об этом...»

В том же, суровом сорок первом, Константин Симонов написал драму о событиях на Южном фронте. «Русские люди» называлась. Вскоре в «Красной звезде» выходит и его очерк «Русское сердце». В нем он рассказывает о летчике-истребителе А. Хлобыстове:

«Я вспомнил лицо Хлобыстова в кабине самолета, непокорную копну волос без шлема, дерзкие светлые мальчишеские глаза. И я понял, что это один из тех людей, которые иногда ошибаются, иногда без нужды рискуют, но у которых есть такое сердце, какого не найдешь нигде, кроме России, — веселое и неукротимое русское сердце»!.. Вон ведь как писали, когда враг печки-то газовые открывал.

Нынче пишут о «крепостной русской душе», о «тысячелетней рабе». Мэру-профессору «манера поведения» русского солдата не

нравится. О себе напомнил газетный работник В. Гроссман — тоже заговорил на эту тему. А полистайте старые фронтовые подшивки, почитайте того же Василия Гроссмана. Посетив бывший гитлеровский концлагерь в Трехлинка, он передает рассказ о еврейском мальчике, о том, как перед смертью, он нашел единственные слова, которыми хотел утешить мать и крикнул их перед входом в газовню: «Русские отомстят, мама! Не плачь!..»

Мэр-профессор, изучая «манеру поведения» русского солдата, о газовнях не вспоминает — он подсчитывает процент трипперных. На 1-м Белорусском фронте к апрелю 1945-го, в сравнении с февралем, их оказалось в четыре раза больше. Так, может, весна виновата? Или конец войны... Гавриил негодует! «Я хотел бы сейчас, хотя бы спустя 60 лет, услышать от лидеров новой России официальные извинения перед женщинами Европы за эти оргии в «великие те годы». Это, что — Гавриила женщины Европы просили?..

А не хочет ли демократ-реформатор Попов ответить за 3 000 000 беспризорных детей в новой-то России? За 4 000 000 наркоманов? За 8 000 000 демографических потерь? Демократы поработали, постарались! За 15 лет у нас совершенно 800 000 самоубийств (это второе место в мире — после Литвы). Каждый пятый в стране за чертой бедности, тогда как разрыв между бедными и богатыми уже в 30 раз! У нас 2 000 000 безграмотных, только 5 % высококвалифицированных кадров — рабочих (в США — 50 %). Китайцы не поймут, зачем в России науку уничтожили? А заводы на металлолом зачем вывозили?..

Наконец, не хочет ли господин Попов объяснить, почему рухнула великая держава, которую в мире не только боялись, но и уважали, смотрели с надеждой, о которой говорили с любовью? Помните: «Эх, тройка, птица-тройка, кто тебя выдумал? Знать, у бойкого народа ты могла только родиться, в той земле, что не любит шутить, а ровнем-гладнем разметнулась на полсвета, да и ступай считать версты, пока не зарыбит тебе в очи... Не так ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка, несешься?.. Летит мимо все, что ни есть на земле, и, косясь, посторониваются и дают ей дорогу другие народы и государства...»

Так кто светлую Русь превратил в страну легкого поведения?! Кто запустил механизм уничтожения доброго, доверчивого, незабываемого и многотерпеливого в своих бедах народа? Перед кем еще каяться ему, на коленях-то стоять!..

Мэр-профессор подвел научную базу в «манере поведения» русского солдата. Но мысли специалиста обращены не к старинной нашей заповеди: сам погибай, а товарища выручай —

как деды наши воевали. Гавриил Попов открывает нам «белые пятна истории» — сколько русских парней в поверженной Германии заболели триппером...

Ученый не устает повторять: немку Кестер насильовали русские солдаты, в бомбоубежищах Кренцбера выискивали женщин русские солдаты. А что, принадлежность тех насильников к русскому народу определялась по паспорту? Или по лицу? Так Гавриил Попов так же похож на грека, как одессит Жванецкий на Орфея! А известно ли новоявленному Геродоту, что германские нацисты в предчувствии падения своего Рейха, заражали немецких женщин венерическими заболеваниями, чтобы те, в свою очередь, — осознанно! — выводили из строя бойцов нашей армии.

Русский человек, как бы не смущали его импортными идеологиями, в душе остается православным. Еще с языческих времен! Так что понятие девической чистоты, невинности бережно сохранялось в нашем народе. Не случайно свыше 90 процентов наших девчат, угнанных на работы в германское рабство, были засвидетельствованы при медицинских осмотрах как девственницы. И не случайна фраза, брошенная немке нашим офицером: «Немцы в России вели себя гораздо хуже...» Разве не они насильовали наших женщин и девушек? Победоносно обшарив всю Европу, не они ли несли грязь и болезни, о которых в русских-то деревнях и слухом не слыхивали. Какая еще у русской Катюши могла быть гонорея, когда в семье куча здоровых детишек! Если вечером девка с парнем до околицы пройдет — утром уже вся деревня знает...

В архивах гвардейского полка, которым командовал Василий Сталин, мне попался любопытный документ начала 1943 года. Полк только что перебазировался на Калининский фронт. Январские вихри-вьюги не сопутствовали боевой работе и бойцы находили время поддерживать связь с местным населением. Немцев из места новой дислокации полка наши уже прогнали, так что тем радостней были встречи со своими.

Так насчет архивного документа. Сразу скажем, он связан с маршрутами, на которых полное превосходство на всех эшелонах действий оставалось за опытейшим стрелком, воспетым еще древними греками и более известным народу по имени Эрот. Победы этого стрелка, к сожалению, фиксировались только в медицинских донесениях полкового врача. Там все было записано — и фамилия, сраженного стрелой меткого Эрота, и его воинская должность, и время поединка. Одно умалчивалось: все, сраженные в схватке не на жизнь, а на смерть, словно договорились — в графе «источник» стоял односложный ответ:

«Неизвестен»... Источник гвардейцы, конечно, знали. Но как могли простые русские парни «заложить» девчат и без того пострадавших за время вражеской-то оккупации...

Мэр-профессор мотает сопли на кулак: ах, сто тысяч немок обратилось к врачам по поводу изнасилования их солдатами из России. А как объяснить, как забыть более 540 тысяч человек, потерянных за 26 месяцев оккупации только в одной Смоленской области. Это же десять Бухенвальдов! Недавно в Обращении к президенту Д. А. Медведеву группы русских интеллигентов были названы цифры заживо сожженных мирных жителей: 742 в Угранском районе Смоленщины и 773 — в соседнем Вяземском. По количеству жертв — это десять Хатыней и только ведь в двух районах! А в гитлеровской оккупации оказались десятки миллионов человек Брянской, Псковской, Новгородской, Калининской, Ленинградской, Курской, Белгородской, Орловской областей, Ставропольский край, районы Рязанской области.

В Обращении, которое подписали доктор исторических наук генерал-полковник Л. Г. Ивашов, председатель правления Союза писателей России В. Н. Ганичев, председатель политической партии «Народный Союз» С. Н. Бабурин, академик М. Я. Лемешев, профессор МГУКИ, главный редактор «Исторической газеты» А. А. Парпара, народная артистка СССР Л. И. Касаткина и другие, гневно звучит вопрос: «Почему замалчиваются трагедии российских Хатыней, почему о них нет сведений даже в энциклопедиях о народной священной войне, говоря словами самой популярной песни того времени? Вероятно, адское пламя грозных лет невозможно скрывать без системной работы, которую будет правильным назвать «тихим экстремизмом» нелегальных враждебных народу сил в Отечестве. Дело дошло до того, что деятели культуры, обязанные по своему положению в обществе, что называется, назубок знать поименованные факты новейшей истории, клеймя злодеяния немецко-фашистских военных преступников, на самом деле, наоборот, — они цинично и публично выдвигают провокационный миф о «русском фашизме», который к тому же «страшнее немецкого».

Вот она правда-то — наших дней и дней военных. А не в подсчете трофейных велосипедов да посуды для маршала. Геродот из «новых греков», взявшись за историю Великой войны, возбуждается: «Пора перестать бездумно бить поклоны!» Это он от слов песни: «Поклонимся великим тем годам... и маршалам страны и рядовым... поклонимся и мертвым и живым»... Думаю, история нашего Отечества, славных побед русского народа обойдется без поклонов Гавриила. Как бы не силились перестройщики России, как бы не подыгрывали западным да

заокеанским-то неневи́стникам ее, народы Европы помнят отходчивую, добрую душу русского Ивана.

Что скрывать, с тяжелым сердцем ступил наш солдат на землю врага. Вот скоро вернется он домой — что его будет ждать? На месте родного дома, где пролетело детство в большой и дружной семье и, казалось, так спокойно и радостно будет вечно, встретит солдата ветер на попелище родной деревни, труба от каменки да обожженные спинки детских кроваток... Ведь каждая третья деревня той же многострадальной белорусской земли была предана огню!

А чем измерить слезы раньше времени состарившихся матерей? А крики в заколоченных амбарах заживо горящих людей? А тысячи угнанных в германское рабство славянок — кто считал их поруганную честь?.. Гавриле и фельдмаршалу Монтгомери не импонирует «манера поведения» русского солдата... Ах, окайнные души!..

И ведь будто неизвестно профессору, как армия победителей спасала от голода тех же берлинских женщин и детей. На следующий же день после капитуляции Германии началось снабжение местного населения продуктами из запасов наших войск. Походные кухни с солдатской кашей, буханки свежего хлеба с бортов полуторок — они памятны немцам по сей день! Мой приятель-летчик старший лейтенант Лотар Линднер из Пенемюнде столько раз вспоминал о том времени, когда русские вошли в их город — как весело раздавали они ту кашу из большого котла, и как быстро прошел страх о злых, бородатых Иванях, которые убивают детей, насилюют девушек, а мужчин уводят в глухую Сибирь, откуда еще никто и никогда не возвращался...

У Гаврилы аргумент — рост триппера и гонореи у доблестного войска маршала Жукова. Это якобы зафиксировано в период с февраля по апрель 1945 года. Может и так. Что было то было. В страхе-то от геббельсовской пропаганды немки, порой, сами сдавались — без боя! Дважды Герой Советского Союза генерал А. В. Ворожейкин как-то в минуты дружеского застолья припомнил один забавный эпизод военной поры.

Значит, полк истребителей расположился на аэродроме рядом с уютным прусским городком. Арсений Васильевич с летчиком Пахомовым — отцом будущей чемпионки мира по танцам на льду — отправился выбрать в городке помещение для штаба. И вот заходят в дом, который показался им подходящим, — всюду чистота, идеальный порядок. На плите кофе горячий дымится. А хозяев нет. Это насторожило бойцов. Мина в детской игрушке или часах, граната из-за угла или

очередь из «шмайсера» — все уже было, проходили, начиная с Польши. Короче, оружие наготове и поднимаются сталинские соколы по винтовой лестнице на второй этаж. Уперлись в какую-то дверь — что там ждет?.. Резко отбрасывают ее, но — тишина. Тут я постараюсь передать ситуацию словами Арсения Васильевича:

«Переступаем порог и... автоматы наши из рук чуть сами не повырывались. Нет, в нас никто не стрелял. Но оружие против сталинских соколов, скажу тебе, такое заготовили — куда там тот фаустпатрон! Короче, в белоснежной пуховой кровати лежали две красивые девки — в чем мать родила — и ноги кверху... Мы, конечно, остолбенели. Первым пришел в себя Пахомов. Сплюнул, выматерился — мы скатились вниз и выскочили из дома.

Вот ведь как пропаганда у немцев работала — так запугать девок! Я, правда, действенность вражьей пропаганды в те минуты не сразу оценил и спросил Пахомыча: «А может, вернемся?..»

Бог судья фельдмаршалу Монтгомери и греку Гавриле. Но что бы там ни было в вступлении-то наших войск на территорию врага, а женщин, стариков и детей в огне русские не жгли...

Да, чуть не забыл. О чем гласил-то архивный документ истребительного полка начала 1943 года. В рабочую тетрадь, пронумерованную и проштампованную, сотрудники архива не все разрешали записывать. Вот и тот приказ:

«Организовать осмотр всего личного состава. Впредь на лечение дефицитные медикаменты, необходимые для раненых, не расходовать, а лечить старыми методами. Учитывая важность сохранения людских ресурсов, факт заболевания гонореей расцениваю как членовредительство и впредь на заболевших буду накладывать самые строгие взыскания, вплоть до предания суду.

В. Сталин».

Приказ суров, но справедлив. Командир полка, автор его, знал, что такое война. Ему был уже 21 год, уже полтора года он дышал воздухом кабины своего истребителя. Гвардейцы любили командира, порой вспыльчивого, но отходчивого, не злопамятного. И приказ тот выполнили. Так что, как ни силен был Эрот с ядовитыми стрелами, натиск его бойцы полка Василия Сталина выдержали достойно. Свидетельством того — их беспримерная храбрость и стойкость в боях.

Зрелая карма

Вот на личном фронте любви Василию Иосифовичу, прямо скажем, не везло. Нет, парень он был симпатичный, веселый, женщины его любили. И он — их. Однако и первый и второй брак распались. Только третий — с милой Капой, которую любя, он часто называл мамкой — держался. И держался уже седьмой год.

18 февраля зэк Васильев, получив из дома первое письмо, тут же сел отвечать. Письмо его еле вмещало радость, переполнявшую душу.

«Мамка милая!

Первая ласточка, хотя и небольшая, но все же долетела. Жаль, что Линушка не написала ни строчки... Хотя ты далеко, но с письмом как будто приблизилась и находишься рядом. Не думал, что листок бумаги может так взволновать. Ты не представляешь, как приятно в этом «дворце» получить даже такое небольшое и бестолковое, но теплое послание!..

Здоровье не на шутку беспокоит. Что со мной — не говорят. «У вас бронхит...» — больше ни слова. А кровь взяли на исследование. Странно.

Черт с ней, с болезнью — выберусь! Твое тепло лучше всяких лекарств и раз оно греет меня — мне сам черт не страшен...

Крепко всех целую. Твой Василь».

Следом он пишет еще письмо и эти послания любимой будут чередоваться со встречами, опережать друг друга — торопить время, застывшее в тюремных стенах...

«21.2.56 г.

Дорогая моя!

Ждал твоего письма, но оно очевидно еще не написано. Как доехала? Как твое горло? Ходила ли к врачу? Мне кажется, что нужно обратиться к хорошему специалисту. Может, Евгений Михайлович окажет тебе в этом содействие? Не следует тянуть. Чем скорее ты займешься своим здоровьем, тем меньше я буду беспокоиться...

Живу от встречи до встречи с тобой. Неделя разлуки тянется, как старая кляча. Ты не представляешь, какой бальзам для моей истрепанной нервной системы да и вообще для души эти встречи. Знать, что о тебе беспокоятся, что ты кому-то нужен... Без тебя мне было бы очень трудно. Многим я тебе обязан, а самое главное — верой в человека. Если бы и ты заставила меня разочароваться в человеческой порядочности, то не знаю — вынес ли бы я всю эту тяжесть, навалившуюся на меня.

Крепко тебя целую, дорогая моя.

Василь».

А вот письмо приемной дочери Лине.

«Родная моя!

Как приятно, что ты написала. Очень рад, что в школе в основном все хорошо. Русский язык — не такая простая штука. Не одной тебе он приносит неприятности. Дело это поправимое, но потрудиться придется немало. Ты у меня молодец и я уверен, что сие нелегкое дело осилишь...

Ты пишешь, что «об институте сейчас пока как-то и не думала, без вашего с мамой совета этот вопрос не решу». Это должно быть не так. Ты и только ты должна решить, а помочь тебе в этом конечно мы обязаны. Мой тебе совет:

1) Назови, что тебя больше всего интересует. Это может быть не одно, а несколько дел и ты этим не смущайся. Каждое названное тобой мы вместе разберем и таким образом тебе будет легче на чем-то остановиться. Спешить не следует с окончательным решением. Семь раз примерь — один отрежь, но и тянуть не следует с названием этих нескольких дел, которые тебе нравятся, т. к. нам тоже надо подумать, прежде, чем дать тебе тот или иной совет.

2) При выборе одного или нескольких дел, которые ты предложишь нашему разбору, руководствуйся, прежде всего, своими способностями. Лучше быть первой в не слишком «шикарном» деле, чем последней в «шикарном». При советах с нами — советую тебе — советоваться отдельно с мамой и со мной. Почему отдельно? Отвечаю: каждый из нас — мама и я — выскажем, не сговорившись, свое личное мнение. Оно может быть неодинаковым. Я, допустим, рекомендую, а мать против. Вот тут-то взвесив все за и против, ты сможешь решить сама, не идя на поводу ни у меня, ни у матери. С мамой тебе советоваться легче — дома, а мне придется писать и ждать ответа. Так что не ленись, не откладывай в долгий ящик — пиши. Я же ответ не задержу.

Так-то, дочурка, обстоят дела с выбором специальности. Дело не легкое, но и не неразрешимое. Общими усилиями одолеем. Обязательно одолеем!

Ты писала, что 18 соревнования по плаванию. Напиши, как прошли?

Как твои «брасистые» успехи? Мамуська рассказывает, что твой курдючок так растет, что мешает плавать. Я это представляю себе примерно так... (Здесь рисунок. — С.Г.). Художник я паршивый, но при соответствующем воображении с твоей стороны, можно догадаться, что я пытался изобразить...

Ты пишешь, что в отношении бабушки начала исправляться. Золотко ты мое, ты меня не верно поняла. Исправлять тебе

нечего. Так, как ты любишь бабушку, дай Бог, чтоб все любили. Просто она уже не так крепка и во многом надо ей помочь. Но сделать это надо незаметно, иначе она может обидеться. Скажет: «Что вы меня за старуху принимаете». Так что хозяйка должна остаться бабушка, а главным помощником хозяйки ты...

Скучаю очень сильно. Письма пока единственная возможность разговаривать с тобой. Не отказывай мне в этой малости, не ленись поддерживать дух папки, подбодряй.

Линушка! Заставь мать следить за своим голосом — беречь его. Эти оболтусы, из-за которых она срывает голос, не стоят этого. Пусть бережет свое здоровье, если не для себя, то для нас с тобой.

Крепко тебя целую. Папка.

Расцелуй бабушку. Ты самая надежная и основная ее опора.

Прилагаю записку мамке. Не пишу одним письмом, так как не знаю, захочешь ли ты показывать ей мое письмо к тебе. Это дело твое.

Еще раз крепко-крепко целую.

Папка.

Расцелуй мамку.

Чуть не забыл. Как зам. главного хоз. начальника, пришли мне с мамкой: 1) ниток, 2) наперсток, 3) пару иголок. Твой наперсток помогает очень хорошо».

Так и летели эти письма от «зэка Васильева» из Владимирской тюрьмы. Василий Сталин помнил дни рождения всех своих близких, друзей и каждому находил добрые слова приветствий, пожеланий. К сожалению, друзья-то, — а сколько их было, всяких знаменитых артистов, певцов, спортсменов, генералов да маршалов! — все отвернулись от сына Сталина, когда он оказался в беде. До конца преданными ему осталась семья Васильевых. Не потому ли в одном из писем он замечает: «Я очень крепко овасильевился. Да это и не случайно, ибо все лучшие мои дни — семейные дни — были с вами, Васильевыми...»

«23.3.56 г.

Линушка, дорогая!

Поздравляю с Днем рождения.

Желаю тебе всего самого наилучшего в жизни, учебе и спорте. Расти здоровой и молодцом на радость нам. Любителем спорта и мастером своей профессии хотелось бы видеть тебя. Все дороги в жизнь открыты для тебя, пора подумать и о профессии. Ведь на будущий год ты уже получишь паспорт, то есть станешь полноценным членом общества. Дело это не только приятное, но

и ответственное, ко многому обязывающее. Пора, золотко, об этом подумать и начать подбирать специальность, а мы с мамуськой поможем.

Ведь смысл жизни заключается в том, чтобы быть полезным Родине — желаю тебе всяческих успехов в этом деле. Примеров такого служения много, но лучший из них — жизнь деда твоего...

Крепко, крепко тебя люблю, любимая моя.

Будь здорова.

Папка».

В камере централа Василию не с кем было поделиться своей радостью, своим личным. Сначала его поместили с двумя заключенными, отсидживающими срок по 58-й статье. Начальник тюрьмы подполковник Козик докладывал о них в Тюремный отдел МВД: «Оба осуждены... на длительные сроки заключения, уже давно содержатся у нас в тюрьме, нами изучены, один из них наш источник». Но уже через месяц зэка Васильева перевели в другой тюремный корпус — на третий этаж, в угловую камеру. Он «не сжился» с одним из сокамерников и остался с тем самым «нашим источником».

Однако не только «добытки трофеев» да террористы сидели с сыном Сталина во Владимирском центре. Тот же, упомянутый выше Василий Шульгин, убежденный монархист, человек высокой культуры, чрезвычайно интересный собеседник — как знать, может, встречался он на прогулках-то во внутреннем двореке тюрьмы с Василием Петровичем Васильевым. Ему было что рассказать. Не случайно к нему во Владимир уже после тюрьмы приезжали художники, писатели, музыканты, в том числе Илья Глазунов, Александр Солженицын, Мстислав Ростропович, Игорь Ильинский.

Нам Шульгин стал известен по книге «Что нам в них не нравится...» Она была написана еще в эмиграции, — в советское время, понятно, ее не стали бы печатать. А в разгул гласности и демократии книга оказалась удивительно современна и вышла в С.-Петербурге огромным, по-нынешнему, тиражом — в 50 000 экземпляров! — а потом еще не раз и переиздавалась.

В предисловии автор решительно и безоговорочно заявляет: «И так я — антисемит. «Имею мужество» об этом объявить всенародно. Впрочем, для меня лично во всяком случае никакого нет тут мужества, ибо сто тысяч раз в течение двадцатипятилетнего своего политического действия о сем я заявлял, когда надо и не надо. Но раз этого сейчас требуют, то, конечно, я должен...» И Шульгин, будучи под постоянным надзором, говорил то, что думал: «Не нравится в вас то, что вы приняли слишком выдающееся участие в революции, которая

оказалась величайшим обманом и подлогом».

Спустя 70 лет, цитируя У. Черчилля, нобелевский лауреат А. Солженицын пишет о том же: «Теперь эта банда примечательных личностей из подполья больших городов Европы и Америки схватила за волосы и горло русский народ и сделалась неоспоримыми господами огромной Российской империи»... И чем же отвечал на это обыватель? Или прибаутками: «Роза из Совнархоза, муж Хайки из Чрезвычайки». Или анекдотами, засеявшими Москву уже с Восемнадцатого года: «Чай Высоцкого, сахар Бродского, Россия Троцкого». А с Украины отдавалось: «Гоп, мои гречаники! — уси жида начальники!»

А вот и признание депутата Госдумы, лидера партии либерал-демократов В. Жириновского: «Первое правительство Ельцина и Гайдара было 100 % еврейским, как и первое советское правительство» («Еврейское слово», № 9–10. 2004).

Что не нравится? «Не нравится нам то, что своей организованностью и волей, вы консолидировали и укрепили на долгие годы самое безумное и самое кровавое предприятие, которое человечество знало от сотворения мира. Не нравится нам то, что этот опыт был сделан во исполнение учения еврея — Карла Маркса. Не нравится нам то, что эта ужасная история разыгралась на русской спине и что она стоила нам, русским, всем сообща и каждому в отдельности, потерь неизрекаемых».

Д. Бернштейн («Бегство в рай и обратно»): «Десятки миллионов людей были уничтожены с тех пор, как еврейские сионисты-большевики, опирающиеся на просионистских международных евреев-банкиров, захватили Россию».

С. Фирин, начальник Беломорско-балтийского исправительно-трудового лагеря: «Десятки тысяч заключенных были переданы горсточке чекистов (нас было 37 человек). И этих заключенных мы должны были перевоспитывать... Мы перековывали этих людей при помощи самого почетного в нашей стране оружия, при помощи труда».

А. Рущкой, генерал, бывший вице-президент России («Русский Восток», № 6 и № 8, 1995): «И Ельцин и его окружение — все это временщики. У них уже давно собраны чемоданы и в случае чего — глазом не успеем моргнуть, как упорхнут на Запад. Ельцин боится собственного народа. Иначе зачем бы ему понадобилось содержать штат личной охраны в 40 000 человек? Это целая армия! Такой личной охраны не было еще ни у кого в мире. На ее содержание уходит в год около 4,8 триллиона рублей. Для сравнения — на нужды всего сельского хозяйства России затрачивается в год 5 триллионов рублей. А мы еще удивляемся, почему у нас исчезли с полок магазинов отечественные продукты

питания...

Сегодня примерно та же ситуация, как в 1941 году. На народ, на страну напал враг. Потому что те, кто сегодня находятся у власти, это враги народа! И другого им названия невозможно дать».

Что еще не нравится? «Не нравится нам то, что вы фактически стали нашими владыками».

Б. Окуджава («Европеец», № 3, сентябрь 1993): «Знаете, у меня было счастливое детство... Отец занимал большие посты... Он был первым секретарем Тбилисского горкома партии».

Журналист Л. Радзиховский в откровении «Еврейское счастье мое» («Завтра», № 29, 1997):

«Евреи сегодня составляют огромную часть российской элиты — художественной, интеллигентской, а также политической и коммерческой. Политики Жириновский, Явлинский, Чубайс, бывший министр иностранных дел Козырев и новый министр тех же дел Примаков, министр экономики Ясин, помощники президента Лифшиц, Сатаров, губернатор Нижнего Новгорода Немцов, первый вице-премьер правительства Москвы Расин...

Почти все крупнейшие банки Москвы возглавляют евреи. Банк «Столичный» — Александр Смоленский, «Мост-банк» — Владимир Гусинский, «Менатеп» — Михаил Ходорковский, «Российский кредит» — Виталий Малкин, «Альфа-банк» — Петр Авен и Михаил Фридман...»

Не все евреи разделяют такое «еврейское счастье».

Марк Рудинштейн, известный организатор кинофестивалей («Спид-Инфо», июнь 1997): «Есть понятия «еврей» и «жид». Еврей — это человек, который не мешает людям жить. У меня есть чувство вины перед этим государством, еврейское чувство вины за концлагеря, которые мы возглавляли, за революцию...»

Из Обращения «Отечественного объединения русских евреев за границей». (Берлин, 1923): «Непомерно рьяное участие евреев-большевиков в угнетении и разрушении России — грех, который в себе самом носит уже возмездие, ибо какое может быть большее несчастье для народа, чем видеть своих сынов беспутными — не только вменяется нам в вину, но и толкуется, как проявление нашей силы, как еврейское засилье...»

Дов Иермия, полковник израильской армии (Цезарь Солодарь «Темная завеса», 1987): «Мне кажется, многие страдают при виде того, что мы превратились в дикую орду, для которой огонь, разрушение и смерть стали как бы второй натурой... Воздух пропитан трупным смрадом. Армия продолжает сеять смерть и разрушения. Мне стыдно, что я принадлежу к этому отныне наглому, спесивому и жестокому народу, способному возносить

песнопения на развалинах»...

И вот бывший депутат трех Государственных дум Василий Шульгин, заглядывая в грядущее нашей, как любят подчеркивать демократы — многонациональной! — России, пишет: «Что политический антисемитизм будет существовать в России, в этом не может быть сомнения. Будет антисемитизм, будет борьба с еврейским засильем... Для того, чтобы не было этой борьбы и внешнего его проявления — антисемитизма, надо было бы уничтожить причины, сию борьбу вызывающие.

... Они относятся к категории тех факторов, которые изменяются крайне медленно. Легче оросить Сахару, чем в Русских условиях устранить основные условия антисемитизма. Поэтому борьба будет, и это надо признать как факт до поры до времени неотвратимый. Это — я позволил бы себе сказать — то, что теософы называют «зрелая карма».

Эту «карму» решили показать приехавшие из России в Израиль эмигранты в сериале «Олигархи». «Еврейская газета» (№ 31, 2004) пишет, что эпизоды сериала порой кажутся совершенно нереальными. Но герои-то фильма самые что ни на есть настоящие: они весело рассказывают о себе, «бахвалятся с экрана своими бесславными завоеваниями»:

«Олигархи» — это ограниченный круг предпринимателей, воспользовавшихся в своих интересах распадом советской системы, сумевших присвоить себе богатство страны и скопить состояние в несколько миллиардов долларов. Желая сохранить свои компании в неприкосновенности, они взяли под свой контроль государственную власть. Шесть из семи предпринимателей — евреи... Ради достижения своей цели они прибегали к всевозможным уловкам, включая подлоги, подкупы и даже убийства. Каждый из олигархов имел в своем подчинении небольшую личную армию. На протяжении всего сериала они с гордостью подробно рассказывают о том, как все это проделывали...

На тот момент правление президента Бориса Ельцина находилось в явном упадке. В преддверии очередных президентских выборов его популярность по результатам опросов общественного мнения колебалась где-то около 4 %. Ельцин страдал алкоголизмом, имел серьезные проблемы с сердцем и работал всего лишь по два часа в день. В действительности же государством на тот момент управляло ближайшее окружение президента и его дочь: коррупция была в стране самым обыденным явлением.

Олигархи приходят к решению взять власть в свои руки. Возможности предпринимателей для достижения этой цели были

практически неисчерпаемыми: им принадлежали все телевизионные каналы и большая часть других средств массовой информации. И весь имевшийся в распоряжении олигархов арсенал был брошен на помощь кампании по избранию Ельцина на посту президента...

Учитывая, что свои подвиги олигархи совершали на глазах у всех, существует опасность роста в России антисемитских настроений».

Сериал у евреев получился — разыгрывался, словно по нотам известных мудрецов. Но зрители приняли его без восторга — и русские, и евреи. Израильтянин Ю. Нудельман на тему российских олигархов пишет: «Нежные встречи Лазара с губернаторами и мэрами не закроют русскому народу глаза и уши. Не наполнят его желудки. Не оденут его. Только обострят еврейскую проблему в России. На мой взгляд, особенно опасно для евреев в России то, что все больше русских людей считают, что евреи управляют Россией, что они захватили алюминий, нефть, газ, никель, калий, алмазы, средства массовой информации, банки. Имена Абрамовича, Мошковича, Могилевского, Голдовского, Гайдамака, братьев Черных, Леваева, Рыболова, Березовского, Гусинского, Рабиновича, Кобзона, Бернштейна, Ходорковского, Федьмана, Хаита, Фридмана, Смоленского для значительной части русского народа символизируют захват России евреями. По мнению русских людей, приватизацию, распродажу по дешевке народного, государственного имущества, руководство экономикой и политикой осуществляют евреи и полукровки — Чубайс, Греф, Клебанов, Браверман, Вольский, Боровой, Кириенко, Немцов, Явлинский, Хакамада, Примаков, Гайдар, Лившиц. Русских людей раздражает, что в адвокатуре властвуют резники, падвы, якубовские, а на эстраде командуют хазановы, жванецкие, шифрины, галкины, якубовичи... К тому же эти правители-олигархи ухитряются получать двойные гражданства, что позволяет им уходить от закона». («Советская Россия», 20 июня 2002).

Тревожно на душе от израильского сериала у известного экономиста Ларисы Пияшевой. «Чеченцы объявили России долг в 150 миллиардов долларов. Как справедливо посчитали, по 200 миллионов рублей на каждого чеченца. Думаю, сумма свалилась не с потолка, а в результате поездок в Чечню Березовского. Эта сумма равна всему нашему внешнему долгу. Значит, он будет удвоен. У меня нет ни малейшего сомнения, что эту сумму примут и начнут, что называется выплачивать. И если раньше Чечню называли «черной дырой», то теперь это будет дырища,

куда утечет все...

У меня нет ни малейшего сомнения, что все эти деньги будут поделены между «высокими договаривающимися сторонами». Потом выяснится, что г-н Березовский и К^о (а за ним стоят Черномырдин, Чубайс и другие) положат себе в карман крупные суммы. Заметим: раньше воровство чиновников исчислялось тысячами долларов, теперь счет пошел на миллиарды...

У меня есть все основания бояться за своих детей. Они носят фамилию Пинскер. Когда читаю список ста наиболее богатых людей России, поражаюсь обилию еврейских имен. Вся банковская, финансовая и экономическая системы наполнены такими фамилиями. Все эти люди не понимают, что их подставляют, что их раздражающее богатство в один прекрасный день раздует в России костер антисемитизма...

У нас была относительно спокойная страна с точки зрения межнациональных отношений. Этого уже нет». («Независимость». Киев, 11 февраля).

Василий Витальевич Шульгин в конце 20-х годов, размышляя о русско-еврейских разборках, еврейском засилье и антисемитизме в России, вряд ли смог бы представить затянувшийся сериал с таким концом. Подчеркивая мысль о той «зрелой карме», он был убежден: «Евреи не могут быть поводырями русского народа!» И в этих взглядах видный политик не был одинок.

В то самое время, когда он писал о евреях — «Что нам в них не нравится», в Берлине вышел сборник «Россия и евреи». Авторы его — известные публицисты дореволюционного еврейства И. Бикерман, Г. Ландау, И. Левин, Д. Линский, В. Мендель и Д. Пасманик, а лейтмотив их книги — раскаяние за участие в революции, разрушении великого государства, которое стало приютом, родиной для вечно гонимого племени евреев. В. Мендель откровенно пишет, что русские евреи «не должны были утратить сознания, что они русские граждане и что им надлежит быть русскими патриотами в том смысле, как это понимает сам русский народ...»

«Василий Павлович» вряд ли имел возможность беседовать с Шульгиным по поводу его книг. Он весело, с местечковым акцентом умел рассказывать только анекдоты о евреях. А вот о «зрелой карме» депутат трех Государственных дум мог бы говорить с другим узником Владимирского централа — автором провидческого философского труда «Роза мира» Даниилом Андреевым. В тесной камере писатель-духовидец обращался к невинно осужденным русских тюрем своего — и нашего! — времени. Вот он спрашивает: «Что же пожинает своими

страданиями и смертью человек, падающий жертвой национального бедствия? — и сам отвечает: — Отчасти он все-таки пожинает этим плоды личной кармы; если же он сам ни в каких злодеяниях не виновен, то он страдает и умирает не в качестве личности, а в качестве члена национального коллектива, и своим страданием и смертью способствует развязыванию этого кармического узла навсегда».

И вот стихи Д. Андреева:

Ты осужден. Молчи. Неумолимый рок
Тебя не первого привел в сырой острог.
Дверь замурована, но под покровом тьмы
Нащупай лестницу не ввысь, но в глубь тюрьмы.
Сквозь толщу мокрых стен, сквозь крепостной редут.
На берег ветреный ступени приведут.
Там волны вольные! — Отчаль же, правь, спеши!
И кто найдет тебя в морях твоей души!

Человек падает жертвой «национального бедствия»... «Меняются династии, возникают новые сословия, льется кровь — но мистическое единство русской истории продолжается и остается живым, — пишет наш современник, стойкий комбат русской линии обороны Станислав Куняев и словно призывает подняться до высот мистического озарения узника Владимирского централа: — Он был сыном известного русского писателя Леонида Андреева. Редкой особенностью его взгляда на русскую историю было то, что он, в отличие от большинства современников, считавших революцию и строительство социализма совершенно новым явлением в судьбе России, был убежден, что, несмотря на ее внешнюю ненависть к старому миру, несмотря на кровавый разрыв с ним — ее глубокое, скрытое от глаз неразрывное с ним единство все равно сохраняется».

Почитайте не спеша еще два стихотворения. Не гоните строку. Как говорит мой внук: «Дед, прикинь!»

Щеголи-гусары, стройные драгуны,
Юные повесы, графы и князья...
Аромат шампанского, серебряные струны
— Ветреная молодость, ратная стезя.
Марши и атаки, смотрят строевые,
Полковых штандартов хлещущий размах,
Офицеры гвардии, мальчишки седые,
Знали толк и в рубке, и в хмельных пирах.
Ах, как они жили, ах, как они жили,

Как бросали вызов собственной судьбе,
Ах, какие женщины им любовь дарили,
И звучала музыка в пушечной пальбе!
В прошлом полонезы, светские скандалы,
Лишь смертельный холод в блеске палаша.
Но, однако ж, риска им казалось мало
— Русская рулетка, русская душа.
Не черствело сердце от огня и стали,
И плелась карьера где-то позади.
Наивысшим шиком мальчишки считали
Оловянный крестик на своей груди.
Холодок опасности щекотал им нервы,
И, бросаясь первыми в зарево стрельбы,
Часто, слишком часто погибали первыми
Офицеры гвардии, баловни судьбы.
Ах, как они жили, ах, как они жили,
Как бросали вызов собственной судьбе,
Ах, какие женщины им любовь дарили,
И звучала музыка в пушечной пальбе!

А вот второе стихотворение.

Там в столице веселье и пир.
Веселится, гуляет Москва...
А у меня в груди восемь дыр...
И отрезана голова...
Я в чеченском овраге лежу,
Злой и мертвый, и шлю презент,
Генералам продажным шлю,
И тебе, мистер-херр президент!
Вам к столу, чтобы пить допьяна,
По европам мотаться с лихвой,
Обмывать вином ордена,
Посылаю я череп свой!
Чашу сделайте из него,
И пируйте в угарном пиру,
И пока вас черт не возьмет,
Ни за что я здесь не умру.
Буду я из пустых глазниц,
На веселье ваше смотреть,
Буду с вами вместе гулять,
Буду пить, хохотать и петь.
А когда будет праздник мой
Среди ваших утех и потех

Я приду за своей головой!
Я приду отомстить за всех!

Автор первого стихотворения не отставной полковник «Лебединоного стана», взгрустнувший о былом в тиши какого-нибудь парижского кафе. Это мой коллега, военный корреспондент из «Красной звезды» Андрей Матях. Стихотворение да и все творчество Андрея осталось там, в эпохе, когда он жил, когда Великая Россия, носила гордое имя Советский Союз. Казалось бы, какое нам было дело до мальчиков с оловянными крестиками на груди, которых любили женщины и которые первыми бросались в зарево стрельбы. Однако было...

Второе стихотворение называется «Письмо русского солдата своим убийцам». Автор его известный писатель, историк, публицист и философ, Юрий Дмитриевич Петухов. В 1991 году Юрий Петухов первым объявил об угрозе колонизации России, о сокрушительном поражении ее в Третьей Мировой войне. В предисловии редакции к книжной серии «Imperia Russia» есть такие слова: «Третья Мировая загнала население в дыры и норы. Единицы встали на защиту Отечества. И первым — Юрий Петухов. Он не смог спасти Великую Державу. Слишком неравны были силы. Но он и ему подобные подвижники спасли честь Русского Народа».

Когда пишутся эти строки, писатель Юрий Петухов оставил нас — прошло уже девять дней. Отстояв в храме службу, он перекрестился, вышел, посмотрел последний раз на небо и упал...

Остались безответными его письма чиновникам в высокие инстанции о защите прав человека. «...Экстремистские притязания прокуроров нарушают все мои конституционные права — на свободу слова, печати, совести, убеждений, творчества... Я прошу Вашей помощи в защите от прокурорской травли и несправедливого суда... Понимаю прокуроров — с реальной, растущей как на дрожжах преступностью они справиться не могут и не хотят. Обвинить во всем писателей и сгноить их в лагерях, получив очередные звания и премии, гораздо проще и безопасней. Писатель действительно абсолютно незащищен перед жерновами «правосудия» и прокурорским Молохом».

В этом обращении Юрия Дмитриевича к «правозащитникам» есть приписка «для читателя»: «Пока мы стоим на своей Земле, мы, Русские Писатели, не дадим преступникам спастись спокойно! Нам, в отличие от всей этой публики с двумя и тремя гражданствами, бежать с нашей Русской Земли некуда и отступить некуда!»

«Не черствело сердце от огня и стали...» Это о нем — русском писателе Юрии Петухове. «Письмо русского солдата...» — это его обращение в грядущее. Мистическое единство русской истории, о котором в стенах Владимирского централа размышлял Даниил Андреев, продолжается. Оно несокрушимо.

«Кроме тебя никто мне не нужен»

Даниил Андреев вышел на свободу в 1957 году. Так что Василий мог с ним встречаться. Равно как и с генералом П. Судоплатовым. Павел Анатольевич был арестован в августе 1953 года. Опытный гэбэшник, он симулировал помешательство и до 1958 года находился в психиатрической больнице, а потом был приговорен к 15 годам лишения свободы, отбывал срок во Владимировке и тоже вот ходил на параллельных курсах с Василием Сталиным.

Думаю, однако, зэк Васильев ни с депутатом трех Госдум Шульгиным, ни с философом-провидцем Андреевым, ни со специалистом по крутым делам Лубянки Судоплатовым ничего общего в застенках централа не имел. Это вот его сестре Светлане было бы, пожалуй, интересно столь разнообразное общество. Конечно, пока сны ей снились по-русски...

Бывший надзиратель Владимирского централа Степан С. вспоминал: «Василий поразил нас дисциплинированностью, опрятностью. Он был абсолютно замкнут, все время о чем-то размышлял. Начальник постоянно напоминал: «Смотрите за кацо в оба. Наверняка он мысленно прорыл подземный ход до самого Тбилиси». Тот же надзиратель припомнил одно признание Василия, которым ему, видимо, необходимо было поделиться. Но с кем? Специалистом по ядам Майроновским? Племянничком Оси Брика, чекистом Штейнбергом?..

«Как-то осенью я возвращал его в камеру с прогулки, — вспоминал надзиратель Степан. — Он замешкался и сказал комплимент: «Ты не похож на вертухая». А вскоре во время ночного дежурства я заглянул к нему в камеру через глазок и увидел, что сын Сталина стоит у самой двери.

«Если твои мозги на месте, парень, запомни, что скажу, — прошептал он громко. Я слушал. Любопытство победило страх: — Отца они угробили, — говорил Василий. — Мне обслуга кунцевской дачи рассказывала и ребята из охраны. Со дня убийства я был под «колпаком». Через одного летуна в Московском округе пытался добраться до иностранцев, но тот меня заложил. Я точно знаю: новые вожди, эта титулованная шушера, меня ненавидят. Не простят, что знаю их подноготную, как они друг на друга доносы клепали»...

Вот, чтобы так нехорошо не думал генерал о начальниках из Кремля, они отправили его на нары — исправляться трудом. Из централа о Васильеве регулярно докладывали по инстанции: «Для изучения специальностей металлиста к нему прикреплен

высококвалифицированный (до ареста преподаватель ремесленного училища) заключенный из хозяйственной obsługi. Наш источник»...

Под руководством того «источника» Василий быстро освоил и сверлильный, и токарный станки. Козик записывает: «Заключенному Васильеву зачтено в январе 18 рабочих дней, в феврале 45, в марте 52, а в апреле 56 рабочих дней».

Васильев старался. Примерное поведение и трудодни сокращали исправительный срок зэка. Так что Капе боевое задание:

«Мамуська! Наберись терпения и прочитай.

1. Отвертки. Надо подобрать несколько штук разных размеров. Очень больших не нужно. В основном средние — пару штук и малых — пару штук. Всего 6–8 штук.

2. Пассатижи. 3 штуки — средние, малые и совсем малые. Достать это можно в магазине или через Ивана Константиновича. Но прошу тебя, скорей и хорошего качества. Нужно для работы.

3. Было бы очень хорошо достать универсальный чемоданчик связиста (Володя мог бы в этом помочь). В чемоданчике должно быть все: паяльник, пассатижи, отвертки, измерительный электроприбор, контрольная трубка (телефонная). Паяльник должен быть не один, а разных размеров. Также отвертки и пассатижи. Этот чемоданчик нужен очень. Чуть не забыл! Там, в чемоданчике, должны быть молоточки, напильники, ножницы (по металлу), дрель. В общем, полный набор. Этот чемодан — особая статья. Он нужен кроме того, что я прошу в 1 и 2 пункте, и очень хорошего качества. Мой чемодан к этому не имеет отношения, его я жду, как манны небесной.

Покажи эту заметку Светлане. Скажи, что мне это очень нужно. Объясни, что ты видела на моих руках из-за отсутствия инструментов. Не задерживай и постарайся привезти при первой же возможности все, что прошу. Если у нее не хватит денег, то надо что-либо продать, но достать. Все это завернуть вместе с продуктами и не выпячивать — я, мол, привезла — поскромнее. А то желающих получить такой инструмент очень много, и, если узнают, то со своим характером я его весь отдам Павлу Полуэктовичу, сам останусь на бобах.

Так-то, мамка. Постарайся (а если ты захочешь и постараться, то достанешь все), как можно быстрее достать и привезти перечисленное инструментальное имущество. Оно мне крайне необходимо. Насколько мог, старался нарисовать и объяснить, что мне нужно. Консультацию можешь взять у Володи, а если ты с ним не в ладах, то у Ивана Константиновича. Если встретится в магазине и не такой инструментальный набор, но

приличный, то купи — он не будет лишним, только сохранит мне руки и подтвердит мое усердие к работе, что оценивается при начислении дней. Вникни. Это важно...»

Заметим, для летчика, освоившего десятки типов боевых машин — истребителей, бомбардировщиков, штурмовиков, как своих, так и трофейных машин, и наших союзников по войне, — профессия, которую пришлось осваивать в тюрьме, была, как бы сказали во времена застоя, смежной. С помощью ее бывший генерал-лейтенант, командующий авиацией округа должен был исправляться в процессе трудовой деятельности. Годы войны, схватки с противником в огненном небе, боевые маршруты — это нетрудовая деятельность. Вот в тюремной мастерской покрути-ка сверлом — тогда ты уважаемый человек. И сын Сталина крутил — и на сверлильном станке, и на токарном.

Спустя годы бывший дежурный смены тюрьмы А. Малинин тоже вспоминает и тепло отзываясь о Василии: «Хороший был человек, ничего плохого про него не скажешь. Режим выполнял. Никогда не жаловался. Содержали его получше, чем других, — полы в камере сделали деревянные, питание дали больничное — нездоровый был человек. Потом привлекли к работе в мастерских. Он стал хорошим токарем, план перевыполнял. Инструмент тогда трудно было достать, так по его просьбе жена привезла два неподъемных чемодана с резцами, фрезами. О себе Василий Сталин оставил добрую память. У нас раньше питание разносили по корпусам в бачках, а он сконструировал и изготовил особую тележку, на них и сегодня возят продукты».

Словом, и начальник Владимирского централа успокоился и был вполне доволен зэком Васильевым: подземный ход до Тбилиси тот не рыл, «в обращении с администрацией вел себя вежливо, много читал».

А дочь Василия Иосифовича Надя вспоминала и такое: «Часто, когда мы его ожидали, через открытую дверь в коридоре было видно, как его вели. В телогрейке, ушанке, кирзовых сапогах, он шел, слегка прихрамывая, руки за спиной. Сзади конвоир, одной рукой придерживающий ремень карабина, а в другой держащий палку отца, которую ему отдавали уже в комнате свиданий. Если отец спотыкался и размыкал руки, тут же следовал удар прикладом. Он действительно был в отчаянии. В письмах, которые передавал через нас и посылал официально, он доказывал, что его вины нет. Он требовал суда. Но все бесполезно...»

Оставалось терпеть и ждать... И заботиться о любимой:
«Мамка — родинка!

То, чего я так боялся, произошло. Простудилась не только ты,

так что это не автобус. Проклятая конура.

Но почему нет больничного? О чем думают ваши блюстители здоровья? Ты обязательно должна отлежаться. Это не шутка — здоровье. Сколько тебе не говорил, ты бравируешь им. Очень рад, что наконец сама решила серьезно обследоваться. Очень правильно. Если мы на разных «полюсах» начнем хворать, то кроме «аклюзии» ничего не получится. Надо привести здоровье в порядок. Сделай это как следует и помни, что от нашего здоровья очень многое зависит в жизни. Кроме нас самих о нем заботиться никто не будет.

Письмо получил 31-го марта (в субботу), почта уже не работала, поэтому пишу ответ сегодня, 2 апреля. 7 часов утра...

Настроение у меня очень отвратительное, но твердость духа моего может тебя не беспокоить. Хотя и трудно, но ничего. Отец часто говорил: «Для того, чтобы из железа получилась сталь, его надо бить». Это конечно образно, но смысл в том, что за битого двух не битых дают. Сильный человек должен стать сильнее от такой передраги, а слюняй расклеится... Мне очень трудно, вернее, тяжело, но расклеиваться не собираюсь. По крайней мере, стараюсь держаться. К тому же ты знаешь мое мнение в принципе, а детально можно было спорить в принципе до решения — теперь же уже поздно. Остается переварить и сделать вывод на будущее. В общем, жизнь сложная штука, но вешать нос и предаваться полному отчаянию нет никакого смысла. Так-то, мать. Но об этом хватит.

Ты пишешь, что Лину «учит жизнь». Как это понять? Если долго не сможешь приехать, так напиши хоть намеком. Меня это очень беспокоило. Получила ли она мое поздравление и как справила свое 15-летие? Как здоровье? Как успехи со спортом? Напиши, что сейчас проходят у них по литературе. Лучше, если она сама напишет, но это долго ждать, а ты напиши — быть может, я ей помогу советом, как исправить 3-ку.

Немного о себе. Купи, пожалуйста, очки. Черт бы его побрал, этот паршивый городок — нет даже мастерской (оптической). С глазом плохо и без очков работать нельзя. Купи очки против солнца (со светофильтром — дымчатым слабым, но с крепкой оправой). Они подойдут и хорошо подойдут, т. к. в мастерской сильный свет, который режет глаза, а светофильтр — только не густой, а слабый — будет одновременно предохранять и от ожогов, и от слишком яркого света. Попробуй сначала не покупать, а позвони и напиши Алекс. Алекс. Козыреву. Пусть попробует выдать из моих очков все, что есть. По-моему, там есть подходящие (с желтой оправой). Кроме того мне помнится, что такие же есть у тебя и у Светы. Лучше вряд ли удастся купить, но

посмотри сама. Без очков очень плохо. Очень. Помогай, мать...

Роднуля ты моя, береги себя. Еще раз настоятельно требую этого от тебя. Вообще без здоровья плохо, а в нашем положении вдвойне плохо. Хоть для меня береги. Жду тебя. Но только не рискуй здоровьем, вылечись. Постарайся предупредить письмом о приезде заранее. Тогда попрошу протопить и не повторится «холодильник». Экономить на своем здоровье (такси) глупо. Ни в коем случае не делай этого.

Жду, скучаю. Очень жду.

Крепко тебя целую.

Твой Василь.

Расцелуй Линушку.

Исполнила ли мою просьбу в отношении того, чтоб не вмешиваться в расходы Линушки? Если нет, то зря. Проследить надо, а вмешиваться ни в коем случае.

Родинку мою целую».

«8.4.1956

Милая ты моя!

Соскучился я здорово. Ждал и готовился к 9-му апреля, но...! Ничего, это дело поправимое.

Родинка! Надо все же твердо договориться о свиданиях. Я понимаю, что не все от тебя зависит, но в основном конечно от тебя. Продумай такой вариант: может быть, тебе приезжать в субботу после работы? Ничего, что это будет поздно (хоть в 11–12 часов ночи) — в воскресенье можно отдохнуть. В общем, взвесь все варианты и когда приедешь, решим сообща, как лучше.

Меня очень беспокоит твое здоровье. Ты ни слова не пишешь: лечишься ли, что тебе сказали на консультации и была ли ты на консультации. Такое отношение к здоровью просто преступление. Надо лечиться!.. У меня опять плохо с легким (все время правое), но я показывался врачу и стараюсь делать все, чтобы не свалиться и вылечиться. Тебе надо также бросить пренебрегать врачами и заняться серьезно здоровьем. Кроме глюкозы обязательно привези мне бутылок 20 гематогена. Стоит он пустяки, но здесь его часто не бывает, вернее, редко найдешь. Польза же от него немалая... Но хватит о болячках. Черт его знает, о чем не думаешь, всегда сворачиваешь на болячки. Действительно, у кого что болит, тот о том и говорит.

Мамка! О работе. Ты пишешь, что ученики твои не приносят пока радости. Дорогая моя! Учить — дело не легкое и подчас очень неблагодарное. Много труда вложить в оболтуса, у которого в голове ветер гуляет, пока он даст желаемые плоды. Но чем труднее эти плоды вырастить, тем они дороже для воспитателя, это и является гордостью его. Трудись, дорогая,

время даст и тебе радостные минуты победы и удовлетворения.

Прочитал о заслуженных тренерах. Как помнишь, много мы об этом говорили. Дело правильное и очень полезное. Мамка! А как у тебя с этим званием? Ведь кто-кто, а ты должна попасть в первую десятку. Напиши подробнее об этом. Только не психуй и не нервничай, если вздумают обойти. Конечно, обидно, и ты заслужила больше других (я имею ввиду таких, как Семкин), которые берут уже почти готовых и потом, при удаче, выдают за своих. Мне по душе и я считаю, что такое звание в первую очередь заслужил Петя Жаринов, эта черновая лошадка, без которой эти альфонсы, вроде Семкина, ни черта не стоят! В общем, наберись спокойствия и не «взбесись». Перетерпи. Надейся на лучшее. И у тебя будут отличные результаты, если только не свалишься раньше времени, пренебрегая здоровьем.

Ты пишешь, что в Москве зима. Погода, действительно, гадкая и она здорово бьет по моему легкому. Я эту погоду чувствую теперь, как барометр и барограф — по легкому и ноге. Но грачи прилетели, голуби воркуют во всю, так что весна свое возьмет. Весна...

Любимая ты моя! Жду. Очень жду. Хоть ты и пишешь «не беспокойся за меня», я очень беспокоюсь, особенно за здоровье твое. Желаю всего самого хорошего, счастливого и удачного в работе.

Крепко обнимаю и целую.

Твой Василь».

«15 мая 1956 г.

Лина!

Как тебе не совестно?

Мать в больнице, а ты ни слова не написала. Не знаю, как это назвать. Опиши мне, пожалуйста, все, как это случилось с момента отправки в больницу и до получения этого письма. Все вы там хороши — ни слова не написать!

Но тебя я крепко обнимаю.

Жду письма. Отец».

«Родинка дорогая!

Этот проклятый соловей доводит меня до белого каления. Поет проклятый. Здорово поет. Как раз над тем местом, где мы бываем. Навевает воспоминания...

Прошлый раз (в письме) я ни слова не упомянул о Линушке, т. к. она сейчас готовится к «бою» и мешать ей не стоит. Самое главное, не дергай ее сейчас. Что знает, то ответит, а что не знает — уже поздно учить. Наоборот, эти дни (экзаменов) постарайся ни о чем ей не перечить и освободить ее от всех дел, кроме подготовки и зачетов...

Обязательно привези Линушкин дневник за весь год и аттестат экзаменов. Если у нее не все ладно и она будет стесняться, то не говори ей ничего, а просто молча возьми с собой и все. Эту «пропажу» на одно воскресенье она не заметит. Привези обязательно.

Хотя и говорят, что первый блин комом, но все же сразу после первого экзамена напиши, как он прошел. Если первый пройдет удачно, то она успокоится и дальше пойдет легче, а если плохо, то ни в коем случае не ругай, а пошли или, еще лучше, сама с ней сходи в кино и в парк погулять (тебе это тоже только польза), подбодри, успокой и благослови на следующий экзамен...

За меня расцелуй ее и ни пуха, ни пера!..»

«Родинка, дорогая моя!

Как доехала? Не простудилась ли? Все время думаю о твоих ногах (ведь туфли совершенно мокрые). Напиши быстренько, как здоровье, беспокоиться буду до получения письма.

Долго думал о Туапсе. Ты рассказала, что это будут сборы РСФСР. Вообще, конечно, хорошо что там с Линушкой будешь ты сама. Но удобно ли это? Не скажут ли, что вот только из-за дочери согласилась ехать тренером. Не будет ли Линушка чувствовать себя неловко? Подумай об этом. Кроме того возиться с этими лоботрясами не так легко, ведь кроме тренерства тебе придется быть нянькой с этой оравой, что не легко. Подумай хорошенько еще раз и напиши. Конечно, в отношении финансов очень заманчиво, да и море ты любишь, но удастся ли тебе отдохнуть в такой компании, не измучаешься ли окончательно. Смотри, родная, сама.

Жду писем, родная моя. Хоть они как-то заменят мне эту вынужденную долгую разлуку. Пиши, милая. Будь спокойна, ни о чем не беспокойся, все хорошо. Не переживай и не думай и пусть будет легко у тебя на сердце.

Черт знает что, только сегодня расстались, а как будто уже очень давно тебя не видел — уже соскучился. Сегодня решил пораньше лечь спать. Сейчас 9 ч. 30 минут вечера, 21 мая. Кончаю тебе писать и ложусь спать. Будь здорова, дорогая. Спи спокойно и увидь хороший сон.

Крепко, крепко целую. Всегда твой Василь».

«27.5.56 г.

Родная моя!

Письмо твое, как и всегда, действует на меня, как бальзам. Настроение поправляется и все кажется не таким сложным и трудным.

Очень рад, что у тебя все хорошо. В отношении отпуска ты решила правильно, с детьми — это не отпуск. Отдохнуть тебе

надо и отдохнуть как следует... Любым путем надо достать путевку в Кисловодск. Не морщи носа! Да, там нет моря, но там есть все, что тебе гораздо нужнее. Не забывай о своем сердце, да и остальные хвори лечить лучше всего в Кисловодске. Конец августа и начало сентября в Кисловодске очень хороши: много фруктов, отличная погода и, самое главное, нет такой жары, как в июне-июле, которая плохо действует на сердечников (особенно при лечении). Напиши мне, какие возможности достать путевку?

Санаторий Мин. обороны — лучший в Кисловодске и в Ессентуках. Вот в один из этих санаториев и надо любым путем достать путевку. Мне кажется, что при врачебном заключении можно было бы достать (купить, конечно) путевку не на месяц, а на полтора или два. Твоя печень и т. д. дают право на более продолжительное лечение и этому надо посвятить все. Не жалей на это своих тряпок. Надо вылечиться и кончить разговоры о болезнях, мешающих тебе стать тем, чем ты не стала.

Напиши, сколько стоит такая путевка (на 1,5–2 месяца) и что ты думаешь делать в отношении своего лечения до отъезда в Кисловодск или Ессентуки. Время терять не стоит и, по-моему, надо начать лечиться здесь, а в санатории закрепить курс лечения и стать полноценно здоровым человеком...

Ты спрашиваешь, «как у тебя дела, пиши». Слухаюсь, ваш бродь!.. Дела идут, контора пишет, а касса деньги выдает.

Все по-старому. Однотонная жизнь и дела. Единственное, что спасает — это работа. Без работы просто извелся бы. Держусь, стараюсь бодриться и не показывать вида, как мне тяжело находиться вместе с действительной сволочью (в полном смысле этого слова). Единственное, правда, очень непродолжительные беседы с Давидом Ивановичем и еще более редкие — с Тимофеем Миновичем. Это единственные случаи, когда разговариваю с людьми. Остальные, сама понимаешь, какие у меня могут быть с ними общие интересы, а следовательно, и разговоры.

Живу от письма до письма от вас с Линушкой и от свидания до свидания с тобой, родинка.

Ты пишешь, «ходила в магазин, тебе купила сандалии, не знаю только — подойдут ли, мерила на свою ногу». Самое главное, что не забыла, а сандалии натянем! Даже такая мелочь в этом положении радует. Любая мелочь, дающая понять, что тебя помнят, заботятся о тебе, поистине приводит в телячий восторг. Может быть и глупо радоваться и так возвеличивать простую хозяйственную мелочь, но все же приятно, очень приятно. Раз мерила на свою ногу, значит, запомнила, что самые мои любимые туфли были твои красные стоптанные, а раз вспомнила это, значит, вспомнила и меня, подумала обо мне...

С какой радостью уехал бы сейчас куда-либо в лес, в сторожку и пошли бы все эти люди ко всем чертям. Звериные законы куда благороднее. У них нет интриг, все ясно и просто. А тут на нашей планете человеческой говорят одно, а подразумевают другое. Не дипломат я и никогда не смогу им стать, да и не хочу. Вся моя идиллия заключается в возможности существовать и подальше от всех этих интриг. Устал я от всех этих хитросплетений, недоверия, выдумок, от всей этой мишуры. Хочу отдохнуть, и кроме тебя никто мне не нужен!

Сегодня на кладбище (из окна слышно) запел соловей. Вспомнил я веранду и попытки записать соловьиное пение. От этих воспоминаний защемило.

Ты пишешь: «пиши, родной мой, не грусти, убедительно прошу, помни мои слова». Взаимно, родная моя.

Крепко целую и обнимаю. Твой Василь.

Пиши чаще, родинка!»

— Письма шли чуть не каждый день. Я приезжала к Василию раза два-три в месяц, он видел, что я устаю, успокаивал, строил планы, мечтал руководить спортивной работой, оговариваясь — «если разрешат», — долгими часами наших встреч, вроде и не собираясь ворошить прошлое, снова и снова Капитолина Георгиевна возвращалась к Василию, свиданиям с ним за стенами Владимирского централа, которые помнила до всяких подробностей и, рассказывая о которых, обычно повторяла: — Так было хорошо тогда...

Тюремщики меня встречали приветливо, пропускали с продуктами — не проверяя их. «Мы вам доверяем, — говорили и, можно сказать, по-дружески просили: — Только коньяк не приносите...»

Интересно, вот, как ел Василий — очень медленно, мясо нарезал мелкими кусочками — так его и Светку немка приучила. А я не умела так. Василий мне подсказывал, как надо. Даже в тюрьме он остался верен этой привычке...

Работая над книгой о выдающемся летчике-испытателе нашего времени Александре Васильевиче Федотове, мне довелось встретиться с генеральным конструктором фирмы «МиГ» Р. А. Беляковым. Уже как почетный член коллектива ОКБ, Ростислав Аполлосович только что перенес инсульт, но был на боевому посту и в его кабинете мы говорили о грустном положении некогда знаменитой фирмы.

Я знал из рассказов Капитолины Георгиевны, что в свое время Василий и Слава Беляков дружили. Великолепный спортсмен, чуть ли не чемпион страны по горным лыжам, Ростислав Аполлосович был душой любой компании. Василий тоже не

отставал — как нынче говорят, энергетика из него перла во всю — без «травки». Он знал множество еврейских анекдотов, смешил местечковым акцентом, забористым русским слоганом. Вот один: «Рабинович попал на выставку современной живописи. Ходит от картины к картине и восхищается: «О, удивительно!.. Просто прекрасно!.. Восхитительно!.. Шедеврально!.. О. таки уса-ца-ца можно!..» Люся, жена Белякова то и дело просила: «Вася, ну прекрати ты свой фольклор!..»

Во время войны Люся с матерью работали в госпитале. Однажды привезли безнадежно раненного бойца, и они выходили, подняли его. Это был Слава Беляков... Капитолина Георгиевна припомнила, как Люсе достался щеночек королевского спаниеля: «Бельгийская королева подарила чудесного спаниеля Иосифу Виссарионовичу. Отдали моей маме. А я потом щеночка — Люсе...»

Возвращаясь во время давно ушедшее, Капитолина Георгиевна то оживлялась и мы вместе смеялись над проделками в воздухе летчика Сталина — порой, очень не безопасными, то неожиданно замолкала. Тогда словно темная тучка проплывала по солнечному небосводу и, как бы проговариваясь, про себя, Капитолина Георгиевна обрывала ровный строй повествования: «Об этом я никому не расскажу. Унесу с собой...»

Но вскоре, смахнув с лица печаль и что-то тяжелое, недосказанное, она возвращалась к лучшему, что было в жизни с Василием и, казалось, снова была молодая, снова звонко смеялась анекдотам ее Василия.

— На госдаче «Бочаров ручей» у нас всегда было весело. Слава с Люсей, мы с Василием, Светка с Юрой, дочка Шверника — все рядились в абиссинцев, дурачились. А Слава еще хорошо читал стихи. Молодость... Хотя все ведь пережили тяжелую войну...

Капитолина Георгиевна вспоминала, как целой компанией ходили на пляж, гоняли на скутере за моторной лодкой. А еще было кино. На послевоенных экранах тогда появились трофейные фильмы — немецкие, австрийские, американские.

— Они попали к нам, благодаря Сталину. Помните, «Девушка моей мечты», «Индийская гробница», «Серенада солнечной долины»?

Как не помнить! «Маленькая мама», «Багдадский вор», «Петер». Некоторые смотрел по несколько раз. А на «Девушку моей мечты» с Мариной Рокк в роли звезды варьете Юлии Кестнер пацанов до 16 лет не пускали, но мы как-то пролезали и без билетов. Все с удовольствием смотрели и приключенческие картины, и музыкальные с участием знаменитых певцов Карузо,

Джилли. Они были развлекательные, но с нынешней американской дребеденью или михалковскими «цирюльниками» и сравнивать нечего!..

Ростиславу Аполлосовичу при той нашей встрече я передал привет «от Капы», подарил книгу о Василии Сталине и вдруг лицо его изменилось, как-то болезненно задержалось — он плакал...

Капитолина Георгиевна много еще рассказывал мне о друзьях, об окружающем их семью мире домашних животных, собаках, голубях, в которых Василий знал толк.

— Подведет, бывало, и начинает объяснять: «Этот — чистый, этот — нет». Вот были у нас два неуправляемых индюка. Василий подойдет, поговорит с ними — и как-то все получалось. А когда выпьет, уходил, порой, ночевать к лошади. Сильно любил лошадей...

Не в тему, как говорится, здесь все эти подробности из жизни сына Сталина. Но, коль уж отвлекся, начал отступление с собачки бельгийской королевы, собаками и закончу. Значит, Капитолина Георгиевна рассказывала, что у них были овчарка по имени Бен и охотничья собака Барри.

— Вася научил Барри из кухни приносить в зубах бутылку водки. А Бен раньше принадлежал Герингу. Огромных размеров, эта овчарка любила сидеть на стуле рядом с хозяином. Если ей кто-то не нравился и, по ее мнению, мог обидеть Васю, она начинала грозно рычать. Более преданного существа, казалось, не могло и быть.

Перед арестом, о котором Василий Сталин догадывался и к которому готовился, зная, как чекисты лихо проводят конфискацию всего хозяйства, он не мог сдать им своего верного друга — и застрелил Бена... Вот уж повод нашим либералам поерничать о злом грузине и его сыне: «Весь в батюшку...»

Тут, кажется, самое время прибегнуть к еще одному авторскому отступлению, которое поможет нам, в какой-то степени понять внутренний строй, характер героя нашего повествования. Отступление это — графологическое исследование писем Василия Сталина, которое провела известный московский графолог О. А. Балла. Ей я передал несколько писем с разрешения Капитолины Георгиевны, и вот такое заключение специалиста:

«СТАЛИН Василий Иосифович.

Очень энергичен, упрям, вспыльчив, агрессивность выше средней. Весьма ориентирован на внешнее самоутверждение. Очень ценит независимость. Лидерства над собой не принимает.

Влиять на него практически нереально; подавлять — тем более. На попытки подавления его (или на то, что ему таковыми

кажется) реагирует резко агрессивно; вообще характерна активная форма защиты. Чужой поддержки не ищет, характерна опора на собственные силы. Очень вероятен вкус к риску, к созданию и проживанию нестандартных ситуаций. Монотонности не принимает; необходимость заниматься монотонной деятельностью приводит к резкому росту внутреннего беспокойства. С удовольствием работает в режиме «импровизации». Способен быстро принимать решения. Смелый; не теряется в ситуациях опасности (это значимо для его образа себя), не озабочен самосохранением. Весьма вынослив; может иметь вкус к большим нагрузкам.

Формальная организованность вряд ли относится к числу его наиболее сильных сторон; ему может быть свойственна некоторая «разбросанность» деятельности, склонность заниматься несколькими делами одновременно; но в достижении важных для него целей настойчив, ради этого умеет «собираться». Не прагматик (при этом, несомненно, ему гораздо более интересно заниматься устройством конкретных практических дел, чем теоретизированием и созерцанием — при том желательно, чтобы эти дела требовали достаточно больших умственных усилий — легкое ему не интересно), не педант, имеет вкус к широким жестам.

Интеллект высокий, можно предполагать широкий кругозор, ориентирован на активное добывание информации. Некоторая грубоватость мышления связана скорее с характером полученного образования, чем с природными данными. Очень склонен к категоричным оценкам и суждениям, которые в большой мере диктуются сильными душевными движениями (обусловлено скорее темпераментом, чем недостатком сложности мышления — последнее достаточно сложно; умозаключения не стереотипны). При этом характерна некоторая негибкость сознательных установок, большая определенность в пристрастиях, которая может принимать форму и неприятия (в том числе, достаточно агрессивного) того, что не вписывается в его ожидания. Мышление в очень большой мере образное, достаточно точное и дисциплинированное, хотя и не без прихотливых ассоциативных «скачков»; обладает сильным развитым воображением. Память сильная и точная; особенно хорошо помнится то, что представляет для него эмоциональную значимость.

Чувственное восприятие и доставляемые им впечатления играют очень значительную роль в его мировосприятии. Экстравертирован, нуждается в большом объеме ярких и разнообразных впечатлений. При этом внутренняя жизнь интенсивна. Эмоциональная сфера богата и развита, чувствует

ярко, глубоко и достаточно тонко. Можно предполагать довольно большую склонность к эмоциональной неуравновешенности, которая отчасти компенсируется сильной волей. Очень вероятна высокая тревожность.

Контактен, для него характерна роль инициатора контактов (вообще иницирующая роль в формировании общения и отношений). Привязывается сильно; его отношения со значимыми для него людьми эмоционально насыщенные и неровные. Эгоцентричен, это осознает и принимает в себе; это, однако, не лишает его способности быть добрым, сочувствовать, быстро включаться в чужие эмоциональные состояния; может получать удовольствие от устройства чужих дел (альтруизм входит в его систему ценностей и в других неизменно замечается и оценивается). Вероятно, многие воспринимают его как доброго, хотя и нелегкого в общении человека. Вместе с тем умеет производить и впечатление человека легкого тем, что быстро включается в общение, быстро идет на сокращение дистанции (правда, эту дистанцию предпочитает определять сам и сокращать ее в одностороннем порядке, не подпуская к себе особенно близко и не допуская панибратства — всегда сохраняя некоторое свое доминирование). Попытки нежелательного сближения пресекаются очень резко. Видимо, способен быстро устанавливать контакт с достаточно разными по типу людьми; в частности, с младшими по возрасту. С этими последними может легко создавать убедительную для них иллюзию общения на равных (благодаря непосредственности поведения). В нем легко воспроизводятся самочувствие и модели поведения, соответствующие более ранним возрастным состояниям (что не означает инфантильности — повзрослел, в том числе приобрел самоощущение взрослого человека, способного и вынужденного опираться на собственные силы — довольно рано; очень возможно, в молодости было время, когда он чувствовал себя старше своего календарного возраста). Его эмоциональная интенсивность, в том числе внешне выраженная, создает о нем впечатление как об открытом человеке.

Для него является привычным чувствовать себя сильнее и ярче своего окружения (это значимо для его образа себя). В группе легко оказывается в центре внимания, может быть неформальным лидером. Артистичен, разнообразен в поведении. Поведение, вероятно, непосредственное, свободное, не исключено, что несколько грубоватое, иногда с подчеркнутой размахистостью. Весьма не чужд демонстративности. Скорее всего, способен быть интересным собеседником, но может несколько «забивать» собой партнера по общению (в силу его

энергетического избытка вообще), особенно если речь идет о том, что его так или иначе сильно задевает. Нуждается в большом объеме общения, в самовыражении, в том, чтобы быть заметным. Видимо, одиночества не любит и быстро начинает в нем тосковать. Скорее всего, для него характерен достаточно широкий круг общения и привязанностей. Ценит дружеские связи и нуждается в них; тем не менее может брать на себя роль инициатора в разрыве отношений. Вообще к другим требователен и в свете этой требовательности может весьма категорично их оценивать (и достаточно прямолинейно такие оценки высказывать); вместе с тем ему доставляет удовольствие быть великодушным — и оцененным другими в этом качестве. В людях ценит сочетание силы и эмоциональной яркости, способность отвечать ему эмоциональными реакциями сопоставимой (с его собственными) силы — без того, однако, чтобы оспаривалось его доминирование.

Специально внимания других не ищет, тем более не заискивает и не ломает своей естественно складывающейся линии поведения, если она кого-то не устраивает. При этом умеет располагать других к себе. Конформизм отнюдь не характерен; необходимость вписываться в заданные извне рамки вызывает сильный внутренний протест, в силу чего такое «вписывание» вряд ли может быть вполне эффективным.

Очень уверен в себе, степень самопринятия высокая. Расположен к самоанализу, способен к самокритичности. Очень самолюбив, поэтому критику его действий со стороны других воспринимает весьма болезненно, может реагировать агрессивно, спорить с ним, надо полагать, трудно, — хотя он, благодаря интеллектуальной сложности способен быть восприимчивым к рациональным аргументам — эмоциональные часто оказываются для него более значимыми. Свою точку зрения активно отстаивает».

Я читал Капитолине Георгиевне выводы специалиста-графолога, она комментировала текст по ходу, а потом заключила:

— Все в точку. Очень сложная натура Василий. Влиять на него было почти невозможно. Он, порой, принимал такие решения, что иной и подумать бы так не мог — и страшно, и здорово! Человек он был непредвиденный: не знаешь, что будет через минуту. Всегда нужна готовность парировать, сдерживать его поступки...

Капитолина Георгиевна рассказала случай, который не вписывался в правила хорошего тона. А мне, положив руку на сердце, подумалось о другом — как все же прекрасна жизнь в

небе! Пусть хоть на миг, но ты оставляешь эту грешную землю и один на один со стихией, очищаешься от всего наносного, мелкого, подлого, словно исповедуешься перед самим Богом.

— ...Так вот, мы летели в Сочи. Я настраивалась отдохнуть, поплавать вдоволь. Василь сидел рядом, дремал, но просил разбудить его, когда пролетим перевал. Я и сама-то заснула, а пробудилась от какой-то тяжести — меня вдавливала в спинку сиденья неведомая сила. Это была перегрузка... Василя рядом не было, я поняла, что он в кабине пилотов и в следующее мгновение оказалась в воздухе! Оно было быстротечно — какие-то секунды, потом я грохнулась о дверцы кабины, ухватилась за кресло и в бортовое стекло увидела, как машина падает вниз... А внизу было море и, помню, как все лодки, катера, пароходы начали расплываться в стороны.

Самолет вышел из пикирования над самой водой. Запомнились еще бледные лица летчиков. «Чуть не погибли!» — заметил после приземления командир экипажа. А Василий смеялся: «Это я Капе показал «мертвую петлю».

Куда как круче в жизни летчика Василия оказалась петля другая...

Вернемся в тюрьму. 5 марта, в день, по официальному сообщению, смерти Иосифа Виссарионовича, Капа приехала в очередной раз на побывку к своему зэку и сообщила, что у них может быть ребенок. Ох, этот месяц-март! Такой трагический и счастливый в судьбе летчика Сталина...

— Вася так обрадовался, так просил меня сохранить плод нашей любви, — вспоминала Капитолина Георгиевна, — что сразу же, как я уехала, принялся писать письма всем теткам, моим близким, чтобы подействовали на меня и уговорили рожать нашего общего с ним дитя...

Капа говорила Василию о житейских трудностях, дороговизне жизни при Хрущеве.

— Цены на продуктовые и промышленные товары росли. Жизнь дорожала. Работать приходилось с 9 часов утра до 9 часов вечера. Как можно было рожать, когда отец в тюрьме, а я получала каких-то 125 рублей, — с горечью о былом свершившимся говорила Капа и припоминала, как Василий просил ее потерпеть, как отправил кагэбешнику Серову письмо — чтобы тот разрешил продавать конфискованную у них мебель. — Но было еще и другое, главное, что не позволяло мне сохранить ребенка: Василий не состоял в разводе со своей официальной женой — Екатериной Тимошенко...

А. Бурдонский, вспоминая мачеху, рассказывает о ней, как о женщине властной, жесткой: «Жизнь Екатерины с отцом —

сплошные скандалы. Я думаю, он ее не любил... Очень расчетливая, она как и все в своей жизни, просто просчитала этот брак.

Надо знать, чего она добивалась. Если благополучия, то цель, можно сказать, была достигнута. Екатерина вывезла из Германии огромное количество барахла. Когда отец Екатерину выставил в 1949 году, ей потребовалось несколько машин, чтобы вывезти это добро.

А потом у отца появилась третья жена — Капитолина Георгиевна. Она была единственной в то время, кто по-человечески пытался помочь отцу...

Сохранилось несколько писем по поводу того, как решался вопрос о разводе Василия с Екатериной Тимошенко. Тысячи преград поставили ему в том деле. Деле, которое для брака с медсестрой Нузберг решилось без всяких проблем — за пару дней. Как вы думаете, почему?..

Однако вот письма Василия.

«22 мая 56 г.

Мать!

Посылаю тебе записку на имя Полянского. Надо ее передать лично ему, с женой дела не имей. Он, очевидно, приезжает в Москву, а если нет, то узнай его адрес и пришли мне. Записку имей все время при себе и при первой возможности передай ему. Я буду делать это дело и другим путем, но через Полянского можно было бы сделать быстрее и без лишних разговоров. Есть еще один вариант — это сходить тебе самой в суд и взять копию приговора, но это надо делать, получив от меня просьбу о выдаче копии, так как тебе могут не дать. Обсудим этот вариант 10 июня, а просьбу в суд я приготовлю. Шли быстрее адрес Екатерины Тимошенко. Светлану ждать долго.

Да, по поводу 10 июня. Во-первых, поезд, на котором ты собиралась приехать 20 числа, отменен с 15 мая. Так что надо точно знать час твоего приезда 10 июня. В принципе, я уже договорился, но теперь надо время приезда. Давыд Иванович очень любезно не требует предупреждать за неделю, а за пять дней. Такую любезность надо ценить и не подводить с прибытием. Так что максимум 4 июня я должен сообщить точное время твоего прибытия, дорогая моя...

Хорошо бы Светлане сказать, как только она появится на горизонте, чтобы она по дороге узнала, как дела у Николая Владимировича. Жив он или отдал душу Богу? Вообще, как только Светлана появится — гони ее ко мне.

Вот пока и все, что я могу тебе сказать, вернее, написать. Время тянется, как старая кляча. Грущу и жду тебя. Сегодня

поглядел на календарь и так далеко показалось это 10 июня, что настроение испортилось.

Пиши, как здоровье, как дела. За меня не беспокойся.

Жду писем от тебя и Линушки. Расцелуй ее.

Крепко целую. Василь».

Полянский был адъютантом генерала В. И. Сталина и через него Василий Иосифович хлопотал о деле развода с Екатериной Тимошенко. Фактически-то он с ней давно уже не жил. Василий считал, что человеческие отношения важнее всяких юридических формальностей, но условия, в которых он оказался, требовали пересмотреть и формальную часть личной жизни.

Вот письмо бывшему, адъютанту:

Полянскому — о прекращении брака

«22 мая 1956 г.

Виктор Семенович!

Надо сходить в суд. Попросить поднять архив и переслать мне копию решения о разводе с Е. Тимошенко. Ты знаешь адрес и кто был председателем. Не поленись и сделай быстренько. Полученное запечатай в конверт на мое имя и передай К. Васильевой, а она передаст мне.

Если архив похерен или будет какая-либо неувязка и ты не получишь копию решения суда (что было бы очень печально — надо постараться и получить), то пришли мне справку — сам вспомни: когда и кто председательствовал, а я тогда официально запрошу через соответствующих людей, но это делать не хочется. Самое лучшее — если бы ты прислал копию приговора.

До скорой встречи.

В. Сталин».

Дело с разводом затягивалось. Василий переживал, нервничал и в письмах его боль и тревога за самое дорогое, что у него еще осталось — любовь к Капе Васильевой...

Спустя месяц он пишет:

«20 июня 1956 г.

Капа!

Оба твои письма прибыли после моего — к тебе. Что я могу добавить к написанному? Ничего.

Если ты можешь приехать 24-го, то прошу тебя — приезжай. Личного свидания не будет, но поговорить мы сможем, а это очень нужно. Не делай глупостей!..

Подробно поговорим при встрече.

Самое главное — успокой Линушку.

Василь.

Черт бы побрал эту проклятую жизнь!»

«Здравствуй, родинка!

...Ни в чем я тебя не обвинял и не обвиняю. Ты это знаешь. То, что сделал — надо было сделать. Другого выхода в тот момент не было. Сделал правильно — для нас же. Объяснить в письме подробно невозможно.

Разве эти подлецы могут понять, что происходит тяжелейшая, труднейшая борьба за существование, за жизнь, за любовь. Разве поймут острословы, любители сенсаций, что не при всех обстоятельствах форма этой борьбы бывает благообразна. Мне сейчас наплевать на формы — важна суть.

Ты хотела «свободного Василия» и ты его получишь. А как это будет сделано — не все ли тебе равно?.. Твоя горячность подтверждает, что я верно поступал, взяв все только на себя. Мне не страшно мнение всех (как это пишет Светлана), я слишком хорошо узнал цену этому мнению, чтобы обращать на него внимание. Но мнение твое — для меня все... Светлана набросилась на меня, «взорвавшись», как она пишет, после твоего телефонного звонка. Дело ее — взрываться или не взрываться, но, по-видимому, ты немало способствовала накоплению гремучего вещества в ней для взрыва. Если ты считаешь, что правильно поступила — дело твое. Но, думаю, что надо было сначала приехать, окончательно все выяснить и только потом, может быть, и в более резкой и обличающей форме выступать.

Светлане и так досталась не легкая жизнь. Силы ей очень и очень нужны, а тратить их на беспричинные «взрывы» не вижу смысла. Ее энергия пригодится на более существенные и полезные вещи. Суть в тебе, а не в Светлане, в наших взаимоотношениях. Нам решать.

Не следовало мне писать это письмо сейчас, надо было для пользы дела еще немного подождать, но ты вынудила меня поспешить. Чувствую, что ты в своем гневе беспричинном можешь залезть в такие дебри, из которых не выберешься.

Думай, мать, решай... Слово и дело за тобой.

Жду Василь.

1.10.56 г.»

И Капа решила — она сделала аборт...

— Узнав об этом, Василий не находил себе места. Он был просто в бешенстве! Метался, кричал на меня, потом сник и в ту встречу мы расстались, так что-то и не договорив... — спустя годы вспоминала Капа те напряженные дни. А тогда, в начале июля, Василий объяснял сложившуюся ситуацию Лине:

«На мать особенно не следует взваливать вину в том, что произошло. Больше всего виновата обстановка, в которую я попал... Когда обстановка будет другая, она многое поймет и только от нее будет зависеть дальнейшее. Поэтому, дорогая моя,

надо облегчить жизнь матери — хотя бы в том, чтобы у тебя было все в порядке...»

Обстановку для выяснения отношений двух любящих сердец круче и не придумать! Вот в одном из писем Василий пишет: «Очень прошу тебя приехать, очень! Если тебе не хочется встречаться со здешними начальниками, учитывая нашу последнюю встречу, то это зря.

Во-первых, от них никуда не денешься. Во-вторых, они великолепно знают все мои переписки, встречи и т. д., а поэтому им известно мое к тебе отношение...»

В другом письме объясняет: «Нам не дали поговорить так, как хотелось бы, потому что видели твою взвинченность. Следовательно, стоит приехать, успокоившись. Спокойно попросить свидания и спокойно поговорить. Основная твоя вспышка прошла и, думаю, что разговор состоится спокойный и деловой. Конечно, если ты приедешь опять в таком настроении, то опять нам не дадут поговорить одним, а при даже таких посторонних, которые все знают, как П.П., сама понимаешь, интимные разговоры не получатся...»

Вспышка-то была не без оснований. Начальство централа, действительно, знало и переписки сына Сталина, и всех, кто его посещал. Капе тюремщики шепнули, по секрету, что на личном свидании у зэка Васильева была Тимошенко. И вот реакция Капитолины:

— Тогда я решила все оборвать. Свидание последнее состоялось официально — в присутствии начальника тюрьмы. Я просила его не передавать мне никаких писем. Детям объявила о своем решении — чтобы и они имели ввиду...

А Василий все успокаивал:

«Мать! Не пори горячку. Надо добиться, чтобы нам дали поговорить наедине, а после твоего последнего приезда это не так легко добиться — многое будет от тебя зависеть. И, по меньшей мере, разглагольствуй со «всевышним». К несчастью, будет опять он, т. к. Козик в отпуске. С одной стороны, это лучше — легче, мне думается, дадут поговорить наедине. Но, с другой стороны, могут сослаться на отсутствие Козика и не дать поговорить наедине. А разговор при них, сама понимаешь, чушь.

Напиши все, что хочешь — чтобы только я знал, и всунешь незаметно. Лучше всего приехать в рабочее время с 9.00 до 17.00, т. к. будет Крот, а с ним проще говорить. К тому же, в рабочее время они будут выходить (если не дадут наедине) и в это время (их выходов) можно будет говорить обо всем.

Всех благ.

Целую Василь.

Посылаю с Вл. на тебя, т. к. не хочу, чтобы мои тебе упреки читали другие. Передай мои письма адресатам. Расцелуй бабуку и Линуху».

Но Капа перешла в глухую оборону. После семи лет совместной жизни она не могла простить Василию его тайных свиданий с другой женщиной. Если это была даже его бывшая жена. И в письмах к дочери Лине Василий находил свое утешение.

«29.3.57 г.

Здравствуй, дочурка!

Вот и наступило твое совершеннолетие. Теперь уже никто не может назвать тебя ребенком, который нуждается в няньках и ежеминутных подсказках — что и как делать. Страшно переживаю, что такое событие прошло без меня. Но все мои мысли и душа были с тобой, как всегда, так и в этот день.

Еще и еще раз желаю тебе, дорогая моя, счастья, успехов, здоровья и всего самого наилучшего в жизни.

Хозяюшка! Напиши, как прошел твой праздник, только подробно опиши. Сама понимаешь, что подробное описание торжества будет единственным утешением за мое отсутствие на нем...»

«9.4.57 г.

Здравствуй, дорогая Ленюся!

Очень рад, что пишешь правду — «ленилась сесть и написать письмо». Пишешь, что каникулы прошли скучновато. Но ведь это от тебя зависело, как провести. Что же тогда мне говорить, если тебе в Москве и скучновато? Ни черта не пойму. Видно, у тебя кавалеры, действительно, из «палеолита», если не смогли развеселить. Так гони их в шею и подбери веселых! Неужели и этим добром Москва бедна стала? Столько спортивных и увеселительных мероприятий было в Москве во время каникул, что скучать, по-моему, некогда было. Конечно, в хорошей компании, а не с сопляками скучными. Подобрала, наверно, каких-то пузатых тюленей — где уж там до веселости... Только сдобу, наверное, лопали без конца. Да в кино сидели, да у телевизора сидели, а двигаться когда? Вот и вышло скучно. Мать права, что спорт вселяет бодрость. А бодрость дает веселость. Линок, это закон. Но у тебя все еще впереди — леньность пройдет, жирок спадет, веселость и бодрость придет. Конечно, если ты сама за это возьмешься...

Мое самое большое желание — видеть тебя счастливой, веселой и в порядке. Очень рад, что День рождения прошел хорошо. Раз вступила в совершеннолетие весело, значит, и жизнь твоя самостоятельная должна быть счастливой. Дай Бог!...»

Минул еще год несвободы Василия Сталина. За тюремным окошком ворковали голуби, кричали грачи. Но в стенах Владимирского централа ничего не менялось. Было холодно, неуютно. Холодно было и на душе зэка Васильева...

«27.5.57 г.

Здравствуй, золотко!

Ну и погода!.. Все наоборот: в марте ходили раздетые, а в мае замерзаем. В такую погоду только пить — под Вертинского. Но он взял и душу Богу отдал... Прочитал об этом сегодня в «Советской России» и вспомнил его песенку: «А мы пьем горькое пиво...» Песенка очень неплохая и как раз к этой погоде и моему настроению. С фокусами был старик, но пел, по-моему, хорошо. Душевно, по крайней мере, а не орал, что есть силы, как это делают некоторые молодые «таланты». Чем сильнее орет, тем лучше — как такой петух. Тогда лучшими певцами должны были бы считать себя ишаки — уж орут-то они, действительно, непревзойденно.

Чтобы согреться — замерз! — сегодня и после работы работал. «Впихнул» в рамку твое Величество. Получилось неплохо и настроение поправилось хоть немного...»

«30.8.57 г.

Добрый день, Линок!

Очень и очень рад за тебя, дочурка! По духу твоего письма нельзя не понять, что ты очень довольна, а это самое главное.

Судя по тому, сколько мест ты посетила, прямо скажем, что время зря не теряла. Молодец! Так и надо всегда поступать. О том, что ты похожа не негритоса, Лидуня мне уже написала. Это замечательно. А что волосы подвыгорели — это не беда. Кто тебя любит, для тех ты в любом виде и всегда дорога...

Заходила ли в храм в Новом Афоне и видела ли осла? Осел там знаменитый. Всем ослам осел. Откуда не зайди, он все время смотрит на тебя. Или ты была занята другим делом и тебе было не до храмов?..

Рица! Да, ты права: Рица есть Рица!.. Твое мнение, что дорога на «Красную поляну» интереснее, чем на Рицу, верное. Дорога на «Красную поляну» — это Кавказ, а дорога на Рицу более походит на Альпы. Дорога на Рицу более проста, а на «Красную поляну» более дикая — экзотики больше. Мне тоже больше по душе природа «Красной поляны» и особенно дорога, хотя по другим соображениям Рица дороже...

Молодец Линуська! Уж тут никак не назовешь тебя Ленусьской — размахнулась, как надо. А если к этому и голову не потеряла, тогда совсем хорошо. А то ты ездила по таким дорогам и на таких высотах, что голова могла закружиться. Бывает,

Линок!..

О себе писать особенно нечего. Дважды за это время меня прихватывал грипп, но оба раза как будто все прошло благополучно.

Пиши, золотко, чаще. Шли карточки. Всех благ, дорогуля.

Крепко, крепко целую.

Папка».

«10.1.58 г.

... Новый год я встретил один и очень скучно. Единственный просвет — это приезд Надюшки. Не в обиду будет сказано, она не испугалась дороги. Поговорить удалось недолго, но впечатление она на меня произвела очень хорошее. От той Надюки косолапой ничего не осталось. Красивая взрослая дева...

Самый первый твой кавалер не приехал, так как, как и ты, все каникулы проболел ангиной. Но обещал приехать, как только поднимется с кровати.

Вот и все мои новости. Все остальное по-старому, без изменений...

Крепко, крепко обнимаю и целую.

Папка».

«Линушка, дорогая моя!

Как видишь, жизнь очень сложная штука. Но не следует вешать нос. Мне хочется подробно остановиться на том, кем тебе быть, к чему себя готовить, чему посвятить жизнь. Вопрос этот очень серьезный и решать его, безусловно, нужно не торопясь, продумав, как следует все... Действительно, трудно выбрать, т. к. очень много прекрасных специальностей и хочется выбрать лучшую, а какая это лучшая — трудно сразу разобраться.

Дорогая моя! Есть специальности узкой спецификации, а есть науки, которые охватывают целый комплекс специальностей и даже все развитие человеческого общества. Если ты хочешь послушаться моего совета, то не замыкайся в какой-то одной узкой специальности, не привязывай себя на всю жизнь к геологическим образцам, самолету, строительной площадке и т. д. Выбери специальность более всеобъемлющую. Такими науками (специальностями) являются, к примеру: юриспруденция, история, география, журналистика.

Почему я подчеркнул журналистику? На протяжении всей жизни ты не связана с определенной специальностью, заставляющей сидеть на одном месте, а можешь бывать везде, где интересное дело. Это даст возможность широко развить свой кругозор, не замыкаться в узком деле. Быть журналистом — это значит быть вездесущим, все знающим человеком. В то же время такая специальность не заставляет тебя отдуваться за кретина-

подчиненного, который тебя подвел. Ты помогаешь обществу, подметив недостаток, освещаешь его в печати — тем самым помогаешь исправить его и в то же время не несешь ответственности за финансы, людей, план и всю эту трудную и неблагодарную путаницу, в которой очень легко споткнуться. Вместе с тем ты многое знаешь, видишь, делаешь для себя выводы, учитываешь промахи других и мотаешь сии промахи себе на ус. Кроме того, через 4–5 лет ты уже смогла бы посмотреть на мир, побывать в Европе и других частях света...»

В марте пятьдесят восьмого Василий получил от Капы неожиданное письмо. Что и говорить, смятение чувств, охватили сердце старого солдата. Ответ его был на восьми страницах, в которых и нескрываемая горечь обиды, и радость, и надежда, что все еще вернется и они снова будут вместе, и все у них будет хорошо, как раньше...

«Здравствуй!

Спасибо за письмо. Очень тронут, что не забываешь...» Вот так. Обращение даже без имени. Шибко рассердился Василий Иосифович на Капу. Но тут же, через несколько строк: «Неужели ты не понимаешь, что любое твое письмо дорого мне! Ведь в любом случае ты не чужая для меня. Как бы не решили мы свою дальнейшую жизнь — вместе или порознь? — твоя боль будет моей болью и всем, чем только могу, я буду помогать тебе...

Лучшие мои дни, я подразумеваю семейные дни, были с вами, с Васильевыми. За одно то, что виновником этого являешься ты, кроме благодарности к тебе у меня нет ничего, не было и никогда не будет... Ты пишешь: «Я пришлю тебе при первой возможности все, что тебе надо». Ловлю на слове: запакуй (только в холодном, а не в горячем состоянии) кусочек Капы и пришли ее срочной посылкой с нарочными...

Если задержишься с приездом или решишь не ехать, то немедленно напиши письмо, из которого я пойму, что ты взяла себя в руки и выглядишь всегдашним молодцом. Но не обманывай в письме, не жалея меня. Терпеть не могу этой проклятой жалости...

Крепко тебя целую
Василь».

Вскоре от Капы пришло очередное письмо. Она ездила с командой пловцов в Киев и, по возвращению, сразу же написала о своих впечатлениях от поездки. Василий отвечает:

«Рад, что настроение твое поправилось. Видимо, Киев вообще хорошо на тебя действует.

Город, действительно, красив!

Но настроение твое изменилось, скорее всего, не от этих

красот, а от встречи. Ты пишешь, что соскучилась по дому. Да, я понимаю тебя, тем более, что 27-го числа этого месяца исполняется ровно 5 лет, как я не был дома...»

Киев-то Киевом, и встреча с родным домом поднимает настроение. Но в глубине души у Капы, конечно, оставался горький осадок от того, скорей-то всего, доброжелательного к ней отношения и соучастия служивых Владимирского централа, когда они откровенно заложили зэка Васильева. Речь о визитах в тюрьму «маршалицы» Тимошенко Екатерины. Капа сначала издалека, как бы между прочим, спрашивает: «Кто тебя навещает и бывает у тебя?» Потом без всякой дипломатии и женского лукавства, со свойственной ей прямоотой, вопрос Василию в лоб: «Я интересуюсь, когда у тебя была последний раз твоя первая жена и когда вторая?» Но тут же деликатно Капа оговорила: «Если тебе не желательно говорить об этом, — не настаиваю...» Василий не скрывает правды от Капы:

«Почему не желательно?»

У меня нет тайн от тебя. Я тебя, дуреху, действительно, люблю!

Не навещают меня ни одна, ни другая. Екатерина не навещает и не пишет, т. к. каждая встреча кончалась руганью из-за тебя. Я не скрывал от нее да и ни от кого свое к тебе отношение.

Ее условие простое — бросить даже думать о тебе. А я этого не хочу! Была она в последний раз около года тому назад.

Галина приезжала два раза с Надей. Одна не приезжала. Оба раза в феврале этого года.

Никогда и ни перед кем я не постесняюсь тебя назвать человеком, которого я, действительно, люблю!..»

Вон ведь, как дело-то обстояло. А то — Нузберг! «Единственному»! От товарища Марии Нузберг. И Комитета ГБ... Этот комитет не забывал Василия Иосифовича.

В 1958 году здоровье его резко ухудшилось. В одном из последних писем Капе он осторожно намекает: «Судя по твоему письму, у тебя плохое настроение и тоскливо на душе... Не расстраивайся, мать, зря! Не в морщинках дело и нечего их так дотошно рассматривать. Года, конечно, идут, этого нельзя забывать. Но раскисать не следует.

Что же тогда мне делать, если пойти по линии раскисания? Ведь мне очень тяжело! Особенно сейчас — при встрече поймешь, почему. Ты вспоминай почаще, что есть люди, которым очень тяжело, и твои невзгоды будут легче переноситься...»

Главный кагэбешник Шелепин насторожился, доложил злопамятному Хрущеву, мол, Василий-то плох, как бы смерть

сына Сталина в тюрьме не вызвала скандала да не только в их царстве-государстве, а и за бугром. Тогда царь Никита дал свое высочайшее согласие: «Казнить нельзя миловать!» И Василия переводят в Москву, в знакомый уже ему Лефортовский изолятор.

«Казнить нельзя миловать»...

На том бы и закончить историю двух любящих сердец, проверенную и временем, и суровыми испытаниями их. Василия перевели в Москву, там его привезли к Хрущеву, который при встрече даже прослезился. Еще бы! Перед ним стоял уже не бравый летчик, боевой генерал, а изможденный, болезненного вида человек с реденькими волосами на голове — зэк Василий Павлович Васильев.

По свидетельству полковника И. П. Травникова, «при встрече и беседе Хрущев, кривя душой, положительно отозвался об отце Василия, даже говорил, что произошла ошибка при аресте Василия». Маленькая такая ошибочка — на восемь лет тюрьмы, о чем Никита Сергеевич будто только что и узнал...

11 января 1960 года по частной амнистии Василий Сталин вышел на свободу — на год раньше срока. Его сначала поселили в гостинице «Пекин», устроили на обследование в мединституте Вишневского. Профессор Бакулев не нашел у Василия каких-либо серьезных отклонений в организме: сердце работало как пламенный мотор, печень была в норме, если что и вызывало озабоченность специалистов, так это ноги. Сказывалось ранение давних лет.

Бакулев рекомендовал отставному генералу съездить в санаторий, отключиться от всего, отдохнуть там, как отдыхает все доблестное воинство, а в каком-то особом лечении, по его мнению, пациент не нуждался. Все двадцать дней пребывания в мединституте Василий и без того был окружен вниманием персонала. Особенно трогательно за ним ухаживала медсестра Нузберг, да так заботливо, с такой любовью шпарила уколы в ягодицы-то Василия Иосифовича, что это невольно насторожило работников института...

Капитолина Георгиевна с горечью вспоминала те дни:

— Я была у Светы. Вдруг звонит академик Вишневский и говорит: «Светлана, будьте осторожны, медсестра Нузберг из КГБ...» — и бросил трубку.

А Василий после того института так изменился... В тюрьме он проявил настоящие свои человеческие качества: мужество, доброту. Дал слово, что пить больше не будет — и не пил. А тут вдруг стал совсем другим человеком — агрессивным, нетерпимым. Ему дали на Фрунзенской набережной квартиру, 60 тысяч рублей и он предложил мне взять те деньги. Я отказалась. Отдай, говорю, своим детям. Предложил ехать с ним в Kislovodsk — я тоже отказалась. «Тогда, заявляет, возьму

Надю», — и слушать уже ничего не хотел. А девочке-то учиться надо было. С ней, однако, и укатил в санаторий...

После санатория, если точно, 9 апреля, Василий встретился с Ворошиловым. (Дальше события полетели на форсаже). Климент Ефремович повел дидактическую беседу — о том, что Волга впадает в Каспийское море, что лошади едят сено, что деньги надо хранить в сберегательной кассе, а водку пить вредно! То есть, летчик-истребитель Василий, по фамилии Сталин, отсидев, не за хрен, семь лет в тюрьме, должен был нацепить на шею бабочку, взять под крендель медсестру Нузберг и, в знак признания искусного владения ею медицинскими шприцами, — тащить подругу в консерваторию, где Изя Нахымович будет играть им на белом рояле.

Вот несколько строк диалога Клим Ворошилов с Василием Сталиным:

К. Е. Ворошилов: Почему к тебе лезут подозрительные люди, где гарантия, что они не подсланы врагами, зачем они тебе?

В. И. Сталин: Ко мне, действительно, много народа ходит. Вы правы, по лбу не узнаешь, кто хороший, а кто плохой.

К. Е. Ворошилов: В том-то и дело. Почему эти люди тебе сочувствуют, тебе поддакивают?

В. И. Сталин: Приходит много народа, во всех не разберешься.

К. Е. Ворошилов: Среди них есть сволочь и болтуны и возможно связанные с заграничными учреждениями. Твое имя враги могут использовать за рубежом в ущерб интересам страны.

В. И. Сталин: Я все это понимаю. Но я тут не виноват.

К. Е. Ворошилов: Гони прочь всех шептунов и включайся в общее дело советского народа...

В самом деле, кто бы мог узнать — «сволочь, болтуны» или хорошие люди были в то время, скажем, первый секретарь Ставропольского крайкома ВЛКСМ М. Горбачев или первый секретарь ЦК ЛКСМ Грузии Э. Шеварднадзе, первый заместитель заведующего Отделом пропаганды ЦК КПСС А. Яковлев или секретарь комитета ВЛКСМ Московского государственного университета Г. Попов?.. По лбу, действительно, разве узнаешь. А бороться-то за «общее дело советского народа» не они ли с кумачевых трибун зазывали?..

Короче, не внял боевой генерал увещаниям «дяди Клим». Восемь раз в беседе с ним Василий повторял просьбу об устройстве на работу: «Работать надо, прошу помочь», «я прошу, дайте мне работу», «тяжело сидеть без дела», «я буду отвечать не словами, а делами...» А Ворошилов крутил заезженную пластинку: «Мы строим коммунистическое общество, авторитет

которого и внутри страны, и за рубежом исключительно велик. И каждый советский человек должен...»

Василий: «Полностью с Вами согласен, мне надо исправляться, но для этого надо работать». А Клим — свое: «Тебе дадут работу, однако, прежде всего, ты должен стать другим человеком»...

Дальше события развивались молниеносно. Василий Сталин ждал неделю какого-то решения по поводу устройства на работу. А 15 апреля привычно, по-военному, он привел в порядок костюм, подправил усики, осмотрел себя в зеркале и решительным шагом направился прямо из гостиницы «Пекин» в китайское посольство...

После XX съезда с «Кузькиной мамой» Хрущева в адрес Сталина наше отношение с Китаем испортилось. Нет, не народа. Это кремлевская камарилья навязывала нам свои установки — как думать и что говорить о Китае. Никита, например, приказал участникам войны в Корее снять все китайские награды. При этом объявил, что это воля народа. Бойцы моего 439-го истребительного авиаполка, проще именуемого «китайским», вынуждены были снять ордена, потом сдали их в военкоматы — и все это по воле одного дуrolома. А сколько светлых воспоминаний о днях, проведенных в боевом содружестве да просто в общении с китайцами, осталось в сердце каждого из моих однополчан! И как мудро, пророчески сказал вскоре после того «знаменитого» хрущевского съезда Мао Цзе Дун: «Советские руководители совсем отказались от такого меча, как Сталин, выбросили этот меч. В результате враги подхватили его, чтобы убивать этим мечом нас».

Что получилось — видим. Вон как за тот меч-то уцепились все эти любимовы, михалковы, черномырдины... Вспомните, какой шок охватил их, когда в телеигре «Лицо России» народ выбрал Сталина. А китайцы, увязывая события полувековой давности с нынешним днем, открыто говорят: «XX съезд КПСС вместе со Сталиным опорочил и социализм как таковой; децентрализация привела к расколу в партии и обществе, к кризису доверия к социализму и возникновению антисоциалистического движения в стране... Именно Хрущев подготовил условия для появления могильщиков социализма — горбачевых, яковлевых и т. п.».

Да что говорить! Ветераны-сталинградцы к юбилею Великой Победы просили президента Путина вернуть Сталинграду его имя — куда-а там... Проще в Санкт-Петербурге храм знаний — государственную библиотеку именем Ельцина увековечить, паньмаш шта-а...

Вот так и тогда в Кремле решили вопрос перевоспитания — да и самой жизни! — сына Сталина. А Василий в китайском-то посольстве просил всего-то — разрешения на переезд в Китай с целью лечения ног, а заодно и трудоустройства там. На следующий же день он уже сидел в тюрьме. «Казнить нельзя миловать»!..

У кагэбешников был документ с обоснованием ареста хорошо известного им «Флигера»: «за продолжение антисоветской деятельности». Обошлось без Фемиды. Президиум ЦК во главе с «нашим дорогим Никитой Сергеевичем» дал установку: «водворить В. Сталина в места лишения свободы для отбывтия наказания согласно приговору Военной Коллегии Верховного суда СССР от 2 сентября 1955 года». Мало что амнистия. Передумали! И водворили. «Казнить нельзя миловать»! Фемида может отдыхать...

Так, лишь три месяца пробыл сын Сталина на свободе — и снова вертухай, стукачи, одиночество... Времени до Лефортовской тюрьмы на белую рояль с медсестрой Нузберг у Василия явно не оставалось. А в тюрьме — тем более. Свидания там ограничивались одним часом — два раза в месяц. Василия, к тому же, продолжала навещать Капа.

«В Лефортово это был уже другой человек, — делилась впечатлениями о тех встречах Капитолина Георгиевна. — Василия наверняка кололи каким-то психотропным составом...». В ответ на такие обвинения любимец российских либералов Никита Хрущев делал козью рожу — будто о каких-то «психушках» вообще ничего не слыхивал. Только вот сохранились показания свидетелей тех дел. Н. А. Григорович рассказывал о секретной токсикологической лаборатории Г. Майроновского, который сидел во Владимировке-то вместе с Василием. Григорий Моисеевич в свое время учился в Тифлисском медицинском институте, где вступил в еврейскую организацию «Бунд». Потом он примкнул к большевикам, которым и служил, не слишком-то терзая себя данной когда-то Гиппократу клятвой.

Григорович свидетельствовал, что Майроновский провел исследования ряда токсикологических веществ примерно на 100–150 заключенных: «Я или Щеголев только отвешивали яд, а Майроновский замешивал его в пищу и через работника спецгруппы давал заключенному».

Травили ядами сына Сталина или не травили — кто теперь скажет. Известно одно: спустя еще год заключения, он, по-прежнему, оставался для кремлевской братвы головной болью. Никуда не денешься — слишком много знал о них Василий Иосифович. Так что в начале апреля 1961 года под грифом

«совершенно секретно» в ЦК КПСС пришла такая вот записка:

«28 апреля 1961 года подлежит освобождению из тюрьмы в связи с отбытием срока наказания Сталин В. И.

За период пребывания в местах заключения В. И. Сталин не исправился, ведет себя вызывающе, злобно, требует для себя особых привилегий, которыми он пользовался при жизни отца.

На предложение, сделанное ему о том, чтобы после освобождения из тюрьмы выехать на постоянное жительство в гг. Казань или Куйбышев Сталин В. И. заявил, что добровольно из Москвы он никуда не поедет.

На предложение о смене фамилии, он также категорически отказался и заявил, что если ему не будут созданы соответствующие условия (дача, квартира, пенсия и т. д.), то он «молчать не будет, а станет всем говорить о том, что осудили его в свое время необоснованно и что в отношении его чинится произвол». В неоднократных беседах с ним, он постоянно подчеркивал, что по выходе из тюрьмы будет добиваться приема у товарища Н. С. Хрущева и у других членов Президиума ЦК КПСС, а также писать письма и заявления в различные инстанции. При этом он высказал мысль о том, что возможно снова обратится в китайское посольство с просьбой отправить его в Китай, где он будет лечиться и работать.

Прокуратура СССР и Комитет госбезопасности убеждены, что Сталин В. И., выйдя на свободу, будет снова вести себя по-прежнему неправильно.

В связи с этим считаем целесообразным Постановлением Президиума Верховного Совета СССР, в порядке исключения из действующего законодательства, направить В. И. Сталина после отбытия наказания в ссылку сроком на 5 лет в г. Казань (в этот город запрещен въезд иностранцам). В случае самовольного выезда из указанного места, согласно закону, он может быть привлечен к уголовной ответственности. В гор. Казани предоставить ему отдельную однокомнатную квартиру.

По заключению врачей состояние здоровья В. И. Сталина плохое и он нуждается в длительном лечении и пенсионном обеспечении. Как прослужившему в Армии более 25 лет в льготном исчислении В. И. Сталину была назначена пенсия в размере 300 рублей (новыми деньгами). Однако, учитывая, что он своими действиями дискредитировал высокое звание советского генерала, предлагается установить для него по линии Министерства обороны СССР пенсию в размере 150 рублей в месяц.

По улучшении состояния здоровья его можно было бы трудоустроить на одном из авиационных заводов гор. Казани.

Считаем также целесообразным при выдаче В. И. Сталину паспорта указать другую фамилию.

Перед освобождением из заключения т.т. Руденко и Шелепину провести с ним соответствующую беседу.

Проекты Постановления ЦК КПСС и Президиума Верховного Совета СССР прилагаются.

Просим рассмотреть.

Генеральный Прокурор Союза ССР Р. РУДЕНКО

Председатель Комитета госбезопасности А. ШЕЛЕПИН

7 апреля 1961 года»

Мудрое, милосердное решение было принято в отношении прослужившего более 25 лет в Армии сына Сталина. Слаб здоровьем стал в Лефортовской-то тюрьме боевой генерал, ну так срезать у него пенсию в два раза, а для «улучшения состояния здоровья» устроить его на завод каким-нибудь работягой. Ноги вот у Васи больные, с палочкой стал ходить — поселить его на самую верхотуру «хрущевки»! Пусть тренирует ноги-то. И все-таки Прокуратура и КГБ беспокоились, они были убеждены, что «Сталин В. И., выйдя на свободу, будет снова вести себя, по-прежнему, неправильно». Так может, еще чем-то стоило помочь опальному генералу?..

29 апреля 1961 года в сопровождении трех кагэбешников Василия Сталина доставили в Казань — прямо на ковер председателя КГБ Татарии В. Семичастного. Там ему рассказали о правах и обязанностях ссыльного. Объяснили, что из города выезжать нельзя, что квартира — однокомнатная — ему уже выделена, но ордер выписан на другого человека. Ему ведь желательна медицинская помощь — вот квартиросъемщиком и будет медсестра. Кто еще такая? Как кто — разве в Москве не было у товарища генерала знакомых медицинских сестер? Например, Мария Нузберг. Вот на ее имя и выписан ордер, она и будет теперь следить и заботиться о ссыльном сыне Иосифа Виссарионовича Сталина...

Так все и было. Через полмесяца сестричка, которая в Институте Вишневского лихо метала шприцы по филейным местам пациентов, явилась к Василию с кучей своих детишек. «Здрасьте!» Да. Наплевала Маша на ту Москву и поехала на передний край к татарам, чтобы быть еще более полезной советской Родине, как писал начальник секретной лаборатории по ядам товарищ Майроновский, «не вести паразитическую жизнь, когда вся страна ведет величественную созидательную стройку коммунизма при лязганье волчьих зубов врагов — американского империализма, когда дорога каждая минута...»

Чем тогда — именно с приездом, медсестры Нузберг — был

обеспокоен Василий Сталин, трудно сказать. Но вот срочно отписал он гневное письмо — жаловался на «беззаконие и бесстыдство», намекал, мол, его «хотят заклевать»...

Странное, ей-Богу, поведение некогда лихого воздушного бойца, что уж скрывать — любителя прекрасного пола. Рядом женщина, — как заметила о Нузберг Капитолина Георгиевна, «здоровая, как лошадь»! — а Вася садится за письма «царю Никите». Что за срочность? И, вообще, чем недоволен генерал? Полмесяца жил спокойно, ни на что не жаловался. Напротив, его узнали старые пилоты, которые служили под его знаменами — командующего авиацией Московского военного округа. И вдруг — с приездом знакомой по мединституту, где обследовался, кстати, на чьей жилплощади он еще не был прописан, — столько гнева, укора на чье-то «беззаконие и бесстыдство»...

Никита в переписки ни с кем не вступал. Сохранилась в документах одна его резолюция: «Азнакомица!» — написал генеральный секретарь. Это стоило ему большого напряжения, так что Никите было не до писем сыну Сталина, хотя и знал его с детства. Вот о самом Василии письма в Кремль из Казани поступали регулярно. И, прямо скажем, не слишком лицеприятные в адрес-то Никиты Сергеевича. Скажем, чекист передает выступление Василия: «Кто такой Никита? Он был секретарем партбюро в академии, а там мать училась. Она привела его в дом. Отец его — трах! — секретарем райкома партии. Трах — вторым секретарем МК. Трах — первый секретарь МК и секретарь ЦК!...»

Да-а... Тут одно остается: «Трах!» — и как бы кирпич с крыши упал прямо на голову. Так случается, когда о руководителях страны говорят, как Василий Сталин о Никите Хрущеве или генерал Лев Рохлин о «всемирноизбранном»...

Однако отставной генерал Сталин о всяких таких последствиях не задумывался, на собственном жилье не настаивал, а прижился у хозяйки, на чье имя была выделена квартира по улице Гагарина, и похоже, небезрезультатно. Через три месяца, к концу жаркого-то лета, хозяйка забеременела, а может, это только показалось, но доподлинно известно, что в сентябре Нузберг укатила в Москву — делать аборт — и вернулась аж после новогодних праздников!

Читатель может спросить: а что аборты при Хрущеве только в столице делали? Нет, конечно. Как и нынче, в любой деревне мастерицы такого дела находились. Да и Казань, как-никак, тоже столица, уж медсестра-то нашла бы возможность повернуть то мероприятие не обязательно в Москве. И, заметим, не за четыре месяца, а значительно быстрее.

Хозяйке, однако, было виднее — что, где и когда. Похоже, и Василий Иосифович не растерялся и не загрустил по поводу ее отъезда.

Однажды ему позвонила девушка, сказала, что когда-то они встречались на стрельбище и что она бережно хранит грамоты за отличную стрельбу от командующего ВВС Московского военного округа генерала Сталина. Василий пригласил девушку в гости. Оказалось, что о его приезде в Казань она узнала от дяди-летчика, который служил под началом Василия Сталина. Ну, вот такая неожиданная и приятная встреча...

Мариша, так звал Василий свою 24-летнюю пассию, перебралась к нему в ту комнатуху и вот рассказывает, спустя годы: «Материально мы жили очень скромно. Василий получал пенсию 300 рублей, из которых 150 отсылал первой жене. И еще мой оклад. Вставал всегда очень рано, шел на кухню, готовил завтрак. Из дома никуда не выходил, только пенсию получать ездил в КГБ на Черное озеро, да и то всегда вместе со мной. Его ни на миг не покидало предчувствие, что его заберут...»

Предчувствие было не случайно. То же явление медсестры Нусберг из Москвы в провинциальную Казань, квартира чьим-то распоряжением закреплённая за ней, затем отъезд и странное отсутствие, якобы в связи с абортom. Все это давило, действовало на нервы. А что мог сделать ссыльный генерал? Бежать — куда? Отцу легче было оставить полярную Курейку, одолеть заснеженные просторы и снова идти в бой против засилья хозяев несметных богатств Сибири Гинцбургов, против банкиров Бродского, Полякова, грузинских князьков, либералов царской Думы...

Избавиться от преследований КГБ, вызволить Василия из ссылки мог бы старый боевой друг Иосифа Сталина Ворошилов. И с таким поручением Василий послал Маришу в Москву — сначала к тетке Анне Сергеевне. С ней Мариша, Мария Николаевна, и отправилась к Климентию Ефремовичу. Пустое дело!

«Он встретил нас, старенький, потухший, испуганный. Выслушал и сказал: «Я все понимаю, но ничем не могу помочь, я ничего не решаю»... Что ж, может, и так. Россия — не Европа. Там, ежели какой президент задурит, скажем, повысит чуточку цены или еще как-то ухудшит жизнь людей — тут же поджопник получает. А у нас — года не пройдет — ему уже осанну поют. А он все раздувается, как мыльный пузырь, кряхтит, несет всякую чушь... Такого всевластия даже русские цари представить не могли!

Так что уехала Мариша из столицы ни с чем. Москва не любит отвечать на вопросы — сама предпочитает спрашивать:

«Ты записался добровольцем?»

«Ты чем помог фронту?»

«Ты был на баррикадах у «Белого дома?»...

Трагическая развязка с сыном Сталина приближалась с каждым днем. В декабре Василий позвонил Капе: «Приезжай. Давай думать не о том, что было, а о том, что будет...»

— Я не поехала тогда, — вспоминала Капитолина Георгиевна. — Решила сначала навестить его. Собиралась к 21 марта, взяла в кассе взаимопомощи 500 рублей. А 19 марта мне сообщили, что Вася умер... Нузберг действовала энергично! За январь окрутила его, расписалась. Когда Вася расписался — его и убрали. Юридически брак с Нузберг не действителен. Василий ведь не был разведен с Тимошенко...

А Марию Николаевну, Маришу, отбросили от ее Васи́ко без всяких проблем. Она только приехала из Москвы — вдруг ночью телефонный звонок. «Лялечка! — так звали ее только близкие люди. — Я тебя поздравляю!» — «С чем? — «Ну, ты ведь замуж вышла». — «Кто это говорит?» — «Свои». — «Кто — свои?» — «Завтра узнаешь!» И завтра она узнала. Вот как это происходило — по рассказу Марии Николаевны:

«Незнакомая женщина влетела прямо в комнату, где лежал Василий. Он приподнялся: «Зачем ты пришла?» Но женщина заявила мне: «Оставьте нас вдвоем». Василий тут же крикнул: «Мариша, сядь и не уходи!» «Ты очень болен, может, я смогу тебе помочь?» — ворковала женщина. Я решила, что это, видимо, его давняя знакомая, и ушла на кухню. Они говорили долго. Потом услышала голос Васи: «Уходи!» — «Нет, я никуда не уйду». И тут она заявила мне: «Если вам не трудно, уйдите домой сегодня». Я обомлела от ее наглости, прошу Васю: «Васико, объясни, я ничего не пойму!» «Потом, потом...» — страдальчески сказал он. Разозленная, в смятении, в ревности, я оделась и ушла».

Утром Марию Николаевну вызвали в районное отделение внутренних дел. Там разговор короткий: обвинили, будто она устроила скандал в квартире дома, где жила без прописки. Тонко намекнули: «Мы о вас все знаем»... Так что оставалось только взять сухарей, проститься с дядей-летчиком — «и в дальний путь, на долгие года»...

Но вот Василий позвонил Марише и просил ее прийти. Сказал, что три дня был без сознания. Когда она пришла, незнакомка и врач Барышева крутились вокруг Василия со шприцами. Он говорил, что ему колют какое-то снотворное. Мариша незаметно взяла одну использованную ампулу — тогда незнакомая женщина бросилась на нее, выхватила ампулу из рук и раздавила ее на ковре: «Уколетесь!..»

Что же произошло за те три дня, когда Мариша ушла от Василия и по вызову уже побывала в милиции? 5–6 января Нюзберг вернулась в Казань. Согласно «делу Флигера» № 1588 архива Лубянки, 9 января 1962 года Василий получил новый паспорт. 11 января ему уже оформили брак с Нюзберг и он удочерил ее детей. Ну, а 12 января Мариша у Василия и узнает, что последние три дня он был не просто болен, а лежал без сознания! Как же состоялись те мероприятия? Кто мог разрешить такое? Да как, вообще, за один день удалось сделать то, что с таким трудом пробивал Василий Сталин, но так и не добился? — заключение брака с Капитолиной Васильевой без официального развода с Тимошенко ему категорически запретили.

А не странный ли финал медового месяца по делу № 1588: через 20 дней после регистрации брака один из новобрачных оказался в реанимации! Причем все эти дни потеря сознания у молодожена — не трудно догадаться, что это был генерал Сталин — стала регулярной.

Уже в марте 1962-го, после звонка врача Барышевой, Мариша приехала к Василию и, совсем недавно радостный, заботливый к ней, он лежал в постели худой, бледный, обросший щетиной. Нюзберг не отходила от Василия и при ней состоялся такой вот разговор:

— Почему ты не позвонил сам? — спросила Мариша.

— Я не мог. Меня не было.

— Как?

— Меня увозили.

— Куда увозили?

— Не имеет значения...

Когда на минуту Василий и Мариша остались одни, он шепотом произнес:

— Имей в виду, тебе могут наговорить многое. Ничему не верь.

Было еще два звонка — Марише и ее матери. «Не проклиняйте меня...» — просил Василий. Потом говорил, что ему плохо, что его опять куда-то увозили. Кто увозил, куда, для чего? — можно только догадываться...

Вот и все. 18 марта Василий позвонил дочери в Москву, очень просил Надю приехать. Собиралась приехать на день рождения Василия и Капа.

— Думала остановлюсь в гостинице, привезу чего-нибудь вкусного. Была рада, что он не один, — вспоминала Капитолина Георгиевна. — Вдруг звонок — звонила Светлана. И говорит: «Вася умер...» Я спросила: «Ты поедешь хоронить?» — «Не поеду...»

В Казань я приехала с Надей и Сашей. Спросила Нузберг: от чего Василий умер. Говорит, мол, приехали грузины, привезли бочку вина — вот и умер. Было, мол, плохо — сделали укол, потом второй. Крутило, корежило... Но такое бывает при свертывании крови. А токсикоз исправляют не уколами, а промывают желудок. Человек лежал и мучился 12 часов, «скорую помощь» даже не вызвали. Спрашиваю, почему так? Нузберг говорит, что сама медик и сделала ему укол.

Я украдкой осмотрела кухню, заглянула под столы, в мусорное ведро — никакой ампулы не нашла. Спросила, было ли вскрытие и что оно показало. Да, говорит, было. Отравился вином. Тогда я сказала Саше, чтоб подержал дверь — решила сама проверить, было ли вскрытие. Подошла к гробу. Василий был в кителе, распухший. Я стала расстегивать пуговицы, а руки трясутся... Следов вскрытия нет. Вдруг дверь расхлопнулась. Врываются два мордоворота, которые за мной по пятам ходили, как только мы приехали в Казань, Сашу отшвырнули, Надю едва с ног не сбили и я лечу... А опричники орут: «Вам не положено! Не имеете права!»

Надя, Надежда Васильевна, рассказывала мне, как ей запомнились последние минуты встречи с отцом:

— Поднимаясь на пятый этаж «хрущевки», я все думала, как нелегко было отцу карабкаться вверх с больной ногой и с палкой — по этой узкой лестнице... Зашли в комнату. Посреди нее стояли две табуретки, на них доска. А на доске в окровавленных простынях лежал отец...

Спустя некоторое время она обратилась в КГБ — выяснить причину смерти Василия. Кто еще лучше-то знал, от чего умер сын Сталина — на то ведь те органы и «компетентные».

— Как! — косил под дурака генерал-кагебешник Н. Чистяков. — Вы не знаете, от чего он умер? У него же было кровоизлияние...

— Я знаю, что в Казани врач отказался дать медицинское заключение, которое от него требовали, — заметила генералу Надежда Васильевна. — Меня спросят: вашего отца застрелили? Я скажу: очень может быть. Спросят: его отравили? Я отвечу: возможно.

— Что вы! — всплеснул руками ангелоподобный чекист. — Как же так!..

Однако так.

Светлана Аллилуева без всякой дипломатии пишет, что брату «помогли умереть в его казанской ссылке, приставив к нему информантку из КГБ под видом медицинской сестры. О том, что она была платным агентом КГБ, знали (и предупреждали меня в

Институте Вишневого, где Василий лежал некоторое время на обследовании... Там его и «обворожил» эта женщина, последовавшая затем за ним в Казань, где она незаконно вступила с ним в брак. Незаконно, так как мой брат не был разведен еще с первой своей женой и был, по сути, троеженцем уже до этого, четвертого, незаконного брака. Но права нужны были Маше для определенного дела, а КГБ с милицией помогли ей зарегистрировать этот брак...

Последние фотографии Василия говорят о полнейшем истощении: он даже в тюрьме выглядел куда лучше! И 19 марта 1962 года он умер при загадочных обстоятельствах. Не было медицинского заключения, вскрытия. Мы так и не знаем в семье: отчего он умер? Какие-то слухи, неправдоподобные истории...»

Да уж куда неправдоподобней! В Казани, вон, нашелся собкор Б. Бронштейн, так пишет милок, будто «норма бывшего летчика составляла литр водки плюс литр вина в день». Ну, надо же плести такое! Да ведь литр водки — смертельная доза для иного. А какой осел вино смешивает с водкой! Это — ерш, косорыловка, от которой с одного стакана на песню тянет, а с двух — под стол. Ну, попробовал бы Боря Бронштейн на своем крепеньком организме — проверил бы, прежде чем такую чушь нести.

В годы войны, известно, летчикам после напряженных воздушных боев ставили на стол «наркомовские» 100 граммов. Помню, и мы пели:

Эх, крепки ребята-ястребки!

С «мессершмиттом» справится любой.

Ты согрей нас жарко, фронтовая чарка,

Завтра улетаем в бой...

Из песни слова не выкинешь. Чем-то, значит, диктовался тот неписанный порядок. Впрочем, и писанный. Одно время в полку, которым командовал Василий Сталин, служил летчик В. И. Попков, ныне генерал, дважды Герой Советского Союза. Вот что заметил Виталий Иванович по этой деликатной теме: «Пили мы не больше обычного. Ну то, что было положено... Это Светлана расписала, что ее брат много пил. А я бы так не сказал. Вася пил, как почти все летчики. И это я прямо сказал Светлане, когда после ее возвращения из-за границы прочитал эти ее «Письма другу»...

Ну, а Светлана-то Иосифовна была близка к истине, — и без литра водки! — когда ее саму чуть было не отправили на тот

свет.

Как-то она прилетела в родные края и, похоже, собиралась остаться в России. Двоюродный брат Светланы Владимир Аллилуев готовился встретить ее, когда она уже летела из Тбилиси в Москву, но тут ему позвонили из грузинского посольства и предложили не беспокоиться — оставайтесь, мол, дома, Светлану Иосифовну мы сами встретим. Аллилуев согласился, а утром ему сообщили, что Светлана в больнице. Оказалось, что накануне вечером ей стало плохо. Она вызвала врача. Понятно, врач оставил дорогой гостье таблетку. Она ее проглотила — и тут с ней начался такой цирк, что желание остаться в Москве у дочери Сталина решительно отпало. «Отца моего отравили, — заявила она. — Я не хочу умереть так же»... Грамотное решение, ничего не скажешь.

Капитолина Георгиевна о смерти Василия говорила тоже откровенно: «Я не сомневаюсь, это — убийство. Надо было видеть, как меня от гроба отталкивали!.. Вася лежал в гробу под какой-то кухонной тюлью и мне так хотелось броситься к нему, сорвать ту тряпку. Но я сдержалась: «К чему? Кто поймет?..»

Теперь по поводу места захоронения Василия Сталина. Известно, что его мать, Надежда Аллилуева, покоится в Москве, на Новодевичьем кладбище. Почему, с какой стати ее сын должен лежать где-то в провинции, у татар?..

Дети Василия Иосифовича, однополчане не раз просили всякие власти перезахоронить его — рядом с матерью. Грузины готовы были перенести останки Василия в землю его пращуров.

Сестра Светлана вспоминает, как Мария — теперь уже не Нузберг, а Джугашвили! — воспользовалась правом «законной вдовы» и быстро похоронила его в Казани: «А без доказательства незаконности ее брака никто не может приблизиться к могиле Василия, учредить эксгумацию, расследование причин смерти. Надо подать в суд, представить, как свидетельницу, первую, неразведенную жену... Этого хотят друзья Василия, этого хотят его дети, и хочу я. Однако Громыко не удостоил меня встречей по этому вопросу, когда я была в Москве, и даже не ответил на мое письмо, хотя меня заверили, что он получил его. Значит — еще не хотят раскрытия всех обстоятельств...»

Василий, конечно, знал куда больше, чем я, об обстоятельствах смерти отца, так как с ним говорили все обслуживающие кунцевскую дачу в те же дни марта 1953 года... За ним следили и в конце концов арестовали его. Правительство не желало иметь его на свободе...»

Эх, да что говорить! Будут Громыко или Шеварднадзе, Хрущев, Горбачев или Ельцин чесать репу по поводу сына

Сталина. Им не один ли хрен, где захоронен боевой летчик, бывший командующий авиацией Московского военного округа. Вот их упокоят — как верных сынов Отечества, радетелей за счастье народное! Таким добрым молодцам место только в пантеонах да в египетских пирамидах. Они и в аду в списке VIP-персон числятся. Черти им даже сковородки специальные заказывают, которые не подгорают...

Светлана Иосифовна замечает о смерти брата: «КГБ помог ему умереть». Так ведь компетентный орган помог и безутешной вдове Нузберг-Джугашвили — пережить ее горе. На похороны Василия Сталина казанские чекисты, по указанию Лубянки, пожертвовали 426 рублей 05 копеек. Медсестре из Института Вишневского в ту пору едва перевалило за тридцать, и она, конечно, пережила свою скоропостижную любовь, но в Казани с пониманием отнеслись к вдовствующей генеральше, ее — осиротевшим со смертью папы Джугашвили — девочкам и вручили им ключи от двухкомнатной квартиры — счастье, которое — еще до сих пор! — не посетило многих стариков — участников войны...

В личном деле Василия Сталина черным по белу записано, что Джугашвили Мария Игнатьевна его жена, посему получает пенсию за мужа-генерала в Московском ГВК. Но это будет чуть позже. Вдовствующим же генеральшам, кроме того, были положены еще и всякие льготы — от санаторно-курортного лечения до жилищно-коммунальных услуг. Так что компетентные органы в Казани, надо полагать, учитывали все это и Марии Джугашвили, жене только что выпущенного из тюрьмы зэка, проходившего по антисоветской 58 ст. УК РФ, разрешили работать на секретном предприятии.

«Почтовый ящик № 296» выпускал приборы для ракет и космических кораблей. Без ведома КГБ в тот «ящик» хрен пролезешь. Зато уж и платили «почтовикам» по-царски!

Однако только два года пожила медсестра Нузберг в Казани. Сразу-то после смерти Василия бежать в Москву, пожалуй, неловко было — что в том же Институте имени Вишневского скажут? Впрочем, там о Нузберг сказали, кажется, все, что знали... Но кадров медсестра Нузберг оказалась ценным, белокаменная великодушно приняла возвращение беглой дщери, ей снова дали ордер — подряд уже на третью квартиру. Но, известно, ничто не вечно под Луной...

Ушла в лучшие миры и законная — незаконно! — жена летчика Сталина. Могила ее на Троекуровском кладбище, говорят, среди больших кагэбешных шишек. А вот как дочери Марии Игнатьевны умудрились перенести прах «дорогого папы»

из Казани в Москву, то есть сделать то, что не под силу было ни сестре Василия Светлане, ни его родным детям Александру и Наде, ни семье Аллилуевых, ни Капитолине Васильевой?.. В чем были бессильны, — а скорей, равнодушны! — и Ворошилов, и Микоян, и Громыко, к кому обращались родственники Василия Сталина...

Александр Бурдонский, родной сын Василия Сталина, о перезахоронении отца узнал случайно и у него, известного режиссера, от удивления аж челюсть отвисла! Ну, в самом-то деле, две совершенно чужие женщины распоряжаются — где лежать его отцу, под какой фамилией, при этом, не спросив его согласия, не посоветовавшись с ним.

Капитолина Георгиевна, когда я ей рассказал о тайном мероприятии по переносу праха Василия Иосифовича, долго молчала, ушла в какую-то свою глубокую думу, а потом немногословно заметила: «Троекуровское кладбище для Василия — это продолжение преступления»...

Именно туда, а не на Новодевичье кладбище, где захоронена его мать, Надежда Аллилуева, осенью 2003 года и привезли гроб из Казани. Так и лежит там рядом с медсестрой Нузберг сын вождя, генералиссимуса Сталина. Теперь у них одна общая фамилия — Джугашвили.

Оставляя Россию, уже навсегда, Светлана Аллилуева прощалась с Капитолиной Георгиевной.

Вот ее последнее письмо, после которого встреч больше не было:

«Дорогая моя Капуся!

Не знаю даже, как тебе это сказать, чтобы не огорчить, но я решила уехать, поскольку и Оля уезжает.

На старости лет я стала злой и нетерпимой, не могу принять многого, не могу согласиться с тем, как люди живут и думают. А главное — не могу никак согласиться с теми, кто управляет. В молодости я была тихоней, а Василий — тот кипел кипятком, и оттого погиб. Теперь я его понимаю куда лучше, чем раньше, потому что я сама стала не такой сонной и равнодушной, какой я была в молодости.

Чего тебе говорить — ты и сама понимаешь...

Вопросами, которые я ставила (и о судьбе Василия) никто заниматься не хочет: к чему это им всем? И так хорошо. Я — как бельмо на глазу им всем.

Обнимаю тебя и целую, дорогая моя. Хорошо было с тобою повидаться, хотя бы и не надолго. Целую. Твоя Светлана».

...Минует сорок весен. Как-то перебирая в памяти бывшее, Капитолина Георгиевна достала из серванта старенький

ридикюль и протянула мне эту поистине реликвию давних лет.

— Вот все, что осталось на память о Василе...

Ридикюль был чем-то заполнен и, пока я помогал распутывать связывавшие его ленточки, Капитолина Георгиевна заметно волновалась. Потом прикоснулась к пожелтевшим листочкам и конвертам из ридикюля, улыбнулась чему-то своему — ушедшему навсегда — и заметила, как мне показалось, грустно-грустно:

— Это письма Василия из тюрьмы. Их, кроме меня, никто не читал...

Литература

Вот литература, которая помогла автору в работе над этой книгой

ЦАМО СССР, фонд 20020, опись 1, дело 9

ЦАМО СССР, ф. 20020, оп. 1, д. 12

ф. 20020, оп. 1, д. 13

ф. 20020, оп. 1, д. 19

ф. 20020, оп. 1, д. 25

ф. 20020, оп. 1, д. 67

ф. 20020, оп. 1, д. 91

ф. 20020, оп. 2, д. 14

ф. 20020, оп. 2, д. 15

ЦАМО СССР, фонд 20255, опись 01, дело 19

ф. 20255, оп. 02, д. 7

ф. 20255, оп. 02, д. 11

ЦАМО СССР, фонд 32 гв. иап, опись 245828, д. 1

фонд 32 гв. иап, оп. 27238сс, д. 2

А еще приказы, полевая почта и воспоминания участников Великой войны, с кем довелось работать в поиске истины о былом.

Среди авторов воспоминаний и собеседников маршалы авиации С. И. Руденко, Н. С. Скрипко, А. П. Силантьев, А. И. Покрышкин, И. Н. Кожедуб, Г. В. Зимин, И. И. Пстыго, Е. Я. Савицкий; генералы А. А. Алелюхин, Г. Ф. Байдуков, А. В. Беляков, А. С. Благовещенский, П. И. Брайко, Г. А. Ворожейкин, А. И. Выборнов, Г. У. Дольников, Б. Н. Еремин, К. А. Евстигнеев, Н. П. Каманин, М. В. Кузнецов, Н. Ф. Кузнецов, В. Н. Кубарев, А. А. Микоян, И. Ф. Петров, Г. А. Петренко, А. Н. Пономарев, А. И. Подольский, В. И. Попков, В. В. Решетников, Г. А. Речкалов, В. К. Сидоренков, А. Ф. Сергеев, Н. А. Сбытов, А. И. Труд, С. Ф. Ушаков, В. М. Шевчук.

И, наконец, просто однополчане, фронтовые друзья летчика Сталина: В. П. Бабков, А. Я. Баклан, К. В. Блинова, С. Ф. Долгушин, А. Г. Котов, Б. А. Морозов, А. С. Макаров, Ф. Ф. Прокопенко, Ф. И. Шинкаренко. А также его верный друг и жена Капитолина Георгиевна Васильева.

В книге использованы материалы фототеки Военногоиздательства, газеты «Красная звезда», а также фотографии из личного архива Капитолины Георгиевны Васильевой и автора.

Мальчик Вася по фамилии Сталин.

А вот так жили когда-то в Кремле.

«Иосиф, пришли мне если можешь руб. 50, мне выдадут деньги только 15 IX в Промакадемии, а сейчас я сижу без копейки. Если пришьешь будет хорошо».

«Письмо с деньгами получила. Большое спасибо. Посылаю тебе шинель, т. к. после юга можешь сильно простудиться».

Из писем первой леди рабоче-крестьянской республики.

Вася (слева) и его дружок Артем.

С двух до шести лет мы с Василием были воспитанниками
детдома.

Артем Сергеев

В дальнее плаванье... Впереди целая жизнь!

ЗДРАВСТВУЙ ПАПОЧКА, ПРИЕЗЖАЙ СКОРЕЙ ДОМОЙ ФЧЕРА
РИТКА такой ПРАКАС ЗДЕЛАЛА УЖ ОЧЕНЬ ОНА АЗАРНАЯ
ЦЕЛУЮ ТЕБЯ ТВОЯ СЯТАНКА.

Сятанка — это Васина сестра Света, любимица Сталина.

Лошадь в фамилиях не разбирается, ею управлять нужно... Я удивлялся, что Василия так животные любят. Это была часть его жизни.

Артем Сергеев

Буденный и Ворошилов (справа) — вот были конники!

Солдат с цветочком — Иван Конев. В 1916-м он стоял «За веру, царя и Отечество».

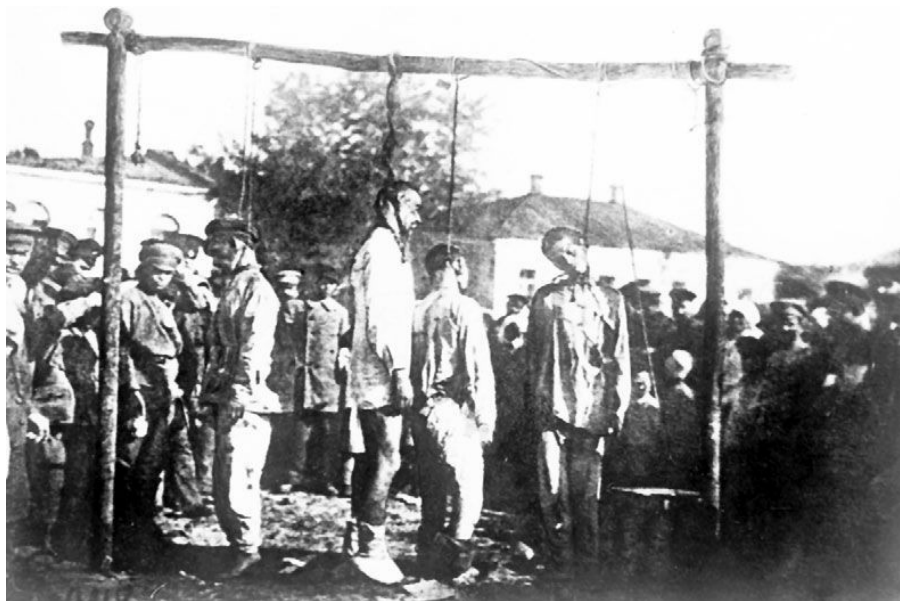
В 1918-м Иван стал «красным».

А генерал Краснов и казак Шкуро — «белыми».

В конце XX века русских объявят «расеянами» и на святой Руси появится новый цвет — краснокоричневые!

Разве темные, забытые крестьяне и рабочие смогли бы сами сбросить с себя оковы буржуазии?.. Мы можем быть спокойны, пока руководство Красной Армией принадлежит тов. Льву Троцкому.

М. Коган («Коммунист», 12 апреля 1919 г.)

«И как один умрем в борьбе за это!»

Пацаны, как вам эта эротическая фантазия? Умереть под знаменами Лейбы Троцкого. Деды дураками были? Ну, конечно. А за «Березу» и «Толика-рыжего» не вы ли у Дома правительства батюшку с крестом танком давили?

В 1922-м Сталин приезжал в Грузию. Мать тогда спросила его: «Сынок, на твоих руках нет царской крови?» — «Вот тебе крест, истинно нет!» — ответил Сталин и на глазах у всех перекрестился.

Я никогда не встречал человека более искреннего, порядочного и честного; в нем нет ничего зловещего и темного, и именно этими его качествами следует объяснять его огромную власть в России... Никто его не боится, и все верят в него.

Герберт Уэллс, английский писатель

Никита пока присматривается...

Крови на совести Хрущева не меньше, а по сравнению кое с

кем и больше!

Н. А. Яковлев, руководитель Комиссии по реабилитации жертв репрессий

Подхалимствующий дурак приносит больше вреда, чем сотня врагов.

И. Сталин

Праздник урожая в Брокенборге под Мюнхеном.

За несколько лет, что мы были у власти, нам удалось создать величайшее государство в истории человечества.

Адольф Гитлер

Мы всегда были того мнения, что сильная Германия является необходимым условием прочного мира в Европе.

В. Молотов

Никогда германский народ не испытывал вражды к народам России! Однако иудейско-большевистские правители Москвы в течение 20 лет пытались разжечь пожар не только в Германии, но и во всей Европе.

Адольф Гитлер

Гитлер после подписания германо-советского Договора о ненападении. 24 августа 1939 г.

Das Illustrierte Blatt

Das Illustrierte Blatt

26. Jahrgang Nr. 41
12. Oktober 1940

Preis 20 Pfg.

Die einzige Zeitschrift für Kunst
und Kultur, belehrende Unterhaltung,
das Feinste, Interessanteste und
unterhaltendste Wissen

Знаменитая русская актриса Ольга Чехова в Париже среди немецких солдат.

На войну нас толкнули не политические идеи Гитлера. Мотивом стали его успехи в опыте создания новой экономики. Причинами войны явились: зависть, алчность и страх.

Генерал Фуллер, английский историк

Успехи новой Германии вызвали зависть и бешеную злобу в странах, граждане которых уже давно превратились в послушных рабов международного банковского капитала.

В. Пруссаков, известный публицист

Совместные учения советских и германских войск. Брест, 1940 г.

Я категорически отказываюсь расценивать события в Германии с точки зрения немецких евреев... Я понимаю их душевное состояние, но не могу превратить его в критерий добра и зла, особенно при оценке и изучении таких явлений мирового значения, как германский национал-социализм.

Иван Ильин, выдающийся русский философ

Гитлер и Ольга Чехова (в центре). Штирлиц отдыхает...
Май, 1939 г.

Мы построили экономику, воспитали здоровую молодежь —
здоровую духовно и физически.

Адольф Гитлер

*Мы рождены, чтоб сказку сделать былью,
Преодолеть пространство и простор...*

Николай Власов, друг Василия по Каче.

Выпускники Качинской военной школы летчиков. 1940 год.
Второй слева лейтенант В. Сталин.

Маршалы Советского Союза

К. Ворошилов

С. Буденный

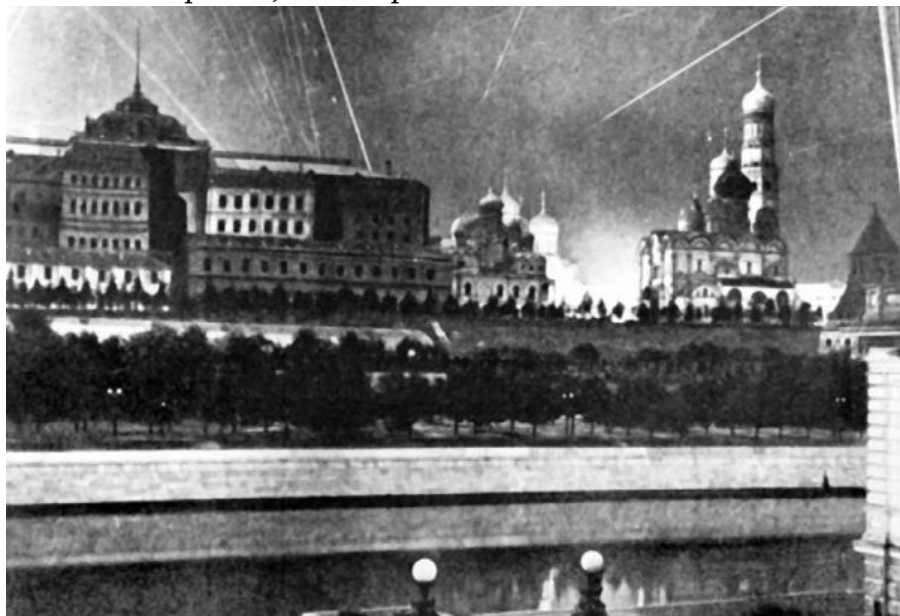

С. Тимошенко

«Не Германия напала на Францию и Англию, а Франция и Англия напали на Германию, взяв на себя ответственность за нынешнюю войну...

Правящие круги Англии и Франции грубо отклонили как мирные предложения Германии, так и попытки Советского Союза добиться скорейшего окончания войны».

Газета «Правда», 30 ноября 1939 г.

Лето 1941 года. Немцы бомбят Кремль. Снимок сделан из английского посольства.

С ними Василий Сталин встретил войну

Борис Морозов

Борис Смирнов (перед строем)

Тимур Фрунзе. Погиб в январе сорок второго в воздушном бою под Старой Руссой.

«Экипаж машины боевой». Слава Богу, вернулись живыми.

Литовская вспомогательная охрана евреев держала связанными веревкой. Июль 1941 г.

Мы пройдем через все испытания и под знаменем Богородицы
победим врага... Мы молимся о единстве нашего народа.

Владыка Николай, Митрополит Киевский и Галицкий.

Крымские татары на службе вермахта. Февраль 1942 г.

«Не следует держать в тайне очевидное предпочтение татарских племен а, наоборот, нужно объявить это как акцию особого признания их заслуг» Берлин. 22.05.42. Экономический штаб Ост.

Дважды Герой Советского Союза Амет-Хан Султан родился в Алушке — тоже Крым.

Герои сталинградского неба. В центре командир полка Иван Клещёв. Справа от него Василий Сталин — обнял боевого товарища.

А это герои боев в небе Британии и Ольга Чехова. Знаменитая русская актриса с помощью генерала В. Шелленберга пыталась вызволить из концлагеря Якова Джугашвили.

Вальтер Ульбрихт (слева) и Эрих Вайнерт призывают немецких солдат сдаваться в плен. Сталинград, зима 1942-го.

Эти не сдались...

Но к февралю 1943-го в плену оказалось свыше 90000

человек.

Допрос фельдмаршала Паулюса. Он справа.
К. К. Рокоссовский, Н. Н. Воронов и переводчик Н. Д. Дятленко
(слева направо).

Летчик-истребитель Вера Зенкова (в центре) с подругами
фронтной молодости.

Настал черед, пришла пора,
Идем, друзья, идем!
За все, чем жили мы вчера,
За все, что завтра ждем.
Может быть, отдельным штатским людям
Эта песня малость невдомек.
Мы ж не позабудем,
Где мы жить не будем,
Фронтowych изъезженных дорог.

«Отдельные штатские люди» армию переводят на контрактную основу. Интересно, сколько будет стоить огненный таран? А честь солдата?...»

Тут все ясно — французы с нашими девушками.
«В небесах мы летали одних»...

А ну-ка, Ваня, внеси ясность на тему «Шерше ля фам!»

Всем смертям назло!

Клава Блинова тоже воевала на истребителях. С этим лихим танцором попала в плен. Ночью на полном ходу поезда они выбросились в темноту...

Вернулись к своим. Прошли проверку в СМЕРШе и снова бои.
А спустя годы, снова плясали!

«В бой идут одни старики...»

Летчик В. Попков — командир «поющей» эскадрильи и его невеста — военврач Раиса Волкова. На их свадьбе посаженным отцом был Василий Сталин.

Генерал К. Телегин с семьей. Справа его сын — летчик-истребитель Костя Телегин.

Красная Армия в Берлине. Сделать это мог только гигант Сталин!

Адольф Гитлер, рейхсканцлер и главнокомандующий вермахта
То-то и оно. Но маршал Жуков, однако...

Это еще что такое! Паненки, цветочки...

А это как понимать?

Слушай приказ!

«Приказываю:

Особое внимание обратить на то, чтобы люди не допускали бы фактов панибратства и любезничанья с... гражданским населением.»

Г. Жуков

Телегин»

В самом деле, что там любезничать-то.

Отдай трофею!..

Раздача хлеба немцам. Начало мая 1945 г.

Постановление Военного совета 1-го Белорусского фронта.

11 мая 1945 г.

...Выдачу хлеба населению Берлина производить ежедневно. Мясо, жиры, сахар, крупу и картофель выдавать по установленным нормам.

**Из постановления Государственного Комитета Обороны
26 мая 1945 г.**

...передать в распоряжение правительства Чехословацкой республики для снабжения города Праги на выработку муки и крупы 8800 тонн продовольственного зерна, а также 600 тонн соли и завезти в город до 10 июня с.г.

Советское правительство, товарищ Сталин оказали нам колоссальную помощь в самый тяжелый период для населения Будапешта. Столица никогда не забудет этой помощи. Друг всегда узнается в беде.

Бургомистр Будапешта господин Ваш

Эх, Европа!..

В памяти евреев навечно останется благодарность русскому человеку — ведь именно Ивановы, Петровы, Сидоровы, приняв на себя страшный удар нацистской военной машины, потеряв миллионы жизней, спасли народы Европы от унижения и порабощения, а еврейский народ — от полного уничтожения.

Адольф Шаевич, Главный раввин России

Слава Богу, хоть рабби не требует от русских покаяния.

Большим счастьем для России было то, что в годы тяжелейших испытаний ее возглавил гений и непоколебимый полководец И. Сталин.

*Уинстон Черчилль, премьер-министр Великобритании
Сталин не ушел в прошлое — он растворился в будущем.
Шарль де Голль, президент Франции*

Как только Иосиф Виссарионович приглашал сына приехать к себе, тот тут же бросался к Капе: «Давай поедem к нему вместе!

Тебя он так любит!»

Кира Аллилуева

«Ты мое счастье!»

Василий и Капа.

Лина, Надя и Саша (справа налево) — их дети.
«Чада мои возлюбленные, вам надо дружить.
Крепко целую. Папка».
(Из письма В. Сталина. 8 апреля 1958 г.)

Покой. О чем шепчут волны Василию и Капе?..

Дочь и жена генерала Жигарева — Таня и Елена (слева), а справа генерал Савицкий с женой. В гостях у сына Сталина. Сочи.

На этом снимке Василий Сталин в парадной форме.

Здесь он с детьми. Капа написала на обороте снимка: «Ребята уже научились улыбаться». Но что-то подсказывало ей тревогу. Не случайно вопрос: «Почему такая тоска в душе?..» — это о Василии.

Внешне Хрущев был отталкивающим. В ту пору, когда я его знал, у него был отвислый живот, двойной подбородок, всегда открытый рот, из которого брызгала слюна, и маленькие свиные глазки.

Серго Берия

Он только казался простоватым человеком. Случалось, наигрывал простодушие. Но я часто видел, какими холодными, отчужденными становились в гневе его маленькие карие глаза.

А. Аджубей, зять Хрущева

Будь неюти адреса (Как некая)
Илья Ильич. По Владимиру 2 тудом. Надо ехать
в ту которая находится на вост-стороне
города рядом с городской поликлиникой
и Голкиной (лучше архиватор - Кладбище).
Илья Ильич. Помню я не сааравно, но
городской архиватор.
Запомни - Василий Василий Павлович.

Хрущев боялся даже слова «Сталин»! В тюрьме сын Иосифа Виссарионовича проходил как зэк Васильев Василий Павлович.

Г. К. Жуков

Тов. Хрущеву И. С.

«...он рассказал своей жене следующее: «Что правительство ведет неразумную политику в отношении чрезмерных затрат на ракеты, чтобы Гагарин полетел, эта ракета стоила 4 млрд. рублей».

(Записка председателя КГБ В. Семичастного о настроениях Г. Жукова)

Н. Хрущев: «Жуков честный человек, военный, но сумасброд».

Народ любил Сталина и очень тепло о нем отзывался. А сейчас в народе настойчиво говорят: «Хрущев непрерывно пьет и гуляет».

Командир отряда космонавтов Н. Каманин, Герой Советского Союза.

Л. Хрущев (слева) и С. Микоян с танцовщицей из Большого театра.

Брат, пьяный, застрелил человека, попал под трибунал.
Рада Хрущева

Мам!.

Постарайся (а если ты заболел и постарайся
по другим все) как можно быстрее сделать
и привези. Мне desperately инструментальное
инструменты. Это мне крайне необходимо.
На сколько можешь справиться пережить и сказать
что мне нужно.

Конечно же можно ехать у Володи, а если ты
с ним не видишь то у Ивана Константиновича.
Если вернется в магазин и не такой инструмен-
тальный набор по принципу то тут он не будет
милым (сверх дорогого), а только сохранит мне
руки и подтвердит мое сердце к работе, что очень
важно при написании дней. Выжили. Но важно.

Может быть тебе
стыдно, а мне иногда
реветь хочется.
Меню Василь.

«Может быть тебе смешно, а мне иногда реветь хочется.

Целую Василь.

3 апреля 1956 г.